

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И. А. БУНИНА»

ИСТОРИЯ: ФАКТЫ И СИМВОЛЫ

*Рецензируемый научно-теоретический
и прикладной журнал*

№ 2 (31) / Елец, 2022

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-31-2

<https://hisfas.elpub.ru>

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-59752 от 7 ноября 2014).

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ляпин Д. А. (доктор исторических наук, доцент, ЕГУ им. И. А. Бунина, Елец)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Глазьев В. Н. (доктор исторических наук, профессор, ВГУ, Воронеж)

Елистратов В. С. (доктор культурологии, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

Канищев В. В. (доктор исторических наук, профессор, ТГУ им. Г. Р. Державина, Тамбов)

Крючков И. В. (доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений СКФУ, Ставрополь)

Литвинов В. П. (доктор исторических наук, профессор, ЕГУ им. И. А. Бунина, Елец)

Оришев А. Б. (доктор исторических наук, профессор, РГАУ – МСА им. К. А. Тимирязева, Москва)

Петрухинцев Н. Н. (доктор исторических наук, профессор, РАНХиГС, Москва)

Сень Д. В. (доктор исторических наук, профессор, Южный Федеральный университет), Ростов-на-Дону)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Горбачев В. И. (кандидат исторических наук, докторант университета королевы Виктории, Веллингтон, Новая Зеландия)

Горчыца Я. К. (сотрудник Познаньского университета им. Адама Мицкевича, зав. отделом археологии Конинского окружного музея, Познань, Польша)

Жиров Н. А. (кандидат исторических наук, доцент, ЕГУ им. И. А. Бунина, Елец) – зам. главного редактора

Клевцова О. В. (кандидат исторических наук, доцент, ЕГУ им. И. А. Бунина, Елец)

Колотари А. (Доктор философии (Dr. habil.), доцент педагогического факультета Капошварского университета, Капошвар, Венгрия)

Ливцов В. А. (доктор исторических наук, профессор, Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Орел)

Лоевская М. М. (доктор культурологии, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

Обломский А. М. (доктор исторических наук, профессор Института археологии РАН, Москва)

Овчинникова Ю. С. (кандидат культурологии, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

Ряполов В. В. (кандидат исторических наук, доцент, ЕГУ им. И. А. Бунина, Елец)

Серазетдинов Б. У. (кандидат исторических наук, доцент, Центр военной истории Института российской истории РАН, Москва)

Тропин Н. А. (доктор исторических наук, профессор, ЕГУ им. И. А. Бунина, Елец)

Филонов В. И. (доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и международных отношений, Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Орел)

Чубур А. А. (кандидат исторических наук, доцент БГУ им. И. Г. Петровского, Брянск)

Шапиро Б. Л. (кандидат исторических наук, доцент РГГУ, Москва)

СОДЕРЖАНИЕ**ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

Горлов В. Н., Артёмов С. Н. (Москва)	ПРОБЛЕМЫ ПОДМОСКОВНЫХ ОБЩЕЖИТИЙ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ	7
Сидорчук И. В. (Санкт-Петербург)	ИНТЕГРАЦИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В СИСТЕМУ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1920 – 1930-Х ГГ.	19
Шевченко И. А. (Липецк)	АЛКОГОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА 1920-Х ГОДОВ В ОЦЕНКАХ КРЕСТЬЯН	29
Мартынова Е. П., Япи Ж. (Тула)	ЖИЗНЬ В СССР ГЛАЗАМИ АФРИКАНСКИХ СТУДЕНТОВ (1960-е – 1980-е ГОДЫ)	38

АРХЕОЛОГИЯ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Лапшина З. С. (Хабаровск)	АРХЕОЛОГИЯ НИЗОВЬЕВ РЕКИ АМУР: К ИЗУЧЕНИЮ СУКПАЙСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ СРЕДИ ПЕТРОГЛИФОВ АМУРА И УССУРИ	46
Мокшин Г. Н. (Воронеж)	О ЧЕМ СПОР? СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О ПРОБЛЕМЕ ЛЕТОПИСНОГО ВОРОНЕЖА	56

XVII ВЕК

Глазьев В. Н. (Воронеж)	КОНФЛИКТЫ АДМИНИСТРАТОРОВ ГОРОДОВ-КРЕПОСТЕЙ ЮГА РОССИИ В XVII в.: ПОВОДЫ, МЕХАНИЗМЫ РАЗРЕШЕНИЯ	69
Рыбалко Н. В. (Волгоград)	ИЗУЧЕНИЕ ПРИКАЗНОГО АППАРАТА УПРАВЛЕНИЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В XXI ВЕКЕ	78

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Нечаев В. В. (Владивосток)	НЕПРИЗНАННОЕ СОСЛОВИЕ (ОДНОДВОРЦЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.) .	92
-------------------------------	---	----

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Коробицына Л. В. (Москва)	ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ	108
Пушкаренко Е. А. (Белгород)	БЕЛОРУССКИЙ ЖЕНСКИЙ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ НЕМЕЦКОЙ ПРОПАГАНДЫ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	115

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

Орлов А. С. (Орёл)	«СТРАШНЫЙ СУД», ФРАГМЕНТЫ ДНЕВНИКОВ М.О. МЕНЬШИКОВА 1917-1918 ГГ.	122
-----------------------	---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Жиров Н. А., Ляпин Д. А., Мельникова А. Р. (Елец)	К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.	135
--	---	-----

Ляпин Д. А. (Елец)	ЦЕННЫЙ ОПЫТ НОВОЙ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: РЕ- ЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «ИЗ ИСТОРИИ ХВОРОСТАНСКОГО КРАЯ. СЕЛО ДАНКОВО В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИА- ЛАХ / СОСТ., ВСТУПИТ. СТАТЬЯ И ПРИМЕЧАНИЯ Г.Н. МОКШИНА. ВОРОНЕЖ: ИСТОКИ, 2019. – 492 С.»	137
-----------------------	--	-----

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ	139
------------------------------------	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	141
-------------------------------------	-----

CONTENT**HISTORY OF EVERYDAY**

Gorlov V. N., Artemov S. N. (Moscow)	PROBLEMS OF WORKING YOUTH IN MOSCOW REGION SOCIETY IN THE POST-WAR YEARS	7
Sidorchuk I. V. (St. Petersburg)	INTEGRATION OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS INTO THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATION IN THE 1920-1930s.	19
Shevchenko I. A. (Lipetsk)	ALCOHOLIC POLICY OF THE SOVIET STATE IN THE 1920S IN THE PEASANTS' ASSESSMENTS.....	29
Martynova E. P., Yapi J. (Tula)	LIFE IN THE USSR IN THE EYES OF AFRICAN STUDENTS (1960s – 1980s)	38

ARCHEOLOGY AND QUESTIONS OF THE HISTORY OF ANCIENT RUSSIA

Lapshina Z. S. (Komsomolsk-on- Amur)	ARCHEOLOGY OF THE LOWER AMUR RIVER: TO THE STUDY OF THE SUKPAI ARTISTIC STYLE AMONG THE PETROGLYPHS OF THE AMUR AND USSURI	46
Mokshin G. N. (Voronezh)	WHAT IS THE DISPUT ABOUT? MODERN RESEARCHERS ON THE PROBLEM OF CHRONICLE VORONEZH	56

XVII CENTURY

Glazyev V. N. (Voronezh)	CONFLICTS OF THE ADMINISTRATORS OF THE FOR- TRESS CITIES OF THE SOUTH OF RUSSIA IN THE 17th CENTURY: REASONS, MECHANISMS OF PERMISSION....	69
Rybalko N. V. (Volgograd)	STUDY OF THE MANAGEMENT APPARATUS OF THE MOSCOW STATE IN THE XXI CENTURY	78

TOPICAL QUESTIONS OF THE HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE

Nechaev V. V. (Vladivostok)	UNRECOGNIZED ESTATE (ODNODVORTSY OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION IN THE 18th – EARLY 19TH CENTURIES)	92
--------------------------------	--	----

**THE SOVIET STATE AS A HISTORICAL AND
CULTURAL PHENOMENON**

Korobitsyna L.V. (Moscow)	MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE INTERNET SPACE OF RUSSIAN SOCIAL NETWORKS	108
------------------------------	---	-----

Pushkarenko E. A. (Belgorod)	BELARUSIAN WOMEN'S COLLABORATIONISM AS A TOOL OF GERMAN PROPAGANDA DURING THE SECOND WORLD WAR	115
---------------------------------	--	-----

HISTORICAL ARCHIVE

Orlov A. S. (Orel)	THE LAST JUDGMENT, FRAGMENTS OF MENSHIKOV'S DIARIES OF 1917-1918	122
-----------------------	--	-----

SCIENTIFIC LIFE

Zhirov N. A., Lyapin D.A., Melnikova A.R. (Yelets)	ON THE STUDY OF THE DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION IN THE SECOND HALF OF THE XVIII – FIRST HALF OF THE XIX CENTURIES	135
---	---	-----

Lyapin D. A. (Yelets)	IMPORTANT EXPERIENCE OF A NEW LOCAL HISTORY: REVIEW OF THE BOOK "FROM THE HVOROSTAN REGION. THE VILLAGE OF DANKOVO IN DOCUMENTS AND MATERIALS / COMP., INTRODUCED. ARTICLE AND NOTES G. N. MOKSHINA. VORONEZH: ORIGINS, 2019. – 492 P."	137
--------------------------	---	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	139
--	------------

INFORMATION FOR AUTHORS.....	141
-------------------------------------	------------

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

**Горлов В. Н.,
Артемьев С. Н.**
(Москва)

УДК 94(470)

**ПРОБЛЕМЫ ПОДМОСКОВНЫХ ОБЩЕЖИТИЙ РАБОЧЕЙ
МОЛОДЕЖИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

Статья посвящена влиянию рабочих общежитий на советскую молодежь, показывает советские общежития рабочей молодежи как характерное наследие советской эпохи, как жилище, через которое осуществлялся процесс управления молодыми рабочими. На основе проведенного исследования выявлено противоречие между потребностями советских граждан в жилье и крайне тяжелыми жилищными условиями молодых рабочих в послевоенные годы, показана взаимосвязь производственных процессов с решением жилищных вопросов рабочих. Рассмотрены проблемы социальной политики советского государства, её влияние на образ жизни советских граждан, что важно для понимания социальных отношений современного общества. Непостоянная форма жилья для молодых рабочих реализовывалась в таком своеобразном типе советского жилья как общежитие. Довольно большая часть молодых людей жила в советских общежитиях, не имея возможности иметь свою жилплощадь. Они находились в обстановке, которая не способна была предоставить им полноценный отдых и домашний комфорт. В статье рассмотрены проблемы коллективистских форм воспитания молодых рабочих, оказывающих большое воздействие на образ жизни советских граждан, что важно для понимания социальных отношений современного общества. Цель исследования – показать общежития рабочей молодежи как социокультурный феномен, заведение коллективности, через который осуществлялся процесс управления молодыми рабочими. Общежития рабочей молодежи стали характерным наследием советского жилищного строительства. В работе, основанной на принципах объективности и системности, использованы сравнительно-исторический и конкретно-исторический методы. Исследование выполнено на основе проблемно-исторического анализа с учётом социальных условий того времени.

Ключевые слова: советские рабочие общежития, жилищное строительство, бытовые конфликты, жилищная неустроенность, бытовые удобства, воспитание молодежи, коллектив.

The article is devoted to the influence of workers' dormitories on Soviet youth, to show Soviet dormitories of working youth as a characteristic legacy of the Soviet era, as a dwelling through which the process of managing young workers was carried out. On the basis of the conducted research, the contradiction between the housing needs of Soviet citizens and the extremely difficult housing conditions of young workers in the post-war years is shown, the relationship of production processes with the solution of workers' housing issues is shown. The problems of the social policy of the Soviet state, its influence on the lifestyle of Soviet citizens, which is important for understanding the social relations of modern society, are considered. The non-permanent form of housing for young workers was implemented in such a peculiar type of Soviet housing as a dormitory. Quite a large part of young people lived in Soviet dormitories, unable to have their own living space. They were in an environment that was not able to provide them with a full rest and home comfort. The article deals with the problems of collectivist forms of education of young workers, which have a great impact on the lifestyle of Soviet citizens, which is important for understanding the social relations of modern society. The purpose of the study is to show the dormitories of working youth as a

socio-cultural phenomenon, an institution of collectivity, through which the process of managing young workers was carried out. Dormitories for working youth have become a characteristic legacy of Soviet housing construction. In the work based on the principles of objectivity and consistency, comparative-historical and concrete-historical methods are used. The study was carried out on the basis of a problem-historical analysis taking into account the social conditions of that time.

Keywords: Soviet workers' dormitories, housing construction, domestic conflicts, housing insecurity, household amenities, youth education, collective.

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-31-2-7-18

До войны на строительство жилья не хватало средств, поэтому в сталинскую эпоху жилья строилось очень мало. В первые послевоенные годы нарастал жилищный кризис из-за несоответствия объема жилищного строительства росту городского населения в СССР.

Деревенская молодежь видела свои перспективы в городской жизни, где легче было найти работу по своим интересам. Московский регион имел много преимуществ по сравнению с другими районами страны. И хотя не все могли сразу адаптироваться к городской жизни, миграция молодежи из деревни во многом повлияла на демографию Подмосковья.

На пленуме ЦК КПСС в январе 1955 г. Н. С. Хрущев сообщил, что только за пятилетие 1950-1954 гг. в город из деревни переселились больше 9 млн. человек [3]. Привлечение новых рабочих в Московский регион не могло продолжаться бесконечно, иначе сельское хозяйство со своими огромными проблемами осталось бы без необходимых рабочих рук.

В Подмосковье в первые послевоенные годы был острейший жилищный кризис. Во всех подмосковных городах был недостаток жилья. Жилищные вопросы постоянно обсуждались на совещаниях бюро МК ВКП(б), на собраниях Мособлисполкома и Мособлсовета. Главным обстоятельством невыполнения плана по жилищному строительству была раздробленность строительных организаций различных министерств, которые строили жилые дома своими силами. Отсутствовала единая строительная организация Подмосковья с постоянными строительными кадрами и мощной производственной базой. Такая же ситуация была и в Москве, и в других регионах страны. Разноплановость и нескоординированность различных строительных организаций, которые подчинялись только по вертикали вышестоящим органам, и почти не зависели от местных Советов депутатов трудящихся (горизонтальное подчинение) способствовали разбалансированности жилищного строительства в области. Мособлисполком не имел возможности достаточно финансировать строительные организации и не обладал сильной строительной базой. Неквалифицированные строительные кадры способствовали низкому качеству строительных работ.

В Подмосковье жилищное строительство для местных Советов осуществлял мало мощный трест «Мосстрой», не имеющий достаточно технических средств. С бюджетом «Мосстроя» в 1950 г. в 28,5 млн. руб. невозможно было организовать «широкий разворот строительных работ» [6, д. 79, л. 115].

Требовалось преодолевать отставание жилищного строительства в подмосковных городах. В МК ВКП(б) и Мособлисполкоме разработали проект постановления «О мерах по улучшению жилищного, коммунального и культурно-бытового строительства в Московской области». К нему подготовили и сопроводительное письмо Н. С. Хрущеву, который с декабря 1949 года стал первым секретарем Московского областного (МК) и городского (МГК) комитетов партии. В этом письме обосновывалась непереносимость форсирования строительства жилья из-за «неудовлетворительной организации жилищного и культурно-бытового строительства» [7, д. 79, л. 114]. Н. С. Хрущев скрепил своей подписью данный проект для передачи его в Совет Министров РСФСР. В сопроводительном письме он напомнил, что в Подмосковье на данный момент было шестьдесят четыре города и восемьдесят три рабочих поселка с общей численностью населения почти три миллиона человек [6, д. 79, л. 115]. Н. С. Хрущев отметил значительный рост населения подмосковных городов из-за значитель-

ной миграции сельского населения, значительный рост промышленного производства Подмосковья, неутешительное положение наличествующего жилфонда области [8, д. 79, л. 116].

На совещании бюро МК ВКП(б) по проблемам жилищного строительства было принято постановление, в котором отмечалось, что «общее положение дел на этом участке является крайне неудовлетворительным» [9, д. 79, л. 117]. Необходимо отметить, что «Мосстрой» не справлялся со своими обязанностями, вводя в эксплуатацию ничтожное количество жилплощади, не удовлетворяя запросы постоянно растущего населения Подмосковья. Постановление отмечало, что «все это настоятельно требует значительного расширения жилищного строительства в городах Московской области» [6, д. 79, л. 115].

Противоречие между потребностями советских граждан в жилье и крайне незначительных объемах жилищного строительства, которые не могли ликвидировать неимоверную жилищную нужду рабочего класса, в послевоенное время становится очевидным.

Деревенская молодежь, приехавшая в подмосковные города в послевоенные годы, попадала в очень затруднительное положение. Их набирали в основном на стройки на самые неквалифицированные профессии из-за нехватки трудовых ресурсов, и поселяли в общежития рабочей молодежи. Руководители предприятий не заинтересованы были повышать их профессионально-технический уровень из-за отсутствия желающих работать на этих мало-квалифицированных рабочих местах.

В 1948 году в городках и поселках Московской области предприятия и разные ведомости имели 4785 барачных общей жилплощадью 1,2 млн. кв. м., которые в большинстве своем пришли в ветхое и аварийное состояние [10, д. 10, л. 19]. В Подмосковье по постановлению СМ РСФСР с 1950 г. строительные организации обязаны были возводить только постоянное жилье, и только в особых случаях допускалось строительство барачных [6, д. 79, л. 115]. К жилищному строительству в Московской области стали подходить с разумных позиций, решая многие вопросы в долгосрочном плане.

В послевоенные годы после Великой Победы советский рабочий осознавал себя подлинным передовым отрядом социалистического государства, которое строило коммунистическое общество, труд в котором осознавался как «безвозмездная работа на общественную пользу, не учитывающая индивидуальных различий, стирающая всякое воспоминание о бытовых предрассудках, стирающая косность, привычки...» [1, с. 360]. Не одно поколение советских людей воспитывалось с детства в коллективистском «коммунном» духе, в котором общественные интересы всегда преобладали над личными интересами.

После войны очень большое количество молодых рабочих не только на больших стройках, но и в Подмосковье проживало в общежитиях рабочей молодежи, которые были новым видом жилища, вызванным к жизни восстановлением народного хозяйства. Система советских рабочих общежитий вынуждала к коллективному проживанию в одном жилом помещении. В советское время неоднократно осуществлялись попытки преобразовать быт советских граждан на коллективистских началах.

Большинство рабочих общежитий было барачного типа с очень небольшой предоставляемой жилплощадью на одного человека. Возведение рабочих общежитий способствовало привлечению на производство приезжей молодежи, решая экономические задачи, в первую очередь, экстенсивным путем.

Жители сельской местности привнесли в подмосковную городскую жизнь присущую им традицию сельского общения и общежития, стимулировали спонтанный коллективизм. Городское соседство долгое время выполняло некоторые функции соседской деревенской общины.

На протяжении тысячи лет община играла одну из ведущих ролей в складывании парадигмальных архетипов русского менталитета. Пожалуй, основы русской общины были в «самом духе народа, в складе русского ума, который не любит и не понимает жизни вне общины» [2, с. 85]. Отношениям русских крестьян были присущи коллективные поведенческие стереотипы, главенство общих интересов над частными, сопереживание и взаимопомощь. Общину сменил колхоз, а в городе – коллектив рабочего общежития. Традиционное коллек-

тивистское сознание оставалось. В то тяжелое послевоенное время особенно была важна соседская бытовая взаимопомощь, моральная поддержка, сочувствие.

Переезд миллионов сельских жителей в столичный регион способствовал тому, что городские культурные стандарты были размыты неприсущими городской жизни сельскими стереотипами поведения. В этом была специфика советской урбанизации.

Бывшему сельскому населению дали работу, место в рабочем общежитии, но им не дали городской культуры. Рабочие общежития вполне соответствовали традиционным формам крестьянского быта в России, когда крестьянин всегда находился у других на виду. Советские рабочие общежития должны были внедрять коллективные начала в быт. В них должен был формироваться коллектив, который спланировал бы общими производственными задачами и интересами. Таким образом, послевоенное градостроение вносило свою лепту в создание механизма обобществления всех сторон быта советского человека.

Власти стремились создать новые, коммунистические нормы повседневной жизни. Создание коммунистического общества должно было формировать дух коллективизма, который утверждал ценностные ориентации всего советского общества. Коллективность советских людей заменяла отчуждение, присущее буржуазному обществу. Коллективность считалась более высоким историческим типом социальной связи, который обеспечивал духовное единство советских людей. «Чтобы прийти к коммунизму, самому справедливому и совершенному обществу, нам надо уже сейчас воспитывать человека будущего» - отмечал лидер советского государства Н. С. Хрущев [5, с. 89]. Необходимо было, чтобы функционально-пространственные характеристики жилища соответствовали образу жизни, бытовым нормам советских граждан.

Жилищный кризис в послевоенные годы выражался в огромном количестве ветхих бараков, подвалов и полуподвалов, чердачных помещениях и временных постройках, в которых проживали советские люди. Общежитие материально воплощало временный характер жилищных потребностей советской молодежи. Очень большая часть молодежи проживала в советских рабочих общежитиях в условиях, неприспособленных для личного уюта, в отсутствии собственной семьи.

Много писем приходило к депутатам в послевоенные годы. В большинстве наказов, просьб в избирательных бюллетенях депутатам советские рабочие просили улучшить жилищные условия. Некоторые письма процитируем в орфографии авторов.

В одном из писем депутату от рабочих завода им. Ухтомского Ухтомского района Московской области читаем: «Уважаемый депутат! Мы граждане страны Советов и болеем за дело Советской власти. В общежитиях, в которых мы проживаем вечный беспорядок, бытовые условия безобразные. Депутаты к нам не ходят и не знают как живут простые «винтики», простые люди. Везде по радио выступают руководители советского государства и сообщают нам как непрерывно в нашей любимой стране повышается уровень жизни советских трудящихся. Здоровье наше страдает от условий, в которых мы живем» [11, д. 22, л. 44].

От работников ЦНИИ-МПС, ст. Лосиноостровская, общежитие, поступило письмо депутату Верховного Совета СССР Лихачеву И. А.: «Наше помещение совершенно сырое, батареи не работают, имущество в комнатах испорченное из-за ужасной сырости. Комиссии обследования после посещения признают непригодность здания к жилью, однако администрация ЦНИИ никаких мер к приведению нашей комнаты годной для проживания в ней не принимает. Партия и Правительство тратит большие средства для улучшения быта трудящихся, каждый трудящийся имеет право на отдых, мы в сыром и холодном помещении не можем отдохнуть из-за головных болей и можем стать инвалидами. Подходит день большого праздника, когда все граждане пойдут с радостью и любовью голосовать за кандидатов Сталинского блока коммунистов и беспартийных. Поэтому убедительно просим Вас как депутата Верховного Совета СССР оказать нам помощь в получении нормальной жилплощади, чтобы мы как и все граждане СССР с радостью на сердце встретили день 12 марта. Идем голосовать за мир! 1.03.1950 г.» [12, д. 130, л. 20].

От жильцов общежития г. Бабушкин, Медведковская ул. Д.2/57 поступило письмо: «Канализацию не делают, несмотря на обещания. Что же это такое, когда же мы заживем по-человечески. В отдаленных уголках нашей Родины и то люди живут с удобствами, хотя бы элементарными, а мы в 10 км от Москвы живем как дикари, носим помой и нечистоты с 1,2,3, 4 и 5 этажей, превращая свои комнаты в уборные. Мы просим Вас, как нашего избранника, помочь нам в наведении порядка и устройства канализации, ведь главная задача Партии и Правительства о благосостоянии народа. Ввиду всех неблагоприятных обстоятельств в жилплощади, прошу Вас, как депутата, выслать комиссию для обследования нашей жилплощади. Такая обида со стороны победителей не изгладится из памяти на всю жизнь. 14.11.1951 г.» [13, д. 163, л. 16].

От проживающих в рабочем общежитии завода № 451 поступило письмо: «Живем мы в общежитии, принадлежащему заводу № 451. Нет у нас водопровода, нет канализации, нет центрального отопления, с этим последним мириться можно, но отсутствие водопровода и канализации очень тяжело. Мы живем не в капиталистическом государстве, где над людьми издеваются. Примите пожалуйста меры. 30.08.1951 г.» [14, д. 169, л. 1].

Письмо поступило от проживающих в общежитии городка Метростроя при ст. Лось: «Мы направляем Вам просьбу найти нам жилищное помещение. Мы постоянно замерзаем, т.к. в комнатах общежития невыносимо холодно – в комнатах 10-12 градусов, а иногда ещё холоднее. Перед сном постель нагреваем грелками, т.к. постель ледяная. Никакого настроения проживать в такой домашней обстановке нет. Мы пережили невероятные трудности во время войны. А теперь, когда в нашем государстве забота о советских людях является главной, в нашем общежитии о людях не заботятся. Проживать в существующих условиях стало физически невозможным. Необходимо возможно быстрее переменить жилище на более благоустроенное. Возлагаю все надежды на Вашу помощь, помощь своего депутата» [15, д. 161, л. 12].

От жителей общежития д. 21 по ул. Коминтерна г. Бабушкин письмо: «Дом, в котором мы проживаем, пришел в аварийное состояние. В зимние дни в общежитии очень холодно, стены прогнили и к утру покрыты инеем. Как наступает тепло стены все сырые. Сверху с верхнего этажа протекает вода. Текут через потолок во время дождя целые ручьи воды и полы в комнатах и коридорах залиты водой. Ставим на пол тазики, кастрюли, корыта. Иногда просто опасно находится в доме, т.к. часто слышно потрескивание потолка и перекрытий крыши, плюс к этому, уже в двух квартирах верхнего этажа были два обвала потолка, который в настоящее время держится на подпорках. Мы строим в стране коммунизм, и о людях следует позаботиться. 1951 г.» [16, д. 139, л. 22]

Заведующий отделом машиностроения МК ВКП(б) товарищ Гришин В. В. часто посещал город Коломна, в котором были огромные жилищные проблемы. Он после посещения общежитий рабочей молодежи заявил, что «рабочие «Коломстанкострой» живут в очень тяжелых условиях, не обеспечены постельным бельем, даже в общежитиях не хватает дров [17, д. 22, л. 185]. Жилищное положение рабочей молодежи в сентябре 1950 г. проверяла жилищная комиссия, которая была вынуждена признать: «В общежитиях не хватает табуреток, тумбочек, титанов, корыт. Кухни общежития не обеспечивают потребности проживающих рабочих в приготовлении пищи, на кухнях постоянные очереди. Топливом общежития обеспечиваются с перебоями» [18, д. 22, л. 59].

На самом крупном предприятии города Коломна завода им. Куйбышева молодые рабочие жили большей частью в рабочих общежитиях. В общежитии и одиночки, и семейные часто проживали в одной комнате. Семейные огораживались занавеской. В общежитии проживало более 100 человек. Здание общежития находилось в ветхом, аварийном состоянии, было построено ещё до войны и никогда не ремонтировалось. Верхний этаж постоянно во время дождя залит водой из-за того, что крыша прохудилась» [19, д. 9, л. 115].

В общежитии рабочей молодежи завода «Текстильмаш» города Коломна «канализация вообще не работала и стены были в разрушенном виде» [20, д. 22, л. 61]. После проверки жилищной комиссии Коломенский исполком горсовета постановил, что «состояние дел

крайне тяжелое» и требовал безотлагательного исправления. Проблемы в те годы старались разрешить установившимися, привычными методами. Посчитали, что необходимо задействовать в ремонте общежития самих проживающих в рабочем общежитии молодых рабочих, которые после отработанной смены вместо отдыха занимались ремонтом своего жилища. Была развернута агитационная работа по «принятию домов на социалистическую сохранность» [21, д. 3, л. 123].

В подмосковном городе Электросталь в общежитиях рабочей молодежи скученность была невероятной. В комнатах общежитий проживало по 15-20 человек» [22, д. 9, л. 110]. Такая же кошмарная ситуация в жилищных условиях была в крупном промышленном городе Подольск. Крупные предприятия города постоянно испытывали страшную жилищную нужду. В общежитиях рабочей молодежи завода им. Калинина в ужасающей тесноте проживало более шестисот молодых рабочих, которые жили почти на «военном положении». Общежития представляли собой ветхие полуразвалившиеся бараки, построенные в тридцатые годы. Заселяли в общежитиях все помещения, включая кухни, полуподвалы, красные уголки. О нормальном отдыхе приходилось только мечтать. Заводской шум мешал в течение всего дня, т.к. завод работал в три смены» [23, д.111, л. 74-75].

В поселке им. Калинина в общежитиях рабочей молодежи существовали комнаты в 10 квадратных метров, где проживало по 10 человек. Предприятие специально переоборудовало часть своих производственных помещений под рабочие общежития» [24, д. 111, л. 77]. На подольском станкостроительном заводе им. Орджоникидзе в рабочих общежитиях проживало двести рабочих в двух верхних этажах, в подвале было размещено 39 человек, в бараке № 1, подлежащему сносу, – 57 человек, в бараке № 12 – 47 человек, в отдельном домике проживало 4 человека, больных туберкулезом [25, д. 80, л. 129].

В городе Подольск в 1953 г. более трехсот домов были непригодны для проживания, являясь аварийными. По решению горисполкома в общежитиях рабочей молодежи каждый год проводился поддерживающий ремонт, так как дома могли разрушиться, хотя их давно следовало снести [26, д. 9, л. 19].

Горсовет Серпухова из-за нехватки средств на текущий ремонт общежитий рабочей молодежи под давлением обстоятельств возложил обязанности по поддержанию необходимого порядка в общежитиях на плечи самих предприятий [27, д. 219, л. 23]. Почти 25 тыс. человек, работающих на текстильных фабриках города Орехово-Зуево, вынуждены были после войны проживать в семидесяти общежитиях рабочей молодежи. Общежития находились в ветхих разваливающихся бараках дореволюционной постройки. В очереди на жилье стояли 6 тыс. человек [28, д. 2, л. 15].

Механик Красногорского механического завода Перфильев В. К. прислал письмо, в котором отмечал: «На нашем заводе ужасающее положение с жилищными условиями. Более пятидесяти бараков построены ещё в тридцатые годы. Под жилье задействованы все подвальные помещения и ваннные комнаты» [29, д. 112, л. 51].

Таких писем депутатам и в исполкомы приходило множество. В середине 50-х гг. положение дел с общежитиями в Подмосковье оставалось еще очень тяжелым. Первый секретарь Московского городского комитета КПСС Фурцева Е. А. на совещании в Моссовете в 1956 г. говорила: «Если раньше терпели, говорили, ну ладно, после войны прошел только год-два-три-пять, как-нибудь в одной комнате проживу. А сейчас народ видит, что строятся такие большие дома и считают, почему я не могу переселиться из барака, я состою на очереди уже 5-6 лет» [30, д. 4, л. 259]. Существование рабочих общежитий не соответствовало «постоянному улучшению материального и культурного уровня трудящихся». Поэтому данные о них не звучали в программах и речах о достижениях советского государства.

Непопулярность рабочих общежитий объяснялась не только психологически дискомфортом, но и юридическими причинами. Жившие в общежитиях рабочей молодежи советские люди не были жителями в общепринятом значении, а были гражданами, которым предоставили место для проживания в здании общежития. Данное обстоятельство не гарантировало защиты от выселения из общежитий, права проживания на длительный период, права

распоряжаться своим жильем в общежитии по собственному усмотрению. Потерявшие связь с предприятиями всегда рисковали быть выставленными за дверь полученного от этого предприятия жилищного помещения. Проживающие в рабочих общежитиях находились в полукрепостнической зависимости от руководства предприятия: потеряв работу, они лишались места в общежитии.

В качестве примера можно ознакомиться с отрывками писем к депутату Верховного Совета СССР Лихачеву И. А., доказывающие полное бесправие рабочих, и право предприятий на административное выселение рабочих, в случае их увольнения с предприятия. Приводим отрывки из писем в орфографии авторов.

Из общежития городка Метростроя при ст. Лось пришло письмо Золотовой П. В.: «Уважаемый депутат товарищ Лихачев! Направляю Вам просьбу. 23 марта 1950 г. меня выселили из общежития, причем выселили в моё отсутствие. В момент выселения я была на работе. Когда я пришла с работы в общежитие, то не нашла своих вещей на месте, где они раньше находились. Мою койку выбросили, а вещи мои были разбросаны по всей комнате. Все это сотворили по указке коменданта общежития. Считаю такое недостойное поведение, такие поступки недопустимыми в условиях Советского общества. Уважаемый депутат! Прошу помочь мне вселиться заново в общежитие» [31, д.106, л. 36].

Депутату Лихачеву И. А. пришло письмо от водителя Нагинского: «Моя жена работала прачкой в Тарасовском общежитии. В апреле 1950 г. её уволили, т.к. в 1950 г. должность прачки Тарасовского общежития была упразднена и мою жену уволили. Прокурор Мытищинского района в декабре 1950 г. дал санкцию на административное выселение, согласно Постановления СНК СССР от 17 октября 1937 г. как потерявших трудовую связь. Наши вещи были выставлены в коридор общежития, когда мы отсутствовали. Прошу Вас как Депутата учесть наше положение, помочь в получении комнаты. Мы советские люди боролись за счастливую жизнь в Советской стране и не требуем невозможного, а требуем нормальных условий для советского человека, чтобы мы жили такой же счастливой жизнью, как живут многие советские люди. 31.05.1951 г.» [32, д. 108, л. 14].

Поступило письмо от Козлова И., механика инструментального цеха ЦСИА: «Я проживаю в бараке № 18 треста «Строитель» Коломенского поселка. Начальник треста т. Карпов Ф. Г. 1 марта 1950 г. предупредил меня, что я скоро буду выселен из барака из-за утраты связи с трестом «Строитель». Прошу помочь мне получить жилплощадь. 5.03.50 г.» [33, д. 98, л. 8].

Неразвитость бытовой инфраструктуры советских рабочих общежитий, неизолированное жилье с сельскими коммунальными стандартами и нормами социального поведения стали социальной реальностью городской жизни Подмосковья.

Руководство предприятия считало выгодным то, что общежития «с коллективной организацией быта» будут реализовывать «постоянный товарищеский контроль» проживающих в рабочих общежитиях друг за другом. Однако во многих рабочих общежитиях было распространено пьянство, хулиганство, что вызывало очень большое беспокойство руководства. К тому же каждый год руководство предприятия обязано было предоставлять жилую площадь общежитиям рабочей молодежи, что влекло за собой большие трудности для предоставления жилой площади кадровым рабочим предприятия, которые стояли в очереди на жилье.

В советской печати часто обсуждались актуальные и неотложные вопросы строительства общежитий для семейной молодежи. Предприятия, обладающие возможностями для предоставления жилой площади своим рабочим, имели преимущества над предприятиями, не обладающими такими возможностями. Жилье становилось существенным фактором для вербовки молодых рабочих на предприятие. Этот фактор оказывался главным в мотивации трудовой деятельности. В то же время непредоставление жилой площади своим работникам часто было основной причиной увольнения с предприятия, что приводило к большой текучести рабочих кадров и наносило экономический урон советскому государству.

Руководство предприятия постоянно занималось размещением вновь пришедших рабочих, вынуждено было создавать необходимые условия для закрепления рабочей силы. Улучшение жилищных условий, уменьшение доли нуждающихся в жилье были факторами, снижающими текучесть рабочих кадров. Однако значительный численный рост рабочих в Подмоскowie после Великой Отечественной войны только обострял жилищный кризис в области.

Имелась прямая зависимость злоупотребления спиртными напитками от оснащенности жилищно-бытовой сферы. Жилищная неустроенность способствовала усилению склонности к алкоголю. Этот немаловажный фактор, который приносил огромные проблемы советскому обществу, не был учтен советским руководством. Первые десятилетия советской власти асоциальное поведение объясняли наследием проклятого буржуазного прошлого. Но даже после того, как провозгласили строительство коммунистического общества в стране, девиантное поведение в советском государстве не исчезало, составляя отличительную черту быта в рабочих общежитиях.

На собраниях по месту работы часто обсуждались вопросы семейных разводов среди рабочей молодежи, которые были вызваны злоупотреблениями алкогольными напитками. Невозможность получения отдельной квартиры или комнаты для проживающих в общежитиях рабочей молодежи становилась причиной низкой рождаемости и нежеланием создавать семью.

Как часто равнодушно относились в советском обществе к госсобственности, так и рабочая молодежь равнодушно относилась к собственности общежитий, что никого не удивляло. Бытовые проблемы рабочих, накаленная атмосфера коммунального быта становились нормой жизни, которые воспроизводились в городской среде: в общественных местах, в жилых массивах. Следы барачной культуры проявлялись в подъездах, на лестничных площадках, в изуродованных почтовых ящиках, входных дверей и т.д.

В 1959 г. на внеочередном XXI съезде КПСС отмечалось, что советское общество «вступило в новый период своего развития – период развернутого строительства коммунизма». И, конечно, подтверждалась «необходимость искоренения таких чуждых социалистическому обществу явлений, как пьянство и других отвратительных пережитков прошлого» [5, с. 90-91].

В СССР признавалась невозможность пьянства при коммунистическом обществе. К тем лицам, которые злоупотребляли спиртными напитками, применялись довольно жесткие санкции. В качестве санкции переносили очередь для получения жилой площади, а бывало, и снимали с очереди для получения жилплощади. Такие санкции только подчеркивали недостатки в управлении социальными процессами.

Идеологическое давление, общественное мнение не смогли решить проблемы пьянства в рабочих общежитиях. Злоупотребления алкоголем постепенно перемещалось из сферы производства и досуга в общежития рабочей молодежи. Это имело далеко идущие последствия (происходило воспроизводство социальной основы пьянства, так как в этот процесс вовлекали членов семьи рабочего, увлекающегося алкогольными напитками).

В письме в горком партии Подольска отмечалось: «Ряд предприятий Подольска не проводят необходимую воспитательную работу, не проводят дежурства в общежитиях рабочей молодежи. Неоднократно были зафиксированы распития спиртных напитков в дни получения заработной платы, в праздничные и выходные дни, пьянки и драки среди рабочих, которые проживают в общежитии по ул. 2-я Индустриальная. 48 человек, проживающих в общежитиях, в 1950 г. были привлечены к административной ответственности за распитие алкогольных напитков в общественных местах. 1951 г.» [34, д. 137, л. 61].

После войны более половины граждан, числящихся на наркологическом учете, проживали в рабочих общежитиях. Этот показатель еще раз доказывал, что жилищная неустроенность становилась алкоголизирующим фактором.

Жилищные проблемы оборачивались необеспеченностью городских жителей нормальными бытовыми условиями, что приводило к семейным проблемам, снижению уровня

рождаемости, проблемам здоровья. Очень плохие жилищные условия в рабочих общежитиях из-за скученности проживающих негативно влияли на нервно-эмоциональное состояние. Перенаселенные общежития в ветхих бараках, многочисленные конфликты по этому поводу, многолетние очереди в общежитиях на получение жилья, жалобы депутатам и Правительству, которые требовали общественного обсуждения, становились обыденностью, советским бытом.

Рабочие жили в условиях, которые были немыслимы для граждан западных стран (десятки человек в одном запущенном помещении, отсутствие столовых, грязные раковины, туалеты, редкая смена постельного белья и т.п.). Они долгие годы проживали в зданиях барачного типа, в которых много лет не было ремонта, и которые были совершенно не приспособлены для постоянного проживания. Продолжительность ожидания квартиры составляла в среднем десять лет и уменьшалась крайне медленно.

Многие новосёлы общежитий поначалу испытывали сильный психологический дискомфорт от всеобщего внимания и обсуждения поступков проживающих в одном помещении, от вмешательства в твои личные проблемы, от невозможности изолироваться в рабочем общежитии. Повседневная жизнь в советских рабочих общежитиях была абсолютно прозрачной. Соседи по комнате своим образом жизни порой влияли на выбор жизненных ценностей, характер других соседей. Понятие «общее» не предусматривало для проживающих в общежитиях личное время, личные вещи. Казарменная обстановка, перенаселенность, частые вечеринки, общая нищета огрубляли душу, способствуя потреблению спиртных напитков. Такое положение после Великой Победы становилось совершенно нетерпимым.

Психологический дискомфорт возникал из-за казарменной обстановки в рабочих общежитиях, строго регламентированного распорядка жизни в общежитиях, необходимости согласования своего поведения с администрацией, с соседями по комнате. Рабочее общежитие считалось непрестижным типом жилища, какие бы бытовые удобства оно не предоставляло. Проживание в нем было показателем неустроенности в жизни. Поэтому одиночки старались найти возможности покинуть общежитие.

Общежития как были, так и остались порождением советской эпохи. Даже в начале XXI в. в Подмоскowie можно увидеть много ветхих жилых зданий послевоенного времени. Бараки сохранились во многих районах Подмоскowie как памятник советской эпохи. В начале XXI в. в Подмоскowie сохранилось 7,7 тысячи ветхих строений общей площадью 2,5 млн. кв. м [4, с. 36].

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы.

В различных формах жилого помещения проявлялось разнообразие жизни граждан одной эпохи. Смена исторических эпох порождала и изменение функционально-пространственных характеристик жилища. Реальная практика доказала взаимосвязь жилого помещения и образа жизни проживающих в нем советских граждан.

Массовое жилищное строительство, начатое Н. С. Хрущевым, с «миллионами квадратных метров» жилищных новостроек, позволило разрешить чудовищный жилищный кризис в советском государстве. Поэтому, не поняв неслыханных трудностей жизни советских граждан в рабочих общежитиях в послевоенные годы, мы никогда не оценим, что было сделано в эпоху хрущевской «оттепели».

Взаимосвязь производственных процессов с решением жилищных вопросов рабочих была особенностью советской системы. Эта взаимосвязь основывалась на тысячелетней традиции общинной жизни и вошла в массовое сознание советских граждан. Такая взаимосвязь производства с жильем обеспечивала экономию для предприятия, так как закрепление постоянными кадрами предприятий в первую очередь обеспечивалось предоставлением жилой площади своим рабочим.

Рабочие общежития были непременным атрибутом советского послевоенного быта. В рабочем общежитии вынуждены были жить граждане разных возрастных, интеллектуальных, физических категорий. В тесном пространстве при постоянном общении людей разных вкусов, поколений, характеров конфликты были неизбежны. Теснота рабочих общежитий,

жилищная неустроенность, бытовые конфликты делали повседневную жизнь советского общества весьма напряженной, что отражалось на нравственном здоровье рабочих.

Советское рабочее общежитие представляло собой очень сложный комплекс взаимоотношений рабочих, который нуждался в постоянном и всеобщем контроле и внимании, просчеты и упущения воспитательного процесса негативно отражались на закреплении постоянных кадров на предприятиях. Преобладание технократических подходов в послевоенные годы привело к ослаблению внимания к социальным вопросам на производстве, в быту, что снизило стимулы в результатах труда и ослабило производственную и бытовую дисциплину.

Распорядки рабочих общежитий не могли стимулировать развитие индивидуальности советского рабочего, а способствовали определенным образом нивелировки личности. Обострению явлений социальной патологии в рабочих бараках содействовала характерная анонимность поведения городских жителей.

Порожденная рабочими общежитиями психология оказалась долговечной. Поэтому довольно трудно вживается в постсоветский период мировоззрение частных собственников с её взглядами «социального эгоизма» и естественных прав человека. Общежития рабочей молодежи представляли собой своеобразное явление советского быта как образец противоречивости, специфичности и разнообразности советского образа жизни.

Список источников и литературы

1. Ленин, В. И. (1970). *Полное собрание сочинений. 5 изд. Т. 39.* Москва: Изд-во политической литературы. 624 с.
2. Миклашевский, И. Н. (1894). *К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века // Исслед. И. Н. Миклашевского.* Москва: тип. Д. И. Иноземцева. 310 с.
3. Хрущев, Н. С. (1955). *Об увеличении производства продуктов животноводства. Доклад товарища Н. С. Хрущева на Пленуме Центрального Комитета ЦК КПСС 25 января 1955 года // Правда.* 1955. 3 февр.
4. *Площадь ветхого жилья в Подмоскovie составляет 2,5 млн кв. м // АиФ.* 2005. № 22. С. 36.
5. Хрущёв, Н. С. (1959). *О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959-1965 гг. Доклад на XXI съезде КПСС.* Москва: Госполитиздат. 143 с.
6. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 3. Оп. 140. Д. 79. Л. 115.
7. ЦГА Москвы. Ф. 3. Оп. 140. Д. 79. Л. 114.
8. ЦГА Москвы. Ф. 3. Оп. 140. Д. 79. Л. 116.
9. ЦГА Москвы. Ф. 3. Оп. 140. Д. 79. Л. 117.
10. ЦГА Москвы. Ф. 3. Оп. 66. Д. 10. Л. 19.
11. ЦГА Москвы. Ф. 3. Оп. 67. Д. 22. Л. 44.
12. ЦГА Москвы. Ф. 92. Оп. 1. Д. 130. Л. 20.
13. ЦГА Москвы. Ф. 92. Оп. 1. Д. 163. Л. 16.
14. ЦГА Москвы. Ф. 92. Оп. 1. Д. 169. Л. 1.
15. ЦГА Москвы. Ф. 92. Оп. 1. Д. 161. Л. 12.
16. ЦГА Москвы. Ф. 92. Оп. 1. Д. 139. Л. 22.
17. ЦГА Москвы. Ф. 110. Оп. 7. Д. 22. Л. 185.
18. ЦГА Москвы. Ф. 110. Оп. 7. Д. 22. Л. 59.
19. ЦГА Москвы. Ф. 110. Оп. 7. Д. 9. Л. 115.
20. ЦГА Москвы. Ф. 110. Оп. 8. Д. 22. Л. 61.
21. ЦГА Москвы. Ф. 110. Оп. 7. Д. 3. Л. 123.
22. ЦГА Москвы. Ф. 110. Оп. 7. Д. 9. Л. 110.
23. ЦГА Москвы. Ф. 152. Оп. 11. Д. 111. Л. 74-75.

24. ЦГА Москвы. Ф. 152. Оп. 11. Д. 111. Л. 77.
25. ЦГА Москвы. Ф. 142. Оп. 20. Д. 80. Л. 129.
26. ЦГА Москвы. Ф. 142. Оп. 19. Д. 9. Л. 19.
27. ЦГА Москвы. Ф. 3. Оп. 138. Д. 219. Л. 23.
28. ЦГА Москвы. Ф. 110. Оп. 10. Д. 2. Л. 15.
29. ЦГА Москвы. Ф. 3. Оп. 184. Д. 112. Л. 51.
30. ЦГА Москвы. Ф. 99. Оп. 1. Д. 4. Л. 259.
31. ЦГА Москвы. Ф. 92. Оп. 1. Д. 106. Л. 36.
32. ЦГА Москвы. Ф. 92. Оп. 1. Д. 108. Л. 14.
33. ЦГА Москвы. Ф. 92. Оп. 1. Д. 98. Л. 8.
34. ЦГА Москвы. Ф. 7267. Оп. 2. Д. 137. Л. 61.

References

1. Lenin, V. I. (1970). *Poln. sobr. soch. 5 izd., t. 39.* [Complete collection, op. 5 ed., vol. 39]. Moscow, izd-vo politicheskoy literatury. (in Russian).
2. Miklashevskij, I. N. (1894). *K istorii hozyajstvennogo byta Moskovskogo gosudarstva. Ch. 1. Zaselenie i sel'skoe hozyajstvo yuzhnoj okrainy XVII veka* [On the history of the economic life of the Moscow state. Part 1. Settlement and agriculture of the southern outskirts of the XVII century] in Issled. I. N. Miklashevskogo [Research by I. N. Miklashevsky]. Moscow, tip. D. I. Inozemtseva. (in Russian).
3. Hrushchev, N. S. (1955). *Ob uvelichenii proizvodstva produktov zhivotnovodstva. Doklad tovarishcha N. S. Hrushcheva na Plenum Central'nogo Komiteta CK KPSS 25 yanvarya 1955 goda* [On increasing the production of animal products. The report of Comrade N. S. Khrushchev at the Plenum of the Central Committee of the Central Committee of the CPSU on January 25, 1955] in Pravda [Pravda], 1955, 3 fevr. (in Russian).
4. *Ploshchad' vethogo zhil'ya v Podmoskov'e sostavlyayet 2,5 mln kv. m.* [The area of dilapidated housing in the Moscow region is 2.5 million sq. m.] in AiF [AiF], 2005, No. 22. (in Russian).
5. Hrushchyov, N. S. (1959). *O kontrol'nyh cifrah razvitiya narodnogo hozyajstva SSSR na 1959-1965 gg. Doklad na XXI s"ezde KPSS.* [About the control figures of the development of the national economy of the USSR for 1959-1965. Report at the XXI Congress of the CPSU]. Moscow, Gospolitizdat. (in Russian).
6. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv goroda Moskvy (CGA Moskvy). [Central State Archive of the city of Moscow (CGA of Moscow)]. F. 3. Op. 140. D. 79. (in Russian).
7. CGA Moskvy [CGA of Moscow]. F. 3. Op. 140. D. 79. (in Russian).
8. CGA Moskvy [CGA of Moscow]. F. 3. Op. 140. D. 79. (in Russian).
9. CGA Moskvy [CGA of Moscow]. F. 3. Op. 140. D. 79. (in Russian).
10. CGA Moskvy [CGA of Moscow]. F. 3. Op. 66. D. 10. (in Russian).
11. CGA Moskvy [CGA of Moscow]. F. 3. Op. 67. D. 22. (in Russian).
12. CGA Moskvy [CGA of Moscow]. F. 92. Op. 1. D. 130. (in Russian).
13. CGA Moskvy [CGA of Moscow]. F. 92. Op. 1. D. 163. (in Russian).
14. CGA Moskvy [CGA of Moscow]. F. 92. Op. 1. D. 169. (in Russian).
15. CGA Moskvy [CGA of Moscow]. F. 92. Op. 1. D. 161. (in Russian).
16. CGA Moskvy [CGA of Moscow]. F. 92. Op. 1. D. 139. (in Russian).
17. CGA Moskvy [CGA of Moscow]. F. 110. Op. 7. D. 22. (in Russian).
18. CGA Moskvy [CGA of Moscow]. F. 110. Op. 7. D. 22. (in Russian).
19. CGA Moskvy [CGA of Moscow]. F. 110. Op. 7. D. 9. (in Russian).
20. CGA Moskvy [CGA of Moscow]. F. 110. Op. 8. D. 22. (in Russian).
21. CGA Moskvy [CGA of Moscow]. F. 110. Op. 7. D. 3. (in Russian).
22. CGA Moskvy [CGA of Moscow]. F. 110. Op. 7. D. 9. (in Russian).
23. CGA Moskvy [CGA of Moscow]. F. 152. Op. 11. D. 111. (in Russian).
24. CGA Moskvy [CGA of Moscow]. F. 152. Op. 11. D. 111. (in Russian).

25. CGA Moskvу [CGA of Moscow]. F. 142. Op. 20. D. 80. (in Russian).
26. CGA Moskvу [CGA of Moscow]. F. 142. Op. 19. D. 9. (in Russian).
27. CGA Moskvу [CGA of Moscow]. F. 3. Op. 138. D. 219. (in Russian).
28. CGA Moskvу [CGA of Moscow]. F. 110. Op. 10. D. 2. (in Russian).
29. CGA Moskvу [CGA of Moscow]. F. 3. Op. 184. D. 112. (in Russian).
30. CGA Moskvу [CGA of Moscow]. F. 99. Op. 1. D. 4. (in Russian).
31. CGA Moskvу [CGA of Moscow]. F. 92. Op. 1. D. 106. (in Russian).
32. CGA Moskvу [CGA of Moscow]. F. 92. Op. 1. D. 108. (in Russian).
33. CGA Moskvу [CGA of Moscow]. F. 92. Op. 1. D. 98. (in Russian).
34. CGA Moskvу [CGA of Moscow]. F. 7267. Op. 2. D. 137. (in Russian).

Сидорчук И. В.
(Санкт-Петербург)

УДК 93-94

ИНТЕГРАЦИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В СИСТЕМУ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1920 – 1930-Х ГГ.¹

Актуальность избранной автором статьи темы обусловлена историографической значимостью периода первых советских десятилетий, когда складывались социально-культурные практики, до сих пор сохраняющие преемственность, несмотря на все политические и социальные перемены в обществе. Цели настоящей публикации – рассмотрение процесса интеграции физической культуры и спорта в систему высшего образования в 1920-1930 гг.; выявление особенностей этого процесса, включая специфику политики власти в отношении студенчества как особой социальной группы; выяснение влияния государственной идеологии на решения вопросов, касающихся физкультуры и спорта, и роли физкультуры в воспитании молодежи. В ходе исследования были задействованы специальные исторические методы: хронологический, ретроспективный, сравнительно-исторический, нарративный, историко-генетический и типологический виды анализа. Обращение к методологии новой социальной истории, в частности к исторической антропологии, позволило осмыслить и обобщить укоренившиеся в повседневности социальные практики и провести многоаспектный анализ феномена массового спорта. Работа опирается на широкий спектр архивных и опубликованных источников. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что физическая культура была составляющей частью политики аккультурации населения, активно проводимой большевистским правительством, и была призвана служить достижению таких целей, как распространение здорового образа жизни, милитаризация общества, идеи гендерного равноправия и усиления борьбы с «буржуазными пережитками». Она должна была стать по-настоящему массовой повседневной практикой для советских студентов, что потребовало комплексной пропагандистской работы. Но полноценному решению задачи мешало отсутствие ее централизованного управления и недостаточное финансирование. Переломным стал 1929 г., когда вышло постановление Совнаркома об обязательном преподавании физической культуры во всех вузах и втузах страны. Его реализация сопровождалась массой трудностей: отсутствием спортивных объектов, организационной неразберихой, нехваткой необходимых педагогических и финансовых ресурсов. О качественном скачке преодоления проблем в организационном и в экономическом плане можно говорить применительно ко второй половине 1930-х гг.

Ключевые слова: физическая культура, история спорта, история высшего образования, история досуга, спорт в СССР, студенчество, история повседневности.

The relevance of the chosen topic is due to the historiographical significance of the period of the first Soviet decades as a time when social and cultural practices were largely formed, which maintain their continuity, despite significant political and social changes in society. The purpose of this research is to analyze the process of integration of physical culture and sport in the Soviet higher education system in the 1920s and 1930s. It was aimed at identifying the main features of this process, including the specifics of the government's policy towards students as a special social group, determining the influence of state ideology on the decisions of the government in physical education and sports, and the role of physical education in the education of young people. Special historical methods were used in the preparation of the research: chronological, retrospective, comparative-historical, narrative, historical-genetic, and typological. In accordance with the general principles of the methodology of historical sources studies, a systematization and selection of sources was carried out for the reconstruction of various aspects of the topic. It was important to

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00728

turn to the methods of the methodology of new social history, in particular, historical anthropology, which made it possible to analyze social practices and everyday life, to conduct a multifaceted analysis of the phenomenon of mass sports. Physical culture was an integral part of the process of acculturation of the population, actively carried out by the Bolshevik government, and was intended to serve such goals as the spread of a healthy lifestyle, the militarization of society, gender equality, and the fight against "bourgeois remnants". Physical culture was to become a truly mass daily practice for Soviet students, which required the establishment of a comprehensive propaganda work. At the same time, its full development was hindered by the lack of centralized management and insufficient funding. The turning point was in 1929, when the Council of people's Commissars issued a decree on mandatory teaching of physical culture in all universities and higher education institutions of the country. However, its implementation met with a lot of difficulties: the lack of sports facilities, organizational confusion, and lack of necessary human and financial resources. A qualitative leap in the solution of this issue, both in organizational and economic terms, was in the second half of the 1930s.

Keywords: physical culture, history of sports, history of higher education, history of leisure, sports in the USSR, students.

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-31-2-19-28

Молодежь была той частью общества, на которую новая революционная власть возлагала свои надежды на построение социализма. Ее представители более активны, сильны, готовы к восприятию новых идей и зачастую склонны к ревизионизму культурных и поведенческих норм старших поколений. При этом симпатии власти распространялись на рабочих и крестьянских юношей и девушек, тогда как к студенчеству отношение было вовсе не таким однозначным. Долгое время в вузах, имевших дореволюционную историю, существовало активное сопротивление властным установкам как со стороны старой профессуры, так и части студенчества, так называемых «белоподкладочников». Новый советский студент должен был кардинально отличаться от своего дореволюционного коллеги, и не только происхождением, но и убеждениями, повседневными нормами, манерами, привычками, формами досуга. Он не мог противопоставлять себя трудящейся молодежи, но являться ее частью. Как справедливо замечает Д. А. Андреев, «это делало студента агентом советской власти. Он боролся теперь не за корпоративные студенческие, а за классовые общегосударственные интересы. Фактически "красный студент" терял свой студенческий статус, он становился "пролетарием", обучающимся в высшей школе» [1].

Одним из ключевых отличий новых студентов должно было стать увлечение физической культурой и спортом. На пренебрежение к ним со стороны русской учащейся молодежи обращали внимание еще до революции. Например, один из авторов известного сборника «Вехи» А. С. Изгоев, сравнивая русских студентов с английскими, писал: «Английское "мускулистое животное", о котором с таким презрением говорят наши интеллигенты, во многих отношениях составляет недостижимый идеал для русского интеллигента. Английский студент, прежде всего, здоров. В английских университетах вы не найдете, как среди русской революционной молодежи, 75% онанистов. Английский студент в огромном большинстве случаев не знает публичных домов. Про русских передовых студентов вы этого не скажете. Английское "мускулистое животное" подходит к женщине с высокими чувствами и дает ей физически здоровых детей» [8, с. 273-274]. Схожую обеспокоенность высказывали советские евгенисты. Так, по мнению создателя Бюро по евгенике при Академии наук Ю. А. Филипченко, есть опасность того, что при отсутствии должного внимания к своему развитию новая советская интеллигенция унаследует вырождение от дореволюционной, что создаст угрозу научному развитию страны [23, с. 168].

Поддержанию здорового образа жизни среди советского студенчества препятствовали сложные бытовые условия, незавидное финансовое положение, учебные и общественные нагрузки. Исследования второй половины 1920-х гг. фиксировали чрезвычайно высокие цифры

заболеваний, напрямую или косвенно связанные с этими факторами. Например, газета Ленинградского политехнического института «Товарищ» в 1926 г. констатировала, что «туберкулез, нервозность и т.д. свили прочное гнездо среди нашей молодежи», а из более 180 осмотренных более 60% юношей и более 40% девушек имели повышенную нервную возбудимость [3]. На это обращали внимание даже известные деятели культуры. Так, о росте числа нервных заболеваний среди студентов из-за тяжелых условий жизни как чрезвычайно насущной проблеме сообщал писатель Л. Леонов в выступлении в Коммунистической академии в 1927 г. [22, с. 108-109]. Лучшую профилактику и средство спасения учащейся молодежи власть видела в физической культуре и спорте, полностью принимая утверждение Ювенала “*Mens sana in corpore sano*” («В здоровом теле здоровый дух»).

Кроме борьбы за повышение физического и душевного здоровья физкультура и спорт позиционировались как надежные способы противостояния различного рода девиациям. На смену пьянству, религии, мещанству и прочим «буржуазных пережитков» должен был прийти культурный досуг: общественная работа, политическое просвещение, чтение и, конечно, физическая культура. «Новый человек» должен был быть не только преданным коммунистом, но и сильным, здоровым строителем прекрасного будущего. Показательно, что схожие взгляды высказывали руководители народных комиссариатов и просвещения и здравоохранения: А. В. Луначарский утверждал, что физкультура является «одной из первых проблем воспитания нового человека» [Цит. по: 24, с. 42], а Н. А. Семашко – что «физкультурные развлечения» это лучшее средство «борьбы с пьянством, хулиганством, самыми скверными сторонами старого, нездорового быта» [14, с. 6-7].

Так как на практике спортсмены далеко не всегда отличались примерным поведением (устраивали драки, хулиганили, могли злоупотреблять спиртным и т.п.) [17, с. 92-93], неизменно акцентировалось внимание на том, что для них это неприемлемо. Работа над собой, привычка к постоянным тренировкам, воспитание стремления добиваться своей цели – все эти обязательные для настоящего физкультурника качества должны были дисциплинировать и подчинять принятым нормам [7]. Борьба с девиациями проходила и через интеграцию физкультуры и спорта в уже привычные пространства досуга с целью их окультуривания. Например, им была отведена существенная роль в начавших строиться с конца 1920-х гг. парках культуры и отдыха, должных прийти на смену старым паркам, являвшимся местами царства праздности, криминала, дебоширства и разврата [30, р. 327-328].

Специфическими студенческими девиациями провозглашались «упадочничество» и «есенинщина». Под ними понималось неприятие молодыми людьми новых навязываемых властью норм и ценностей и скепсис по отношению к ним, что могло проявляться в политической несознательности, мещанстве, индивидуализме, суицидальных мыслях, декадентских настроениях. Проблема не была пустой, как может показаться на первый взгляд. Во второй половине 1920-х гг. в прессе постоянно появляются сообщения не только о нежелании студентов участвовать в общественной работе, но и о росте числа самоубийств, что не могло не тревожить власти [15, с. 7-10].

Кардинальным отличием советских высших учебных заведений от дореволюционных было совместное обучение. Предоставление равных возможностей для девушек получить высшее образование было одним из важнейших завоеваний революции и должно было стать ярким доказательством политики новой власти в сторону полной женской эмансипации. Девушка отныне являлась другом и товарищем в учебе, хотя на практике без дискриминации не обходилось, особенно в технических вузах, где юноши составляли подавляющее большинство и были сильны предрассудки в отношении способностей женщины овладеть инженерной профессией. Составляющей женской эмансипации было и активное участие девушек в занятиях физической культурой и спортом, до этого являвшихся преимущественно мужской привилегией. Их доступность обоим полам создавала условия для взаимного уважения между ними [28, р. 80]. Студенткам, как и работницам и крестьянкам, объяснялась польза здорового образа жизни и правил личной гигиены, вреда косметики, беспорядочных танцев, высоких каблуков и пр. Антиподом хрупкой буржуазной дамы полусвета в облаке табачного дыма

была сильная, независимая, активная и здоровая физкультурница. Этим объясняется внимание к равному развитию условий для занятия физкультурой, в том числе и в высших учебных заведениях.

Внимание советской власти к физической культуре и спорту также объяснялось стремлением к милитаризации общества, организации предвоенной подготовки [21]. Физически крепкие и подготовленные юноши и девушки могли добиваться успеха в труде в мирное время и победы в случае начала войны. Рассмотрение физкультуры как компонента военной подготовки началось еще в конце царского периода, и было унаследовано большевиками. В 1923 г. был создан Высший совет физической культуры при Главном управлении всеобщего военного обучения. Со временем связка спорта и военной подготовки лишь усиливалась, что было связано с «военной угрозой» 1927 г. Ярким символом новой спортивной политики стала деятельность созданного в том же году Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству – Осоавиахима. В 1931 г. начала действовать программа физкультурной подготовки «Готов к труду и обороне». В дальнейшем она получила активное развитие, вплоть до начала войны играя активную роль в воспитании молодежи [29, р. 232]. В 1938 г. газета «Красный спорт» писала: «Партия и правительство уделяют огромное внимание воспитанию нашей молодежи, в том числе к физическому воспитанию молодого поколения. С детских лет наша молодежь должна быть мужественной и крепкой. Перед ней историческая задача – укреплять великие завоевания социалистической родины, бороться за дело коммунизма. Овладение комплексом БГТО и ГТО миллионами юношей и девушек имеет первостепенное государственное значение» [4]. Эта особенность советских реалий не могла не сказаться на интеграции физической культуры в высшие учебные заведения. Показателен рисунок из газеты Ленинградского Политехнического института «Товарищ» от 23 февраля 1928 г. «Будь готов! Нынче здесь, а завтра там», в левой части которого изображен работающий над чертежом студент, а в правой – красноармеец с винтовкой [19]. Первые программы по физической культуре для вузов строились на основе комплекса ГТО и ставили цель подготовить к трудовой и военной деятельности [10, с. 70].

Проведение занятий физкультурой исключительно по линии военных кафедр все же ограничивало ее распространение в вузах и не делало их по-настоящему эффективными. Кроме этого, запросы самого студенчества были существенно выше, чем набор упражнений и игр в рамках военной подготовки. Несмотря на внимание со стороны власти, вплоть до конца 1920-х гг. физкультура и спорт в вузах страны не была организована в том виде, в каком хотело бы ее видеть государство. Ее развитие зачастую зависело от активистов на местах, эффективности работы Комсомола и профсоюзов. Например, в Ленинграде центром физкультурной работы была Организация физической культуры пролетарской молодежи «Спартак», находившаяся в ведении Комсомола. В ее работе принимали участие представители более десятка вузов города. Подобно политической борьбе в стенах вузов с «белоподкладочниками», ее члены создавали новые спортивные кружки взамен существовавших до революции.

Определенным толчком к появлению в вузах физического воспитания стало выступление М. И. Калинина в 1926 г. на Всероссийском ректорском совещании, где он заявил о необходимости руководству заведений следить за физическим укреплением учащихся [11, с. 100]. Постепенно там, где были возможности, занятия по физкультуре вводились в факультативной форме. Обязательным преподавание физической культуры в высших учебных заведениях стало после принятия Постановления Совнаркома РСФСР от 19 июля 1929 г. «По докладу Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР о результатах обследования постановки физического образования в РСФСР». Исходя из того, что «физическая культура является могучим средством оздоровления широких рабоче-крестьянских масс и подготовки их к труду и обороне страны», СНК постановил «ввести физическое воспитание в качестве обязательного предмета в курс всех учебных заведений и поручить Народному комиссариату просвещения РСФСР разработать и преподать на места учебные планы и программы преподавания указанного предмета для всех типов учебных заведений, а также

установить сроки его введения в программу по отдельным группам учебных заведений». Также указывалось, что должности руководителей физической подготовки в высших учебных заведениях «должны заниматься исключительно лицами, получившими соответствующее специальное высшее образование», а подготовку преподавателей физического образования высшей квалификации необходимо сосредоточить в Ленинградском институте физического образования им. П. Ф. Лесгафта и Московском институте физической культуры [12].

На практике осуществление данного решения встретило массу трудностей. В первую очередь, финансового характера. У руководства вузов не было средств на строительство стадионов, оборудование площадок, закупку необходимого инвентаря. Не было их и у студенчества. Положение было настолько сложным, что организовывался сбор средств на постройку спортивных объектов и устраивались кассы взаимопомощи, где можно было взять кредит на приобретение инвентаря и одежды, включая спортивные майки и трусы [16]. Показательно в данном отношении письмо председателя Ленинградского Областного бюро пролетарского студенчества тов. Назарова и председателя бюро физкультуры Областного бюро пролетарского студенчества тов. Герасимова от 21 февраля 1930 г. студпрофорганизациям вузов Ленинграда, в котором было указано: «Несмотря на то, что введение физической культуры в учебные планы вузов узаконено постановлением Совнаркома от 19/VII-29 г., Бюро Пролетстуда констатирует неудовлетворительную постановку таковой, а именно: часы занятий предоставляются неудобно, используются “окна” в расписаниях, помещение или отсутствует или отпускается неподходящее, средства, отпускаемые правлением вузов, недостаточны, что тормозит вращение ФК [физической культуры – И.С.] в общую структуру вуза и отведения ей должного места наравне со всеми дисциплинами» [26, л. 23]. Также отмечалось отсутствие участия студенческих организаций в проведении в жизнь постановления СНК. В письме звучало требование не меньшего внимания к физкультуре, чем к выполнению других частей учебного плана, добиться большего ассигнования средств на приобретение инвентаря, оборудования зал, площадок. Говорилось о необходимости устройства зарядок в общежитиях, освещения работы в газете «Ленинградский студент». В завершении письма от студпрофорганизаций требовали предоставить отчет о проделанной работе к 15 апреля.

Недовольны были ходом работы и вышестоящие инстанции. Так, в письме в Ленинградский отдел Пролетстуда Председатель Центрального бюро Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов тов. Артемов писал о «совершенно неудовлетворительных» темпах в выполнении решений правительства и требовал добиться обязательного включения физической культуры по академической линии в учебные планы и расписания [26, л. 74]. Стоит отметить, что столь острая безжалостная критика могла не только отражать реальное положение дел, но и быть стимулом к интенсификации ударной работы. Принцип высоких норм и организационной неразберихи в сочетании с завышенными и нереальными сроками исполнения, подчас без предоставления необходимых ресурсов, был в целом характерен для периода индустриализации и коллективизации конца 1920-х – начала 1930-х гг. В 1933 г. в докладе «Практический опыт спортивной и организационной работы в Ленинградских высших учебных заведениях» представитель вузбюро физической культуры при студенческой секции Ленинградского областного совета профессиональных союзов тов. Табут сообщал: «До 1933 г. самостоятельное физкультурное движение в вузах, втузах и техникумах представляло в течение 3-4-х лет безотрадную картину особенно в спортивно-техническом и организационном отношении. Вследствие отсутствия дифференцированного руководства и механического привлечения в городские соревнования вузовских коллективов, по программам и срокам производственных коллективов, (без учета специфики) участвовало обычно в городских соревнованиях не более 3-4 коллективов. Спортивные силы хирели и уплывали из вузовских коллективов в другие» [25, л. 5].

15 апреля 1933 г. вышло Постановление Президиума возглавляемого Г. М. Кржижановским Всесоюзного комитета по высшему техническому образованию при ЦИК СССР «Об основных задачах и мероприятиях по улучшению постановки физкультуры во втузах и вузах». В нем констатировалось, что единой системе физической культуры на ос-

нове комплексов ГТО со стороны Наркоматов не было уделено достаточного внимания, поэтому ее постановка во втузах и вузах оказалась урезанной в своей высшей, завершающей части – как раз в самих втузах и вузах. Признавая такое положение совершенно ненормальным, было признано необходимым «преподавание физкультуры во втузах и вузах с отрывом от производства включить в учебно-производственные планы в качестве обязательной дисциплины в объеме 2-х часов в шестидневку сверх 30-ти часовой недельной сетки в течении теоретического обучения на всех курсах (не считая времени, отводимого на зачетные сессии, академическую практику и дипломное проектирование), но не менее 200 часов для втузов с 4-х годичным сроком обучения и не менее 250 часов с 5-ти годичным». Также указывалось, что «помимо отведенных часов на обязательные занятия, необходимо всемерно поддерживать и развивать физкультурные занятия по физкультуре, которые могут выразиться в физкультурминутках во время теоретического обучения, в физкультурной организации перерывов между лекциями, организации лекций, кружков по отдельным видам физкультуры, а также организации отдыха и досуга студенчества в свободное от занятий время и в выходные дни». В постановлении был перечислен целый ряд просьб к Высшему совету физической культуры, в частности, о разработке учебника и стандартов строительства физкультурных помещений, организации системы повышения квалификации для преподавателей физкультуры [25, л. 160]. Важной была постановка вопроса об оплате труда преподавателей – низкая зарплата была одним из факторов, снижающих их желание активно работать. Было признано необходимым широко развернуть самодеятельную работу среди студентов, рекомендовать Наркоматам добиться от администраций втузов и вузов всемерной помощи делу организации при студенческих общежитиях площадок, лыжных станций, катков и пр., предусматривая ассигнования на приобретение спортивного инвентаря, одежды и обуви.

Занятия физической культурой и спортом должны были быть тесно связаны с многочисленными идеологическими кампаниями, проводимыми властью. В договоре по социалистическому соревнованию между студентами физкультурниками Ленинградской и Московской областей, подготовленном в январе 1930 г., говорилось о необходимости организовывать пробеги, физкультурпоходы, сбор средств «на постройку одного трактора», «принять активное участие в карнавалах, демонстрациях, факельных шествиях и т.д., посвященных общественно-политическим кампаниям». Речь шла о борьбе за коллективизацию, грамотность, агитацию за займы [26, л. 3]. При всем внимании к зарубежному опыту отряды физкультурников должны были избавляться от чуждых рабочему классу элементов. Это, в частности, относилось к поклонникам сокольства, чешского молодежного спортивного движения, основанного во 2-й половине XIX в. [6, л. 14]. В период летних каникул студент-спортсмен также не должен просто играть или тренироваться исключительно в свое удовольствие. От него требовалось организовывать физкультурные кружки и вести агитационную работу в деревне: «Не потерять напрасно времени, не пропустить ни одного солнечного луча, окрепнуть физически, освежить голову, организовать себя и товарищей – не забывать о деревне» [5, 18].

Студенты-физкультурники должны были быть образцовыми представителями советской молодежи. Корреспондент «Смены», описывая общежитие Института физической культуры в Москве, представил картину буквально идеального быта: «Несмотря на холодный день, открыты окна. Во многих комнатах всю зиму спят при открытых форточках. По утрам некоторые в постели, другие в коридоре, а третьи в ин[ститу]те делают утреннюю зарядку. В комнатах не курят, выпивки не бывает. Случившаяся однажды кутежка вызвала горячие обсуждения. Вообще в каждой мелочи чувствуется бережное отношение к себе и своему здоровью. Нет наплевательского отношения к своим силам, какое часто бывает у молодежи» [13, с. 13]. Именно студенты, профессионально изучающие теорию и практику физической культуры, ставились в пример остальным.

Принципиальным для развития физкультуры в высших учебных заведениях являлось наличие способности ее сторонников рекрутировать новых студентов. Ответственность за это ложилась на кружки физкультуры. Примерный план работы кружков вузов, рабфаков и техникумов г. Москвы на 1929-30 г. в рамках проведения кампании по вовлечению в физ-

культуру предполагал выпускать стенгазету, устроить вечер вопросов и ответов, докладов и кино на физкультурную тему, выработать календарный план соревнований и выступлений, принять участие в соревнованиях на первенство вузов по различным видам спорта [26, л. 8]. Жестким должен был быть контроль за дисциплиной: не посещающих занятия более 3-х раз подряд без уважительной причины механически исключали из кружка. Агитационно-пропагандистская часть включала цикл лекций по физкультуре: «а) что такое физкультура? б) для чего нам нужен медконтроль в ФК и что такое самоконтроль? в) как работать и отдыхать? г) физкультура и оборона страны. д) буржуазия и советская физкультура». Также план предусматривал проведение широкой агитации «за изжитие нездоровых уклонов: чемпионства, курения, пьянства, негигиеническую обстановку в общежитии и т.д.». Нужно было организовать уголки физкультуры, арендовать спортивные залы, провести лыжные вылазки, прогулки и экскурсии, зарядку в вузе и общежитии [26, л. 8 об.]. В качестве агитации использовали и примеры великих революционеров, например, популяризировались рассказы о любви В. И. Ленина к езде на велосипеде, плаванию, горным походам [9; 27].

Отчасти именно желанием заинтересовать спортом еще не вовлеченных в него студентов объяснялась организация соревнований, по возможности массовых. Межвузовские состязания начали проводиться еще с 1920-х гг. При этом, по мнению части активистов, сама идея «чемпионства» была буржуазной и противоречила ценностям советского физкультурного движения [20]. Тем не менее, сторонники победы над соревновательным духом в итоге уступили. Ярким событием стала Первая Всесоюзная спартакиада вузов, втузов, техникумов и рабфаков 1935 г.

Администрации вузов старались обеспечить победителей призами. Например, мужская и женская волейбольные команды Ленинградского индустриального института (бывшего Политехнического), занявшие на состоявшейся в 1934 г. Первой Всесоюзной Спартакиаде втузов системы Народного комиссариата тяжелой промышленности соответственно 1 и 2 места, получили теннисные костюмы. Многоборцы за 1-е место были награждены готовальной и счетной линейкой, лучший в метании гранаты студент Арсеньев – велосипедом, а студентка Цапулина, опередившая всех в беге на 500 м, – фотоаппаратом [2, л. 70-70 об.].

Интеграция физической культуры и спорта в советскую систему образования в 1920 – 1930-е гг. проходила в рамках политики советской власти, направленной на воспитание нового поколения советской молодежи. Физическая культура была составляющей частью процесса аккультурации населения, активно проводимой большевистским правительством, и была призвана служить достижению таких целей, как распространение здорового образа жизни, милитаризация общества, гендерное равноправие, борьба с «буржуазными пережитками». В первые послереволюционные годы основной задачей являлась пролетаризация студенческого спорта. При этом его полноценному развитию мешало отсутствие централизованного управления и недостаточное финансирование. Переломным моментом стал 1929 г., когда вышло постановление Совнаркома об обязательном преподавании физической культуры во всех вузах и втузах страны. Однако его реализация встретила массу трудностей: отсутствие спортивных объектов, организационная неразбериха, нехватка необходимых людских и финансовых ресурсов. О качественном скачке в решении этого вопроса и в организационном и в экономическом плане можно говорить применительно ко второй половине 1930-х гг.

Физическая культура должна была стать по-настоящему массовой повседневной практикой для советских студентов, начиная от зарядки в общежитии и заканчивая участием в межвузовских соревнованиях. Это потребовало налаживания комплексной пропагандистской работы, включавшей в себя организацию кружков, чтение лекций, проведение бесед, публикации в периодической печати, развитие системы премирования спортсменов. Постепенно создавался образ физкультурника как идеального советского человека, образ жизни, быт и характер которого представляли образец для остальных. Жизнь студента-физкультурника не должна была состоять лишь из занятий спортом, ему вменялось в обязанность участвовать в общественной работе, актуальных политических кампаниях и быть активным проводником партийной линии, стоящим в авангарде строителей светлого будущего.

Список источников и литературы

1. Андреев, Д. А. (2008). *«Красный студент» и политика пролетаризации высшей школы* // Новое литературное обозрение. 2008. № 2 (90). С. 45-61. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/2/krasnyj-student-i-politika-proletarizaczii-vysshej-shkoly.html> (дата обращения: 11.10.2021).
2. Архив Санкт-Петербургского Политехнического университета (Архив СПбПУ). Приказы руководящие за 1934 г. Т. 3. Л. 70-71 об.
3. В. Б. (1926). *Здоровы ли спартаковцы* // Товарищ. № 7(51). 9 декабря. С. 8.
4. *Воспитаем спортивное поколение* (1938) // Красный спорт. № 5 (566). 9 января. С. 1.
5. Гориневский, В. В. (1927). *Летний отдых молодежи* // Смена. № 10. С. 8-10.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р7710. Оп. 1. Д. 2. Л. 12-16.
7. Громов, Б. (1926). *Спорт – на борьбу с хулиганством* // Смена. № 21. С. 17.
8. Изгоев, А. С. (2011). *Об интеллигентной молодежи (Заметки о ее быте и настроенных)* // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. СПб.: Азбука-Аттикус, Авалонь. С. 259-295.
9. *Ильич и физкультура* (1933) // Красный спорт. № 4 (92). С. 1.
10. Курамшин, Ю. Ф. (2014). *Становление и развитие программно-нормативных основ вузовского физического воспитания в 20-40 годы XX века* // Ученые записки университета П. Ф. Лесгафта. № 4 (110). С. 67-71.
11. Михайлов, Б. А., Трунин, В. В. (2014). *Становление физической культуры и спорта в Петроградском (Ленинградском) университете в 1920-1930 годах* // Ученые записки университета П. Ф. Лесгафта. № 9 (115). С. 97-101.
12. Постановление СНК «По докладу Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР о результатах обследования постановки физического образования в РСФСР» // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1929. № 58. 30 августа. С. 826-827.
13. Северяк, Н. (1928). *Вуз инженеров здоровья* // Смена. № 10. С. 12-13.
14. Семашко, Н. (1927). *Физкультура зимой*. Москва; Ленинград: Государственное изд-во. 109 с.
15. Сидорчук, И. В. (2018). *Борьба за «новую» мораль в Ленинградском политехническом институте в 1920-х годах* // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. Т. 9. № 3. С. 7-15.
16. Сидорчук, И. В. (2019). *Физкультура и спорт в жизни студента Ленинградского политехнического института 2-й пол. 1920-х – 1930-х гг.* // История повседневности и образ жизни россиян в XIX-XXI вв.: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 24 октября 2019 г., посвящ. 80-летию Шадр. гос. пед. ун-та / Редкол. Н. Ф. Чипинова, С. А. Парфенова, Е. А. Бурлакова. Шадринск: ШГПУ. С. 360-364.
17. Сидорчук, И. В. (2020). *Спорт и физкультура как альтернатива девиантному досугу горожан в 1920-е гг.* // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. В. А. Веремченко, В. Н. Шайдунов. СПб.: Изд-во ЛГУ им. А. С. Пушкина. С. 90-94.
18. Т. Е. (1925). *Молодежь в отпуску* // Смена. № 12. С. 10.
19. Товарищ. 1928. № 10 (68). 23 февраля. С. 4.
20. Ульянова, С. Б. (2019). *Физкультурники против спортсменов (Проблемы терминологии в изучении массового спорта в СССР в 1920 – 1930-е гг.* // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б. Г. Могильницкого). Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. В 2-х частях. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет. С. 352-357.

21. Ульянова, С. Б., Крепкая, Т. Н. (2019). *Милитаризация массового спорта в СССР в 1920-е – 1930-е гг.* // Вопросы истории. № 12-3. С. 281-287.
22. *Упадочное настроение среди молодежи. Есенинщина (1927)*. Москва: Изд-во Коммунистической академии. 160 с.
23. Филиппченко, Ю. А. (1924). *Пути улучшения человеческого рода (евгеника)*. Ленинград: Госиздат. 189 с.
24. Фишева, А. А. (2019). *Концепт «нового человека» в советской социальной политике 1920-х годов* // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. Т. 10. № 1. С. 37-46.
25. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 6276. Оп. 35. Д. 36. Л. 160-160 об.
26. ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 51. Д. 35. Л. 3-3 об.
27. Elwood, C. (2010). *The sporting life of V. I. Lenin* // Canadian Slavonic Papers. № 52(1-2). P. 79-94.
28. Grant, S. (2013). *Physical Culture and Sport in Soviet Society: Propaganda, Acculturation, and Transformation in the 1920s and 1930s*. Routledge. 276 p.
29. Noack, C. (2012). «*A mighty weapon in the class war*»: *Proletarian Values, Tourism and Mass Mobilisation in Stalin's Time* // Journal of Modern European History / Zeitschrift für moderne europäische Geschichte / Revue d'histoire européenne contemporaine. № 10(2). P. 231-254.
30. Shaw, C. (2011). «*A fairground for „building the new man“*»: *Gorky Park as a site of Soviet acculturation* // Urban History. Vol. 38. No 2. P. 324-344.

References

1. Andreev, D. A. (2008). «*Krasnyy student*» i politika proletarizatsii vysshey shkoly [“The Red student” and the policy of the proletarianization of the higher school] in *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2 (90), 45-61. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/2/krasnyj-student-i-politika-proletarizatsii-vysshey-shkoly.html> (date accessed: 11.10.2021). (in Russian).
2. Arkhiv Sankt-Peterburgskogo Politekhnicheskogo universiteta (Arkhiv SPbPU). [Archive of St. Petersburg Polytechnic University (SPbPU Archive)]. *Prikazy rukovodyashchie za 1934 g.* T. 3. (in Russian).
3. V. B. (1926). *Zdorovy li spartakovtsy* [Are the Spartacists healthy] in *Tovarishch*, 7 (51), 9 dekabrya, 8. (in Russian).
4. *Vospitaem sportivnoe pokolenie* (1938) [We will educate the sports generation] in *Krasnyy sport*, 5 (566), 9 yanvarya, 1. (in Russian).
5. Gorinevskiy, V. V. (1927). *Letniy otdykh molodezhi* [Summer holidays for young people] in *Smena*, 10, 8-10. (in Russian).
6. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). [The State Archive of the Russian Federation (GARF)]. F. R7710. Op. 1. D. 2. (in Russian).
7. Gromov, B. (1926). *Sport – na bor'bu s khuliganstvom* [Sports – to fight hooliganism] in *Smena*, 21, 17. (in Russian).
8. Izgoev, A. S. (2011). *Ob intelligentnoy molodezhi (Zametki o ee byte i nastroeniyakh)* [About intelligent youth (Notes on its life and moods)] in *Vekhi: Sbornik statey o russkoy intelligentsii*. Sankt-Peterburg, Azbuka-Attikus, Avalon Publ., 259-295. (in Russian).
9. *Il'ich i fizkul'tura* (1933) [Ilyich and physical culture] in *Krasnyy sport*, 4 (92), 1. (in Russian).
10. Kuramshin, Yu. F. (2014). *Stanovlenie i razvitie programmno-normativnykh osnov vuzovskogo fizicheskogo vospitaniya v 20-40 gody XX veka* [Formation and development of the program-normative foundations of university physical education in the 20-40 years of the XX century] in *Uchenye zapiski universiteta P. F. Lesgafta*, 4 (110), 67-71. (in Russian).

11. Mikhaylov, B. A., Trunin, V. V. (2014). *Stanovlenie fizicheskoy kul'tury i sporta v Petrogradskom (Leningradskom) universitete v 1920-1930 godakh* [The struggle for a “new” morality at the Leningrad Polytechnic Institute in the 1920s] in *Uchenye zapiski universiteta P. F. Lesgafta*, 9 (115), 97-101. (in Russian).
12. Postanovlenie SNK «Po dokladu Narodnogo komissariata raboche-krest'yanskoy inspektsii RSFSR o rezul'tatakh obsledovaniya postanovki fizicheskogo obrazovaniya v RSFSR» [Resolution of the SNK "On the report of the People's Commissariat of the Workers' and Peasants' Inspection of the RSFSR on the results of the survey of the establishment of physical education in the RSFSR"] in *Sobranie uzakoneniya i rasporyazheniya raboche-krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR*, 1929, 58, 30 avgusta, 826-827. (in Russian).
13. Severyak, N. (1928). *Vuz inzhenerov zdorov'ya* [University of Health Engineers] in *Smena*, 10, 12-13. (in Russian).
14. Semashko, N. (1927). *Fizkul'tura zimoy* [Physical education in winter]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izd-vo. (in Russian).
15. Sidorchuk, I. V. (2018). *Bor''ta za «novuyu» moral' v Leningradskom politekhnicheskom institute v 1920-kh godakh* [The struggle for a “new” morality at the Leningrad Polytechnic Institute in the 1920s] in *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 9: 3, 7-15. (in Russian).
16. Sidorchuk, I. V. (2019). *Fizkul'tura i sport v zhizni studenta Leningradskogo politekhnicheskogo instituta 2-y pol. 1920-kh – 1930-kh gg.* [Physical culture and sport in the life of a student of the Leningrad Polytechnic Institute of the 2nd half of the 1920s – 1930s.] in *Istoriya povsednevnosti i obraz zhizni rossiyan v XIX-XXI vv.: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem*, 24 oktyabrya 2019 g., posvyashch. 80-letiyu Shadr. gos. ped. un-ta. Shadrinsk, ShGPU, 360-364. (in Russian).
17. Sidorchuk, I. V. (2020). *Sport i fizkul'tura kak al'ternativa deviantnomu dosugu gorozhan v 1920-e gg.* [Sport and physical culture as an alternative to deviant leisure of citizens in the 1920s.] in *Reformy v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. St. Petersburg, Izd-vo LGU im. A. S. Pushkina, 90-94. (in Russian).
18. T. E. (1925). *Molodezh' v otpusku* [Youth on vacation] in *Smena*, 12, 10. (in Russian).
19. Tovarishch, 1928, 10 (68), 23 fevralya, 4. (in Russian).
20. Ul'yanova, S. B. (2019). *Fizkul'turniki protiv sportsmenov (Problemy terminologii v izuchenii massovogo sporta v SSSR v 1920 – 1930-e gg.* [Athletes against athletes (Problems of terminology in the study of mass sports in the USSR in the 1920s-1930s] in *Tvorcheskaya laboratoriya istorika: gorizonty vozmozhnogo (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya B.G. Mogil'nitskogo)*. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, v 2-kh chastyakh. Tomsk, 352-357. (in Russian).
21. Ul'yanova, S. B., Krepkaya, T. N. (2019). *Militarizatsiya massovogo sporta v SSSR v 1920-e – 1930-e gg.* [Militarization of mass sports in the USSR in the 1920s – 1930s] in *Voprosy istorii*, 12-3, 281-287. (in Russian).
22. *Upadochnoe nastroyenie sredi molodezhi. Eseninshchina* (1927). [Decadent mood among young people. Yeseninschina]. Moscow, Izd-vo Kommunisticheskoy akademii. (in Russian).
23. Filipchenko, Yu. A. (1924). *Puti uluchsheniya chelovecheskogo roda (evgenika)*. [Ways to improve the human race (eugenics)]. Leningrad, Gosizdat. (in Russian).
24. Fischeva, A. A. (2019). *Kontsept «novogo cheloveka» v sovetskoy sotsial'noy politike 1920-kh godov* [The concept of a “new man” in the Soviet social policy of the 1920s] in *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 10: 1, 37-46. (in Russian).
25. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga (TsGA SPb). [The Central State Archive of St. Petersburg (CSA St. Petersburg)]. F. 6276. Op. 35. D. 36. (in Russian).
26. TsGA SPb. [CSA St. Petersburg]. F. 6276. Op. 51. D. 35. (in Russian).

Шевченко И. А.
(Липецк)

УДК 94(47+57)

АЛКОГОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА 1920-Х ГОДОВ В ОЦЕНКАХ КРЕСТЬЯН²

Актуальность исследования обусловлена сложной динамикой потребления спиртного в России последних десятилетий, традиционно высоким вниманием общества и власти к вопросам трезвости и пьянства населения страны. Статья посвящена анализу того, как политика советской власти в сфере производства и распространения алкогольных напитков преломлялась в сознании самой крупной социальной группы 1920-х гг. – крестьянства. В исследовании приводятся оценки селянами-обывателями особенностей государственной политики в данном направлении – борьбы с самогонварением, учреждения казенной монополии на продажу спиртного. Методологически исследование опирается на сравнительно-исторический и герменевтический подходы. Среди привлекаемых источников – письма крестьян в органы власти разных уровней и редакции периодических изданий («Крестьянская газета»), а также характеристики ситуации в деревне со стороны советских органов государственной безопасности. Материалы носят достаточно субъективный характер. В совокупности документы позволяют выявить некоторые общие тенденции в настроениях сельских обывателей. В массе своей крестьяне скептически оценивали как усилия властей по борьбе с домашним винокурением, так и учреждение государственной винной монополии. Так, авторы отзывов видели в новом курсе питейной политики лишь преследование администрацией фискальных интересов. В статье также делается вывод об отсутствии прямого влияния общественного мнения на вектор государственной алкогольной политики, специфические черты которой определялись представителями советской власти в соответствии с планами реализации в 1930-е гг. «Большого скачка», требовавшего стабильного пополнения бюджета страны денежными средствами, в том числе – за счет продажи населению казенной алкогольной продукции.

Ключевые слова: алкоголь, вино, водка, самогон, домашнее винокурение, крестьянство, советская деревня, монополия, пьянство, трезвость.

The relevance of the study is due to the complex dynamics of alcohol consumption in Russia in recent decades, the traditionally high attention of society and the authorities to the issues of sobriety and drunkenness of the population of the country. The article is devoted to the analysis of how the policy of the Soviet government in the sphere of production and distribution of alcoholic beverages was refracted in the consciousness of the largest social group of the 1920s - the peasantry. The study provides assessments by the villagers of the peculiarities of state policy in this direction – the fight against moonshine, the establishment of a state monopoly on the sale of alcohol. Methodologically, the study is based on comparative historical and hermeneutic approaches. Among the sources involved are letters from peasants to authorities at various levels and the editorial offices of periodicals ("Peasant Newspaper"), as well as characteristics of the situation in the village from the Soviet state security agencies. The materials are quite subjective. Taken together, the documents make it possible to identify some general trends in the moods of rural inhabitants. For the most part, the peasants were skeptical of both the efforts of the authorities to combat domestic distilling and the establishment of a state wine monopoly. So, the authors of the reviews saw in the new course of drinking policy only the pursuit of fiscal interests by the administration. The article also concludes that there is no direct influence of public opinion on the vector of state alco-

² Статья подготовлена в рамках проекта «Российское крестьянство и государственная политика в отношении продажи алкоголя в 1914–1925 годах» (грант Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук 2020 года. Проект № МК-846.2020.6).

hol policy, the specific features of which were determined by representatives of the Soviet government in accordance with plans for the implementation of the "Big Leap" in the 1930s, which required stable replenishment of the country's budget with monetary funds, including through the sale of state-owned alcoholic beverages to the population.

Keywords: alcohol, wine, vodka, moonshine, home distilling, peasantry, soviet village, monopoly, drunkenness, sobriety.

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-31-2-29-37

Изучение питейного вопроса – процесс, позволяющий сформировать представление об особенностях экономического развития, финансовом положении государства. Нередко, особенно для России, данная проблема имеет связь с политическим развитием страны, борьбой за власть различных заинтересованных групп. Рассмотрение различных аспектов алкогольной проблематики позволяет судить о состоянии общества, его проблемах, особенностях уклада жизни, быта и т. п. Активное участие государства в вопросах производства, распространения спиртных напитков, а также в борьбе за трезвость рождает еще одну плоскость взаимоотношений власти, общества и народа. Эта ситуация характерна для России 1900 – 1920-х гг., когда политика властей в питейной сфере вмещала в себя в разные годы и казенную монополию, и «сухой закон». Пристальное внимание государства к этой проблематике провоцировало общественное мнение давать оценку такой активности власть имущих. Возникавший в те десятилетия по этому поводу диалог – весьма любопытное явление для анализа, из которого можно извлекать определенные уроки для настоящего времени.

Питейный вопрос в России 1920-х гг. вызывал интерес у советских исследователей, пытавшихся по горячим следам анализировать проблему самогонварения и метаморфозы государственной политики в сфере производства и продажи алкоголя. Авторы часто и вполне закономерно обращались в своих работах к ситуации с потреблением спиртного в дореволюционный период, с интересом прибегая к сравнению разных эпох в этом вопросе [2; 6].

Современная историография достаточно подробно с использованием разных источников обращается к проблеме потребления спиртного в России и алкогольной политике государства 1920-х гг., порождая исследования общего характера [1; 11; 12; 13] или акцентируя внимание на региональных особенностях изучаемых явлений [19].

Цель настоящего исследования – проанализировать реакцию представителей широких народных масс (в первую очередь, крестьянства) в ответ на различные аспекты государственной алкогольной политики в 1920-х гг., определить преобладающие оценки обывателей обращения властей в середине рассматриваемого десятилетия к государственной водочной монополии. Привлекаемые для достижения поставленной цели источники – письма крестьян в различные органы власти, редакцию «Крестьянской газеты», а также сообщения о ситуации в деревне представителей органов государственной безопасности. Анализируемые жалобы, предложения, пожелания, информационные сводки, безусловно, носят субъективный характер, но в совокупности и в сравнении дают некую общую картину отношения селян к государственной питейной политике.

Распространенность самогонварения в российской деревне в конце 1910-х – в 1920-х гг. – общеизвестный факт, подробно описанный в литературе, упомянутой выше. Его источники – в ограничениях на производство и продажу алкоголя, введенных еще императорским правительством в 1914 г., и в специфической экономической и социокультурной ситуации в стране, обусловленной потрясениями Первой мировой и Гражданской войн, а также особенностями продовольственной политики большевиков. Беспрецедентный рост насилия, неуверенность в завтрашнем дне усиливали у населения России потребность в алкоголизации для снятия стресса и ухода от реальности. Нарушение нормального товарообмена между городом и деревней создавало ситуацию, когда крестьянам было выгоднее использовать хлеб в качестве сырья для самогона, чем пытаться продавать или сдавать продотрядам. Полученное в

домашних условиях спиртное сбывалось в городах, что давало существенный доход крестьянским хозяйствам.

«Пьянство в деревне усиливается. Самогон гонят поголовно целые районы. Борьба с ними положительных результатов не дает», – таким образом характеризовалась ситуация в губерниях Центральной России в 1923 г. [17, с. 63]. В том же году в Вологодской губернии местная милиция за две недели проведения специальных мероприятий по борьбе с домашним винокурением изъяла 468 самогонных аппаратов и 1 700 ведер самогона, что на самом деле можно считать лишь верхней частью айсберга [17, с. 74].

Борьба с самогонованием до поры до времени не приносила ощутимого эффекта, в том числе из-за неготовности представителей власти на местах быть последовательными в данной сфере. Показательно сообщение в этой связи из Курской губернии: «Уездный уголовный розыск послал своего агента в нашу деревню для борьбы с самогоном, агент приехал и прямо на квартиру к председателю сельсовета. А председатель сельсовета в это время как раз гнал самогон с секретарем ячейки РКП(б) тов. Белоусовым и членом бюро ячейки. Ну какая здесь борьба, когда само начальство пьет и гонит самогон. Агент соблазнился и начал пить самогон, пока не свалился» [9, с. 145].

Надо сказать, что большевики, придя к власти в 1917 г., по факту пытались продемонстрировать преемственность по отношению к питейной политике царского правительства его последних лет. В 1914 г. в связи с началом Первой мировой войны император Николай II одобрил введение в стране мер по ограничению производства и продажи спиртных напитков, получивших наименование «сухого закона». Правовыми актами 1917-1919 гг. [7; 16] советские власти пытались положить предел незаконной выкурке и продаже спиртного, но в условиях Гражданской войны это было сделать нелегко.

В первой половине 1920-х гг. власти, предпринимая, как правило, безуспешные попытки борьбы с самогонованием в деревнях с участием милиции, постепенно отходили от концепции «сухого закона», пока, наконец, 8 августа 1925 г. не вышло постановление Центрального исполнительного комитета СССР и Совнаркома о введении в действие с 1 октября того же года «Положения о производстве спирта и спиртных напитков и торговле ими». Согласно документу, «изготовление хлебного вина (водки) составляет исключительное право государства, осуществляемое центральным правлением государственной спиртовой монополии» [4, с. 392-396].

Переходя к решительной борьбе с домашним винокурением через попытку заменить его продукцией водкой казенного производства, власти безусловно обращали внимание на сообщения с мест, в которых содержалась красноречивая информация о масштабах самогонования. Так, житель смоленской деревни Новиково писал, обращаясь напрямую к «все-союзному старосте» М. И. Калинину, о том, что самогон «подрывает наши устои», «уже стал править страной» и что «по всему Союзу негде стать ногой, чтобы не промокнет нога» [15, с. 38].

Бесспорно, возвращение к казенной монополии в питейном вопросе было связано с необходимостью обретения источников дополнительных доходов бюджета государства через аккумуляцию в нем прибыли домашних винокуров, по деятельности которых должен был быть нанесен тем самым серьезный удар. Однако все это вызывало вопросы у той части населения, которая должна была стать основным потребителем казенной водки.

Риторика властей, говоривших, что продажа государством спиртного – это вынужденная мера, которая в перспективе даст положительный эффект для социально-экономического развития страны, порождала вполне понятный скепсис. «Сегодня мы боремся с разными болезнями и проституцией. Если вопрос стоит так, что от водки польза государству, то на очереди и открытие домов терпимости. Это два вопроса равного “достоинства”», – говорилось в одном письме из деревни [8, с. 187].

«Что заставило советскую власть продавать русскую горькую, почему она дорогая и какая польза государству, если для борьбы с самогоном, то она должна быть дешевле, чем в настоящее время», – такие вопросы к власти звучали на митинге крестьян Поподынской во-

лости Рязанской губернии в 1925 г. [9, с. 203]. Те же рязанские крестьяне жаловались на нетрезвый образ жизни непосредственно стоящих над ними властей: «Посмотрите наш порядок, у нас коммунисты каждый день пьяные находятся – Серкин Андрей, Исаков Петр, ни одного собрания не проведут не пьяные, все вдрыск, ... все пьянствуют. Обратите внимание» [9, с. 205]. И аналогичные сюжеты вызывали недоумение крестьян из соседней Рыбновской волости: «Почему советская власть борется с самогоном, тогда как сама выпускает 30-градусную горькую»; «должны ли быть при социализме вообще разные спиртные напитки» [9, с. 205].

Крестьянин-комсомолец И. Казаков из Орловской губернии в 1925 г. в письме на имя И. В. Сталина возмущался фактом продажи государством сорокаградусной водки, заявляя о падении нравов и хозяйственном упадке односельчан. В частности, селянин с активной гражданской позицией приводил следующий пример: «Привел крестьянин на базар продавать корову, продал для того, чтобы на вырученные деньги купить что-либо для своего хозяйства, но узнав, что продается водка, пошел туда и все деньги пропил. После, отрезвившись, он мне говорит: “Разве это хорошо делает советская власть, продавая водку”, от которой этот крестьянин попал в нужду» [14, с. 452]. Примечательно, что и автор письма, и незадачливый продавец коровы виноватой стороной посчитали власть, не признавая личной ответственности человека, все-таки в изложенной ситуации обладавшего правом выбора – пить или не пить водку. Это характерно для общества, в котором власть имеет выраженные патерналистские признаки.

Смоленского крестьянина в 1925 г. настолько озадачил вид пьющего самогон члена РКП(б), что он даже попытался по этому поводу получить разъяснение от редакции «Крестьянской газеты», куда направил соответствующее письмо, где приводил содержание своего разговора с представителем коммунистической партии. Селянин полагал, что партийцы должны подавать пример остальным гражданам и воздерживаться от употребления алкоголя. На это собеседник автора отвечал, что власти начали сами продавать «русскую горькую» не для того, «чтоб ею умываться, а пить» и что «пнемного выпивать разрешается» [15, с. 43].

Пить или не пить – данный вопрос в середине – второй половине 1920-х гг., видимо, весьма занимал как обывателей, так и представителей властей. Видный коммунист Е. М. Ярославский в докладе, озвученном в 1926 г. в Политехническом музее Москвы, по этому поводу отмечал: «Мы, коммунисты, против пьянства, мы боремся с пьянством; мы хорошо знаем, что в нашей среде, среди коммунистов, есть люди, любящие выпить и умеющие выпить (с м е х), и некоторые товарищи, которые обладают этой слабостью, говорят: напишите, что можно выпить один стакан или два, а больше этого нельзя, определите норму (с м е х)» [21, с. 18].

Примечательно, что крестьяне в связи с переменами в алкогольной политике государства порой не просто жаловались на сложившееся положение дел, но и предлагали разные способы минимизации негативных последствий развития винной монополии, иногда весьма оригинальные или наивные.

Крестьянин Ф. И. Привалов в 1925 г. отмечал, что возвращение казенной монополии на производство и продажу алкоголя дает «целые тысячи денег для оборотов в государстве», но зато «теряем на миллионы ума нашего человечества» [3, с. 145]. Лучшим средством отрезвления народных масс селянин считал следование известному завету В. И. Ленина: «Во-первых, учиться, во-вторых, учиться, и в-третьих, учиться». Иными словами, деревня нуждалась в просвещении и распространении научного знания.

В другом отзыве содержались компромиссные предложения, призванные ввести некоторые ограничения на продажу казенного спиртного: «Этот порядок следует изжить, если уж нельзя остановить продажу вина совсем, то ограничить ее необходимо, а именно: уничтожить продажу вина кооперативами, подальше убрать винные от базаров, а лучше всего в базарные дни не открывать их совсем, и если получится недобор дохода от продажи вина, то прибавить его к прямым налогам, по крайности платить будут все равномерно» [8, с. 187].

В. С. Халин из Курской губернии в 1926 г. предлагал следующую стратегию борьбы с домашним винокурением: «Нужно больше вырабатывать очищенного вина и удешевить его до 70 копеек бутылка. Этим можно прекратить выгонку самогона. Самогон гонит самое бедное население, которое работало бы что-нибудь полезное для себя и государства, а этой самогонкой они наносят вред для государства» [14, с. 472].

Обращение государства к монополии в сфере производства и продажи спиртных напитков обострило традиционную для последних десятилетий российской истории проблему дихотомии «город – деревня». Крестьяне продолжали полагать (и совсем небезосновательно), что власть (теперь советская, в ранее – императорская) воспринимает деревню в качестве места, откуда можно изымать различные ресурсы для развития городской промышленности и в целом культуры. Рабочим – дома и культура, а крестьянам – «голодовка и вино», – с сожалением отмечали крестьяне из Тульской губернии, характеризуя по-своему особенности государственной политики [3, с. 263]. В анонимной листовке, оказавшейся в распоряжении редакции «Крестьянской газеты» в 1928-1929 гг., отмечалось, что «из товаров на деревню продвигается только водка» [3, с. 276].

«О рабочих правительство больше заботится, им доступно почти все, для крестьянина же жизнь ужасная, фабриканты дороги, а хлеб дешевый, весь налог поступает в город, а взамен крестьянин ничего не получает», – отзывы подобного содержания получали представители власти по всей стране [9, с. 210].

Крестьянин А. Григорьев из Тверской губернии в 1928 г. писал о необходимости «прикрыть хлебное вино, чтобы не обдирать крестьян». Его письмо в целом содержит обширную критику политики властей. Так, Григорьев сетовал на то, что европейские страны, куда правительство активно экспортировало продукцию сельского хозяйства, «едят наш хлеб», а крестьяне сиди по неделе голодные». Обращение селянина резюмируется уверенным предупреждением – в случае большой войны ни один крестьянин «не скажет, что охотно пойдет защищать советскую власть» [3, с. 213-214].

Сравнивая политику дореволюционных властей и коммунистов, обыватели иногда демонстрировали довольно специфическое мышление, на свой лад давая оценку мерам правительства в сфере налогообложения: «Царское правительство больше брало, но мы их не замечали. Оно брало прямые и косвенные. Вот как спиртные напитки. Сколько тратило на это денег крестьянство, но не было заметно, потому что по доброй воле мы это тратили. А советская власть за собой не замечает, что она в 5 раз больше берет косвенных налогов, чем царское правительство» [9, с. 72]. Впрочем, стоит признать, что советская администрация «вняла» подобным намекам и прагматично восприняла опыт предшественников, утверждая винную монополию.

Смена «алкогольного» курса государства вызывала недоумение не только у крестьян. Так, рабочий из Орла Г. Пинчук в ответ на актуальную статью члена Центральной контрольной комиссии ВКП(б) Е. М. Ярославского [Ярославский] обратился к последнему за разъяснением политики финансового ведомства советского правительства. Пинчук, в частности, отмечал, что, когда «разрешили свободную продажу вина», «некоторые недвусмысленно намекали, что мы только на 10° не догнали Николая, что ценою спаивания народа власть укрепляет свое финансовое положение», имея в виду меньшую крепость «советской» водки по сравнению с «царской». Пинчук настоятельно просил разъяснить видного партийного деятеля, в чем суть возвращения государственной монополии на продажу спиртного, так похожей на казенную продажу питей царского министра С. Ю. Витте: это вынужденный инструмент борьбы с самогонварением или это временная мера, направленная на наполнение бюджета советского государства [14, с. 500-501].

Ярославский в 1920-е гг. был одним из основных спикеров со стороны власти по вопросам трезвости и пьянства [20]. В уже упоминавшемся докладе он говорил следующее: «Алкоголизм порождает большое поколение, а нам нужно поколение здоровых, крепких, мощных строителей. Алкоголизм ведет к преступлениям». Ярославский также отмечал: «Мы убедились, что одними запретами сделать ничего нельзя, здесь главное внимание следует об-

ратить на создание, выработку определенного пролетарского общественного мнения, готового вести борьбу с алкоголизмом» [21, с. 70-71]. В 1928 г. было образовано Российское общество по борьбе с алкоголизмом, объединившее ученых, врачей и государственных деятелей и развернувшее широкую агитационную работу.

Однако «служить двум господам» у советского правительства получалось также проблематично, как и у царского правительства, пытавшегося в 1895-1914 гг. одновременно получать сверхдоходы от казенной продажи питей и бороться за народную трезвость. В обоих случаях в итоге возобладало мнение о важности пополнения бюджета страны доходами от продажи спиртного.

В 1927 г. И. В. Сталин довольно прямолинейно говорил: «Когда мы вводили водочную монополию, перед нами стояла альтернатива: либо пойти в кабалу к капиталистам, сдав им целый ряд важнейших заводов и фабрик, и получить за это известные средства, необходимые для того, чтобы обернуться; либо ввести водочную монополию для того, чтобы заполучить необходимые оборотные средства для развития нашей индустрии своими собственными силами и избежать, таким образом, иностранную кабалу» [18, с. 232]. В связи с этой репликой вспоминаются слова государственного деятеля времен правления Николая II В. И. Гурко, сказанные про министра финансов – создателя винной монополии 1894 г.: «На крестьянство Витте смотрел преимущественно как на дешевую рабочую силу для той же промышленности, причем земельное крестьянство было в его глазах не столько производителем ценностей, сколько плательщиком налогов, поступающих преимущественно от потребления им зелена вина» [5, с. 67].

В обоих случаях виден прагматизм политиков, преследовавших свои определенные цели в соответствии с вызовами своего времени. Отношение же крестьян к учреждению советской властью винной монополии было отмечено состоянием некоторой вполне логичной растерянности. Продажа казенного вина для многих означала возвращение «царской монополюшки», при том, что и до революции, и в особенности после нее, только ленивый не позволял себе упреков в отношении императорской власти за то, что она, стремясь пополнить бюджет, «спаивала собственный народ». Однако под давлением общественного мнения правительство Николая II в 1914 г. учредило «сухой закон». Как правило, советская монополия вызывала также критическое к ней отношение со стороны народных масс, но власть в рассматриваемые годы в меньшей степени была расположена реагировать на сигналы снизу, реализовывая свои масштабные проекты. В 1930 г. общество по борьбе с алкоголизмом потеряло статус всероссийского, а Всесоюзный совет противоалкогольных обществ и вовсе был распущен [10, с. 412].

Список источников и литературы

1. Безгин, В. Б. (2001). *Пьянство и трезвость в жизни русской деревни (80-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в.)* // Вестник Тамбовского государственного технического университета. № 1. С. 142-153.
2. Воронов, Д. Н. (1930). *Алкоголь в современном быту*. Москва; Ленинград: Гос. изд-во. 132 с.
3. *Голос народа*. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. Отв. ред. А. К. Соколов. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 328 с.
4. Положения о производстве спирта и спиртных напитков и торговле ими // *Законы и правила о внутренней торговле* / Сост. К. Граве и П. Эйбушитц. 2-е изд., доп. и испр. Москва: Изд-во Наркомторга СССР, 1926. 494 с.
5. Гурко, В. И. (2000). *Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника*. Москва: Новое лит. обозрение. 808 с.

6. Дейчман, Э. И. (1929). *Алкоголизм и борьба с ним*. Москва: О-во борьбы с алкоголизмом; Ленинград: Московский рабочий. 224 с.
7. Приказ Военно-революционного комитета 28 ноября 1917 года // *Документы великой пролетарской революции*. Том 1. Из протоколов и переписки Военно-революционного комитета Петроградского совета. Москва: ОГИЗ, 1938. 313 с.
8. *Крестьяне о советской власти* / Сост. Я. Селих, И. Гриневский; предисл. М. Горького. Москва–Ленинград: Государственное издательство, 1929. 302 с.
9. *Крестьянские истории: российская деревня 20-х годов в письмах и документах* / Сост. С. С. Крюкова. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 232 с.
10. Курукин, И. В., Никулина, Е. А. (2007). *Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина*. Москва: Молодая гвардия. 518 с.
11. Литвак, К. Б. (1992). *Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов* // *Отечественная история*. № 4. С. 74-88.
12. Павлюченков, С. А. (1997). *Веселие Руси: революция и самогон* // *Революция и человек*. Быт, нравы, поведение, мораль. Москва: ИРИ. С. 124-142.
13. Павлюченков, С. А. (1997). *Ильич в запое: О производстве и потреблении самогона в послереволюционные годы* // *Родина*. № 11. С. 23-27.
14. *Письма во власть. 1917-1927: заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям*. Сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 664 с.
15. *Письма смоленских крестьян в редакцию «Крестьянской газеты»: материалы по социальной истории провинции середины 1920-х годов* / Сост. М. В. Каиль, О. В. Кобец; под ред. Е. В. Кодина. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2011. 56 с.
16. *Постановление Совета Народных Комиссаров. О воспрещении на территории РСФСР. изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ* // *Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г.* Москва: Управление делами Совнаркома СССР, 1943. С. 2-4.
17. *Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918-1939. Документы и материалы: В 4-х т. Т. 2. 1923–1929*. Под ред. А. Береловича, В. Данилова. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 1168 с.
18. Сталин, И. В. *Беседа с иностранными рабочими делегациями 5 ноября 1927 года* // Он же. *Сочинения*. Т. 10. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 206-238.
19. Шекшеев, А. П. (2016). *Самогоноварение, потребление алкоголя и борьба с ними в енисейской деревне (1917-1930 гг.): Ч. 1* // *Известия лаборатории древних технологий*. № 3. С. 119-134.
20. Ярославский, Е. М. (1926). *Можно ли пьянствовать коммунистам?* // *Спутник агитатора (для города)*. № 6. С. 28-36.
21. Ярославский, Е. М. (1926). *Мораль и быт пролетариата в переходный период*. Ленинград: Прибой. 74 с.

References

1. Bezgin, V. B. (2001). *P'yanstvo i trezvost' v zhizni russkoy derevni (80-e gg. XIX v. – 20-e gg. XX v.)* [Drunkness and sobriety in the life of the Russian village (the 80s of the XIX century – the 20s of the XX century)] in *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 1, 142-153. (in Russian).
2. Voronov, D. N. (1930). *Alkogol' v sovremennom bytu* [Alcohol in modern life]. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo Publ. (in Russian).

3. *Golos naroda* (1997). [The voice of the people]. Pis'ma i otkliki ryadovykh sovetskikh grazhdan o sobyitiyakh 1918–1932 gg. / Otv. red. A. K. Sokolov. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). (in Russian).

4. Polozheniya o proizvodstve spirta i spirtnykh napitkov i torgovle imi (1926) [Regulations on the production of alcohol and alcoholic beverages and their trade] in *Zakony i pravila o vnutrenney torgovle*, sost. K. Grave i P. Eybushitts, 2-e izd., dop. i ispr. Moscow, Izd-vo Narkomtorga SSSR. (in Russian).

5. Gurko, V. I. (2000). *Cherty i siluety proshlogo: pravitel'stvo i obshchestvennost' v tsarstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika* [Features and silhouettes of the past: the government and the public in the reign of Nicholas II in the image of a contemporary]. Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ. (in Russian).

6. Deychman, E. I. (1929). *Alkogolizm i bor'ba s nim* [Alcoholism and the fight against it]. Moscow, O-vo bor'by s alkogolizmom Publ., Leningrad, Moskovskiy rabochiy Publ. (in Russian).

7. Prikaz Voенно-revol'yutsionnogo komiteta 28 noyabrya 1917 goda (1938) [The order of the Military Revolutionary Committee on November 28, 1917] in *Dokumenty velikoy proletarskoy revolyutsii*. Tom 1. Iz protokolov i perepiski Voенно-revol'yutsionnogo komiteta Petrogradskogo soveta. Moscow, OGIZ Publ. (in Russian).

8. *Krest'yane o sovetskoy vlasti* (1929). [Peasants about Soviet power] / Sost. Ya. Selikh, I. Grinevskiy; predisl. M. Gor'kogo. Moscow–Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. (in Russian).

9. *Krest'yanskije istorii: rossiyskaya derevnya 20-kh godov v pis'makh i dokumentakh* (2001). [Peasant stories: the Russian village of the 20s in letters and documents] / Sost. S. S. Kryukova. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ. (in Russian).

10. Kurukin, I. V., Nikulina, E. A. (2007). *Povsednevnyaya zhizn' russkogo kabaka ot Ivana Groznogo do Borisa El'tsina* [The daily life of a Russian pub from Ivan the Terrible to Boris Yeltsin]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ. (in Russian).

11. Litvak, K. B. (1992). *Samogonovarenie i potreblenie alkogolya v rossiyskoy derevne 1920-kh godov* [Moonshine and alcohol consumption in a Russian village of the 1920s] in *Otechestvennaya istoriya*, 4, 74-88. (in Russian).

12. Pavlyuchenkov, S. A. (1997). *Veseliye Rusi: revolyutsiya i samogon* [The Joy of Russia: revolution and moonshine] in *Revol'yutsiya i chelovek. Byt, nrvy, povedenie, moral'*. Moscow, IRI Publ., 124-142. (in Russian).

13. Pavlyuchenkov, S. A. (1997). *Il'ich v zapoe: O proizvodstve i potreblenii samogona v poslerevol'yutsionnye gody* [Ilyich is on a binge: About the production and consumption of moonshine in the post-revolutionary years] in *Rodina*, 11, 23-27. (in Russian).

14. *Pis'ma vo vlast'. 1917–1927: zayavleniya, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennyye struktury i bol'shevistskim vozhdyam* (1998). [Letters to the authorities. 1917-1927: statements, complaints, denunciations, letters to state structures and Bolshevik leaders]. Sost. A. Ya. Livshin, I. B. Orlov. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ. (in Russian).

15. *Pis'ma smolenskikh krest'yan v redaktsiyu «Krest'yanskoy gazety»* (2011). [Letters of Smolensk peasants to the editorial office of the "Peasant Newspaper"]. *Materialy po sotsial'noy istorii provintsii serediny 1920-kh godov*. Sost. M. V. Kail', O. V. Kobets; red. E. V. Kodina. Smolensk, izd-vo SmolGU. (in Russian).

16. *Postanovlenie Soveta Narodnykh Komissarov. O vosreshchenii na territorii RSFSR. izgotovleniya i prodazhi spirta, krepkikh napitkov i ne otnosyashchikhsya k napitkam spirtosoderzhashchikh veshchestv* (1943). [Resolution of the Council of People's Commissars. On prohibition on the territory of the RSFSR. manufacture and sale of alcohol, strong drinks and alcohol-containing substances not related to beverages] in *Sobranie zakonov i rasporyazheniy pravitel'stva za 1920 g.* Moscow, Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR, 2-4. (in Russian).

17. *Sovetskaya derevnya glazami VChK–OGPU–NKVD. 1918–1939* (2000). [The Soviet village through the eyes of the CHEKA–OGPU–NKVD. 1918–1939]. *Dokumenty i materialy*, v 4-

kh t., t. 2. 1923–1929, red. A. Berelovicha, V. Danilova. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ. (in Russian).

18. Stalin, I. V. (1949). *Beseda s inostrannymi rabochimi delegatsiyami 5 noyabrya 1927 goda*. [Conversation with foreign workers' delegations on November 5, 1927] in Stalin, I. V. *Sochineniya*, t. 10. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 206-238. (in Russian).

19. Sheksheev, A. P. (2016). *Samogonovarenie, potreblenie alkogolya i bor'ba s nimi v eniseyskoy derevne (1917–1930 gg.): Ch. 1* [Moonshine, alcohol consumption and the fight against them in the Yenisei village (1917–1930): Part 1] in *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy*, 3, 119-134. (in Russian).

20. Jaroslavskij, E. M. (1926). *Mozhno li p'janstvovat' kommunistam?* [Is it possible for communists to get drunk?] in *Sputnik agitatora (dlja goroda)*, 6, 28-36. (in Russian).

21. Jaroslavskij, E. M. (1926). *Moral' i byt proletariata v perehodnyj period* [Morality and life of the proletariat in the transition period]. Leningrad, Priboj Publ. (in Russian).

**Мартынова Е. П.,
Яни Ж. Р.**
(Тула)

УДК 93

ЖИЗНЬ В СССР ГЛАЗАМИ АФРИКАНСКИХ СТУДЕНТОВ (1960-е – 1980-е ГОДЫ)

Актуальность статьи заключается в том, что вопрос об обучении и жизни африканских студентов в СССР остается малоизученным в историографии. Работа основывается на данных опроса, проведенного автором среди бывших африканских студентов, обучавшихся в СССР в период 1960-х – 1980-х гг. В период деколонизации на африканском континенте западными и африканскими СМИ распространялась односторонняя и негативная информация о Советском Союзе, в том числе и о жестоком обращении с некоторыми африканцами, которые были представителями первой волны обучающихся в СССР студентов. Тем не менее, поток желающих получить советское образование нарастал. Прожив в СССР несколько лет, африканские студенты познакомились с жизнью в советской стране. Сопоставление воспоминаний представителей разных поколений о советском образе жизни позволяет говорить о том, что их взгляд со стороны позволял замечать особенности советского быта и повседневной жизни. Доброжелательность со стороны преподавателей, общение с советскими студентами способствовали тому, что африканцы сформировали свои собственные представления об СССР, отличные от навязываемых СМИ. Несмотря на сильную идейную составляющую системы советского образования, африканские студенты не были заинтересованы в глубоком освоении теоретических основ марксистско-ленинского социализма. Однако, наши респонденты признались, что им нравилась советская социалистическая система, которая, к их сожалению, не была осуществима в Африке. В итоге их студенческая жизнь, проведенная в Советском Союзе, осталась одним из самых ярких воспоминаний в жизни.

Ключевые слова: СССР, Африка, африканские студенты, социализм, советский быт.

The relevance of the article lies in the fact that the question of the education and life of African students in the USSR remains little studied in historiography. The work is based on the information of a survey conducted by the author among former African students who studied in the USSR during the 1960s – 1980s. During the period of decolonization on the African continent, Western and African media spread one-sided negative information about the Soviet Union, including the ill-treatment of some Africans who were representatives of the first wave of students studying in the USSR. Nevertheless, the flow of those wishing to receive a Soviet education was growing. After living in the USSR for several years, African students got acquainted with life in the Soviet country. Comparing the memories of representatives of different generations about the Soviet way of life, suggests that their view from the outside allowed them to notice the peculiarities of Soviet life and everyday life. Goodwill of teachers, communication with Soviet students contributed to the fact that Africans formed their own ideas about the USSR, different from the imposed media. Despite the strong ideological component of the Soviet education system, African students were not interested in deeply assimilation the theoretical foundations of Marxist-Leninist socialism. However, our respondents admitted that they liked the Soviet socialist system, which, unfortunately, was not realizable in Africa. As a result, their student life spent in the Soviet Union remained one of the most vivid memories in their lives.

Keywords: USSR, Africa, African students, socialism, Soviet life.

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-31-2-38-45

Начиная с конца 1950-х гг., Советский Союз постоянно оказывал африканским странам военную и экономическую помощь. Несмотря на это, в африканских странах преобладали негативные стереотипы о нем. Особенно сильны они были среди африканцев, никогда не посещавших СССР. В связи с этим интересен вопрос о том, как воспринимали СССР и, в частности, повседневную советскую действительность, африканцы, которые провели в стране несколько лет во время обучения. Актуальность статьи заключается в том, что существует много исследований об адаптации африканских студентов в России [3; 4; 6] и гораздо меньше о жизни африканских студентов в СССР [1; 5]. Цель настоящей работы заключается в попытке понять особенности восприятия африканскими студентами различных сторон советской жизни в период 1960-х – 1980-х гг.

Для проведения исследования мы использовали различные источники информации. Во-первых, с августа 2018 г. по ноябрь 2020 г. проводился опрос бывших студентов, обучавшихся в СССР в 1960 – 1980-е гг., через электронную почту (для уточнения сведений использовали видеоконференцсвязь). Среди наших респондентов были франкоговорящие (Кот-д'Ивуар, Буркина-Фасо, Мали, Гвинея Конакри, Камерун и Демократическая Республика Конго), англоговорящие (Гана, Нигерия, Танзания, Уганда, ЮАР), португалоговорящие (Ангола, Гвинея-Бисау и Кабо-Верде), арабоговорящие (Египет, Ливия, Тунис и Алжир). Всего было опрошено 50 человек, в том числе 15 женщин и 35 мужчин в возрасте от 65 до 80 лет. Было довольно сложно найти информантов из разных стран, но благодаря Интернету и социальным сетям мы смогли преодолеть это препятствие. Следует также отметить заинтересованность информаторов и их интерес к опросу. Отметим, что все наши респонденты учились в Москве, в Университете дружбы народов, поэтому их представления о Советском Союзе формировались на основе социально-экономических и культурных реалий города Москва. Итак, в ходе проведенного исследования задавались следующие вопросы:

- *Почему долгое время СССР не был известен многим африканцам?*
- *Что вы можете рассказать о Вашем студенческом пребывании в СССР?*

После завершения учебы в СССР и возвращения на родину бывшим африканским студентам было трудно делиться информацией и впечатлениями о советской стране со своими земляками, которые оставались все это время в Африке. Дело в том, что во многих независимых африканских государствах (в частности, франкоязычных и англоязычных) в конце 1940 – 1950-е гг. СМИ были ретрансляторами антисоветской пропаганды западноевропейских и американских изданий, да и «свои», африканские, газеты контролировались странами-колонизаторами. В качестве примера можно назвать такие как US News & World Report, Rhodesia Herald, Ashanti Pioneer, African Daily News и The New York Times [7; 8; 9; 10; 13]. В газетах US News & World Report и Ashanti Pioneer сообщалось, что африканские студенты, проживающие в СССР, якобы жалуются на предвзятое отношение к ним из-за цвета кожи, что их арестовывают прямо на улицах советские милиционеры, что часто обыскивают комнаты в общежитиях, где они проживают. Показательным может быть описание в одной из таких газет случая ареста студента из Сьерра-Леоне после посещения им квартиры своей советской подруги: его вызвали в отделение милиции по звонку соседей, где он подвергся жестокому и унижительному допросу. В газетах The New York Times и African Daily News рассказывалось о похожих инцидентах с африканцами. В частности, случай с нигерийцем Оконкво, который без его согласия был сфотографирован советским фотографом, а фото было опубликовано в советской газете «Новое время» [11, pp. 47]. Также писалось о происшествии с малийцем, который был избит на улице и оставлен без помощи. Газеты сообщали, что такие случаи расовой дискриминации вынуждали африканских студентов обращаться к своим правительствам с просьбами о помощи, покидать Советский Союз и уезжать на Запад для продолжения обучения в достойных условиях.

Жители Африки не имели официальных источников информации о событиях и жизни в СССР, а рассказы обучавшихся там африканских студентов не были широко известны. Поэтому, несмотря на то, что Советский Союз оказывал африканским странам военную и экономическую помощь, у многих африканцев сформировались негативные стереотипы об этой

стране. Так, были распространены представления о СССР как расистском, экономически нестабильном, недемократическом государстве. Показательным в этом плане является случай с обучающимся в Советском союзе угандийским студентом Стэнли Окулло. В июне 1960 г. он был выслан из страны, поскольку был одним из авторов протестного письма советскому лидеру Н. С. Хрущеву, в котором сообщалось о том, что африканские студенты в Советском Союзе подвергались словесным и физическим оскорблениям. Инцидент привлек внимание западной прессы. На следующий день после прилета из Москвы в Лондон Стэнли Окулло дал интервью газете Daily Express, в котором осудил расизм и раскритиковал идеологический надзор в советских университетах [5, с. 90]. Daily Express напечатала интервью без согласования с советской стороной. Информация быстро распространилась в африканских странах. Наша респондентка из Ганы сообщила об этом: «Когда новости о Стэнли Окулло дошли до моих родителей в Гане, они велели мне вернуться, но я отказалась». Еще один респондент из Сенегала сказал: «Когда я сообщил своим близким, что получил стипендию на обучение в СССР, они высказали недоумение вопросом о том, что я собираюсь делать в такой холодной и расистской стране?» Далее он добавил: «Но я помню, как долго размышлял, прежде чем принять стипендию. Я боялся холода и языкового барьера. С другой стороны, я знал, что после предоставления Советским Союзом стипендий сенегальским студентам некоторые из них уже вернулись домой и были приняты на государственную службу в Сенегале, поэтому я решил поехать учиться». Приведем воспоминание нашего бенинского респондента: «Я помню, что в 1963 г. мой преподаватель по биологии предложил мне советскую стипендию (поехать учиться в СССР), потому что он меня ценил. Педагог рассказал мне о преимуществе учебы и высказал надежду, что я не откажусь, как это до меня делали другие под предлогом, что они не хотят уезжать в такую опасную страну. Под влиянием негативных суждений об СССР, которые до меня доходили, я отказался, решив дождаться французской или американской стипендии. Однако, по настоянию профессора, я решился принять стипендию и поехать учиться в СССР».

Приведенные примеры показывают, что отсутствие информации о Советском Союзе, антисоветская пропаганда западных СМИ способствовали распространению на африканском континенте односторонней негативной информации о СССР. Поэтому, отправляясь на обучение, студенты имели очень мало информации о том месте, куда они едут. Обратим внимание на то, что эти молодые люди ничего не знали о коммунистической теории, поскольку в африканских странах они имели возможность познакомиться с либерализмом и европейским социализмом, но не с советской моделью социализма и идеологией марксизма. Женщина из Египта поделилась мнением: «Насколько я знала, что социализм и коммунизм – это просто определения, выученные в школе. Коммунизм и советский социализм – идеологические течения, борющиеся за равенство социальных классов».

СССР как страна, где официально строится коммунизм, породила много опасений даже в образованных африканских кругах. Об этом свидетельствует изъятие в июне 1961 г. руководством лица Террассона Бамако брошюры, осуждающей условия обучения в СССР [14, р. 339]. Как заметила малийка: «В 1960-е г. информационные каналы передали нам, что в СССР обучаются только люди, мятежные к системе, и что следует избегать того, чтобы женщины там учились». По отношению к СССР были предубеждения, он считался «страной атеизма, женского распутства, совместного имущества, женщин и детей» [14, р. 339]. Еще раз подчеркнем, что неосведомленность африканцев о реалиях жизни в СССР объяснялась отсутствием советских каналов информации в Африке и негативной пропагандой западных и американских СМИ.

Далее рассмотрим вопрос о том, как у африканских студентов изменялись представления и оценки об СССР в годы учебы. Среди ответов наших респондентов мы смогли выделить мнения о советской системе образования. Так, почти все обратили внимание на то, что в 1960 – 1980-е гг. в СССР существовало только государственное образование. Оно финансировалось из бюджета и было бесплатным. Все граждане советской страны имели равные возможности для получения образования. Респондентка из Алжира высоко оценила его:

«Система высшего образования в Советском Союзе представляла собой комплекс высших учебных заведений, которые выпускали профессионалов, молодых и перспективных специалистов, которые были полностью готовых к работе по полученной специальности». Многие респонденты отметили, что их странам нужна была подобная система образования для того, чтобы обеспечить повышение уровня социально-экономического развития после обретения независимости.

Наши респонденты сохранили положительные воспоминания о студенческих годах в СССР. Приведем один из типичных ответов франкоговорящих респондентов: «Обучение в УДН, носящем имя африканского героя Патриса Лумумбы, мы расценивали как особый знак внимания со стороны СССР по отношению к Конго и Африке в целом. Мы понимали, что СССР – надежный партнёр Африки». Необходимо учитывать, что большинство африканских студентов, отправлявшихся учиться в СССР, были включены в общественно-политическую жизнь своих стран, активно участвовали в деколонизации, в гражданских войнах. В годы учебы в Советском Союзе они внимательно следили за политическими событиями, происходящими в их родных странах. Наши собеседники отмечали, что СССР играл важную роль в формировании их революционного характера.

Бывшие студенты помнят особенности учебного процесса в СССР. Сначала студенты зачислялись на подготовительный факультет на один год (иногда два), в течение которого изучали русский язык и курсы, связанные с их будущей специализацией. После этого они поступали на выбранные ими факультеты, где учились пять лет (на аналогичных факультетах в странах Запада обучение длилось четыре года). На последнем, пятом курсе, проходили производственную практику и писали дипломную работу. После окончания вуза получали диплом специалиста. Особенно теплые воспоминания бывшие студенты сохранили о преподавателях. Вспоминали, что те часто заходили в общежития к студентам, интересовались проблемами, предлагали помощь в освоении материала. В общежитиях африканцы проживали совместно с советскими студентами, это расширяло языковую практику. Ганский инженер вспоминает: «Иностранцы жили по два или три человека в комнате. Администрация заботилась о том, чтобы в трехместных комнатах всегда был русский студент. Тогда все говорили только по-русски». Кроме помощи в освоении русского языка, советские студенты помогли в учебе и в адаптации к общественной жизни. Африканцы ежемесячно получали стипендию в размере 50 руб. или 90 руб. Эта сумма, по их словам, была большой и позволяла откладывать деньги, учитывая, что их обеспечивали одеждой.

Студенты изучали такие курсы, как «История КПСС», «Научный коммунизм», «Политическая экономия», «Научный атеизм» [12, р. 269]. В связи с этим, наши респонденты указали на идеологическую сторону советского образования. Они считают, что их готовили как будущих коммунистических лидеров. У многих курс научного атеизма вызывал отрицательные эмоции, поскольку противоречил их религиозным убеждениям.

Вспоминая жизнь в СССР, наши респонденты отмечали, что советские люди проявляли любопытство по отношению к чернокожим африканцам. Анголец вспомнил: «По выходным дням я часто ездил с моим русским другом в деревню к его бабушке. Там жители были удивлены, впервые увидев меня. Чтобы убедиться, что я человек, они прикасались к моей коже, чтобы узнать, окрашена она или нет». Другие респонденты отмечали проявление дискриминации по отношению к себе за пределами институтов или университетов. Гвинейцы написали: «Нам было небезопасно появляться в парках, так как нас называли “неграми”, обезьянами и т.д. Девушки в клубах отказались с нами танцевать под предлогом того, что им запрещено общаться с африканцами».

Африканские студенты учились в СССР в тот период, когда советская страна была вовлечена в строительство социализма и коммунизма. Наши респонденты не различают эти понятия. Для них это два одинаковых идеологических течения, характерные для советского народа. Наша респондентка из Египта написала: «Коммунизм и социализм нужны для того, чтобы улучшить условия жизни всех советских граждан без исключения. Они обеспечивали равенство, достоинство и уважение без различия пола или социального положения».

Мы задавали вопросы о системе социального обеспечения, безработице, социальном равенстве. Почти все респонденты указали, что в Советском Союзе были бесплатное образование и бесплатная медицина для всех без исключения. Также все помнили о том, что не существовало проблемы безработицы. Многие отметили, что в СССР крайне негативно относились к безработице и безработным в целом. Безработица считалась пережитком капиталистического общества, и ни в коей мере не должна присутствовать в светлом коммунистическом будущем советского человека [2, р. 54]. Бывшие африканские студенты говорили о том, что в Советском Союзе был широкий выбор профессий, можно было выбрать, куда можешь пойти трудиться, при этом не требовался минимальный рабочий стаж или опыт. Главным считалось желание трудиться. Африканские респонденты отмечали, что СССР был хорошим примером равенства между мужчинами и женщинами. Там можно было встретить женщин, занимающих высокие должности на тех же основаниях, что и мужчины. Были женщины-профессора, женщины-политики и т.д.

Наши африканские респонденты обучались в Советском Союзе в разные исторические периоды. Мы попросили их вспомнить об особенностях советского быта того времени, когда они проживали в стране. Оказалось, что по ответам, можно судить о различиях в быту по периодам правления разных советских лидеров. Самые старшие респонденты учились в Советском Союзе в «хрущевский» период (конец 1950-х – начало 1960-х гг.). Они замечали серьезные перемены в жизни страны. В частности, многие отметили масштабный проект по строительству малогабаритного жилья, призванный решить жилищную проблему, вспомнили о строительстве школ, детских садов, поликлиник, центров бытовых услуг и развлечения. Как сказал египтянин: «В первой половине 1960-х гг. города, в которых мне пришлось побывать в России, практически все находились в стадии реконструкции или строительства, что улучшало условия жизни населения и создавало новый облик страны».

В то же время наши респонденты замечали дефицит продуктов, многих потребительских товаров в СССР. Не оставалось незамеченным и то, что качество советских товаров, относящихся к легкой промышленности, значительно уступало импортной продукции, спрос на которую постоянно рос среди населения. Об этом сказал камерунец: «В тот период с раннего утра можно было видеть перед магазинами длинные очереди, тянувшиеся более чем на 100 метров. Замечали мы ссоры покупателей, которые нередко переходили в драки».

Африканские студенты были осведомлены о том, что в то время иметь машину считалось символом богатства и благополучия. Замечали они и то, что советский канон моды в основном базировался на двух понятиях: «просто» и «скромно». Хотя под начавшемся влиянием западной моды, молодежь нередко одевалась остромерно и в вызывающем стиле. Любимым досугом советских людей было кино. Наши респонденты вспомнили и о том, что в СССР люди много читали и любили ходить в парк. В начале 1960-х г. в стране появились молодежные кафе, где можно было послушать музыку, потанцевать, а в некоторых и посмотреть картины молодых художников.

Следующее поколение наших респондентов, обучавшихся в Советском Союзе в «брежневскую эпоху» (вторая половина 1960 – 1970-е гг.), описало несколько иную картину жизни в СССР. Тогда в крупных городах строились высокие 16-ти этажные дома, которые заметно отличались от хрущевских пятиэтажек. Темпы строительства школ, детских садов, центров бытовых услуг, кинотеатров, не сокращались. Появились большие универсальные магазины. Но в них, по словам наших респондентов, не всегда можно было купить мясо, молоко, фрукты. В то время для советских граждан иметь автомобиль, телевизор (черно-белый) и бытовую технику уже не считалось знаком богатства, так как эти вещи были доступны многим. Как подчеркнул ивуарийский выпускник с кафедры экономики УДН: «При Брежневской покупательная способность населения была выше, чем при Хрущеве». Другие наши респонденты заметили, что на улицах довольно часто можно было встретить пьяных мужчин, что было небезопасно для иностранцев. Респонденты из Туниса отметили, что советская мода все более вестернизировалась, т.к. налаживались торговые связи с Западом. Молодые женщины использовали косметику, носили короткие юбки и брюки, а молодые мужчины пе-

реняли английский стиль «под Элвиса Пресли». В советском обществе стали популярными рок-н-ролл, джаз. Самой распространенной формой досуга в выходные дни стали поездки на дачу с семьей, особенно летом.

Африканские студенты, обучавшиеся в СССР в 1980-е гг., отмечали, что тогда появилась новая политическая концепция – перестройка и гласность. Население надеялось на лучшее будущее, а в итоге было разочаровано, т.к. в стране сильно осложнилась продовольственная ситуация. Африканцы говорили, что в Советском Союзе был дефицит многих продуктов питания, в универсамах и перед продуктовыми магазинами выстраивались бесконечные очереди. Многим запомнились длинные очереди перед алкогольными магазинами. В то же время во многом советский образ жизни сблизился с западным. В те годы были широко распространены цветные телевизоры. Молодежь стала ходить в ночные клубы. Американская музыка пользовалась огромной популярностью, появился советский рок.

Африканцы, обучавшиеся в СССР, долгое время помнили советские нормы повседневной жизни и даже следовали им после возвращения на родину. Можно назвать производственную гимнастику, сбор макулатуры и стеклотары, полиэтиленовые пакеты, шампанское на Новый год, употребление водки и т.д. О таких традициях упомянул респондент из Анголы: «Во время учебы в СССР я почти три года прожил в семье моей подруги. Там я узнал о том, что было распространено собирать макулатуру и стеклотару. В СССР было не принято складывать мусор в один бак. Раз в три-четыре месяца заходили школьники, чтобы забрать заранее приготовленную стопку ненужной бумаги. На деньги, полученные в пункте приёма, покупался пломбир или газировка. Пустые бутылки сдавались за деньги, обычно этим занимался глава семьи. Вернувшись в Анголу с женой и сыном, я применил эту советскую традицию. На нашей улице соседи стали собирать бумагу. Мы всегда сохранили свое место жительства в чистоте».

Наши респонденты с горечью упоминали о проблемах своего проживания в СССР. Прежде всего, их волновал расизм, с которым приходилось сталкиваться многим. Поэтому африканские студенты создавали организации, целью которых была защита прав и разоблачение случаев расового насилия. Такие организации были основаны в 1960-1961 гг. в Москве и Киеве студентами из нескольких стран Африки к югу от Сахары, которые в подавляющем большинстве обучались на подготовительных факультетах МГУ и КГУ [5, с. 90].

К сожалению, выпускники советских вузов сталкивались с проблемами на родине. Специалистам-гуманитариям было очень трудно получить работу в родной стране. Наш респондент из Кот Дивуара сказал: «Проведя одиннадцать лет в СССР, получив звание доктора исторических наук, я не мог получить должность профессора в университете. Власти попросили меня отправиться во Францию, если я хочу преподавать в университете. Поэтому я был вынужден повторно получить докторскую степень во Франции, это в итоге отрицательно сказалось на моей профессиональной карьере, потому что я был уже в зрелом возрасте и поздно поступил на государственную службу. Вскоре пришлось выйти на пенсию». Подобное отметил и малийский журналист: «Мы подверглись остракизму на родине. Когда я говорил, что я учился на журналиста в СССР, многие обвиняли меня в том, что я поддался пропаганде коммунистов! Я помню, как непросто мне было в первый год работы на радио в редакции ORTM. Нас было трое, вернувшихся из Москвы, двое других вернулись из Канады и Германии, а один из Сенегала. Приоритет всегда отдавался другим. Нам абсолютно ничего не поручали, никаких задач, потому что в то время считалось, что журналистика в СССР – это не журналистика как таковая, а только коммунистическая пропаганда. Главный редактор даже просил моего дедушку, чтобы меня отправили во Францию для завершения журналистского обучения. Он считал, что в СССР меня не учили журналистике. В конце концов, нам пришлось доказывать на что мы способны».

По словам наших респондентов, после возвращения в родные страны многие молодые люди сохраняли революционный дух. Они верили в преимущества социалистической системы и были сторонниками распространения идей социальной справедливости на афри-

канском континенте. Некоторые вернулись на родину с убеждением, что хороший правитель – это тот, кто заботится о благополучии своего народа.

Таким образом, в период деколонизации на африканском континенте западными и африканскими СМИ распространялась односторонняя и негативная информация о Советском Союзе, в том числе и о жестоком обращении с некоторыми африканцами, которые были представителями первой волны обучающихся в СССР студентов. Тем не менее, поток желающих получить советское образование нарастал. Прожив в СССР несколько лет, африканские студенты близко познакомились с жизнью в советской стране. Сопоставление воспоминаний представителей разных поколений о советском образе жизни свидетельствует о том, что они хорошо замечали многие особенности советского быта и повседневной жизни. Несмотря на сильную идейную составляющую системы советского образования африканские студенты не были заинтересованы в глубоком освоении теоретических основ марксистско-ленинского учения. Их отношение к таким предметам было во многом формальным. Доброжелательность со стороны преподавателей, общение с советскими студентами способствовали тому, что африканцы сформировали свои собственные представления об СССР, отличные от навязываемых в их странах СМИ. Некоторые наши респонденты признались, что им нравилась советская социалистическая система, которая, к их сожалению, не была осуществима в Африке. В итоге их студенческие годы, проведенные в Советском Союзе, остались одним из самых ярких воспоминаний в жизни.

Список источников и литературы

1. Андросова, Д. Н. (2012). *Из истории обучения африканских студентов в СССР (конец 1950 – первая половина 1960-х годов)* // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. № 4 (84). С. 193-200.
2. Жилина, Л. Н., Фролова, Н. Т. (1969). *Проблемы потребления и воспитание личности*. Москва: Мысль. 175 с.
3. Камара, И., Ракачев, В. Н. (2018). *Африканские студенты в России: особенности социальной адаптации и взаимоотношения с принимающим обществом* // Южно-российский журнал социальных наук. Т. 19. № 4. С. 164-179.
4. Кхондива, Д. (2021). *Глубокое синее море. Рассказы о жизни африканского студента в России*. Тюмень: ТИУ. 45 с.
5. Мазов, С. В. (1999). *Африканские студенты в Москве в Год Африки (по архивным материалам)* // Восток. № 3. С. 89-103.
6. Япи, Ж. (2021). *Тула и Туляки в начале XXI в. в восприятии африканских студентов и аспирантов* // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. Выпуск № 1 (5). С. 46-53.
7. *A Negro's Life in Russia - Beatings, Insults, Segregation* // US News & World Report. 01.08.1960. Pp. 59-60.
8. *African Students Claim They Were Beaten By Reds* // Rhodesia Herald. 19.10.1960.
9. *An African's Experience in Moscow* // Ashanti Pioneer. 09.08.1960.
10. *For Nigerian student Afolabi Afilaka's refutation of Okonkwo* // The New York Times. October 30, 1960.
11. Hessler, J. (2006). *Death of an African Student in Moscow* // Cahiers du monde russe. № 47 (1-2). Pp. 33-63.
12. Katsakioris, C. (2017). *Creating a Socialist Intelligentsia: Soviet Educational Aid and its Impact on Africa (1960-1991)* // Cahiers d'études africaines. № 226. Pp. 259-288.
13. Okonkwo, T., Amar, A. R., Ayih, M. *Open letter to African governments* // African Daily News. October. 4, 5, and 6, 1960.
14. Smirnova, T., Rillon, O. (2017). *Quand des Maliennes regardaient vers l'URSS (1961-1991): Enjeux d'une coopération éducative au féminin* // Cahiers d'études africaines. № 226. P. 331-354.

References

1. Androsova, D. N. (2012). *Iz istorii obuchenija afrikanskih studentov v SSSR (konec 1950 - pervaja polovina 1960-h godov)* [From the history of teaching African students in the USSR (late 1950 - first half of the 1960s)] in Vestnik RGGU. Serija: Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija, 4 (84), 193-200. (in Russian).
2. Zhilina, L. N., Frolova, N. T. (1969). *Problemy potreblenija i vospitanie lichnosti* [Problems of consumption and personal education]. Moscow, Mysl' Publ. (in Russian).
3. Kamara, I., Rakachev, V. N. (2018). *Afrikanskie studenty v Rossii: osobennosti social'noj adaptacii i vzaimootnoshenija s primumajushhim obshhestvom* [African students in Russia: features of social adaptation and relationships with the host society] in Juzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk, 19, 4, 164-179. (in Russian).
4. Khondiva, D. (2021). *Glubokoe sinee more. Rasskazy o zhizni afrikanskogo studenta v Rossii* [Deep blue sea. Stories about the life of an African student in Russia]. Tjumen', TIU Publ. (in Russian).
5. Mazov, S. V. (1999). *Afrikanskie studenty v Moskve v God Afriki (po arhivnym materialam)* [African students in Moscow in the Year of Africa (based on archival materials)] in Vostok, 3, 89-103. (in Russian).
6. Japi, Zh. (2021). *Tula i Tuljaki v nachale XXI v. v vospriyatijah afrikanskih studentov i aspirantov* [Tula and Tulyaki at the beginning of the XXI century in the perceptions of African students and postgraduates] in Tul'skij nauchnyj vestnik. Serija Istorija. Jazykovanje, 1 (5), 46-53. (in Russian).

АРХЕОЛОГИЯ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ**Лапина З. С.**

(Хабаровск)

УДК 930.126 (571.26)

**АРХЕОЛОГИЯ НИЗОВЬЕВ РЕКИ АМУР:
К ИЗУЧЕНИЮ СУКПАЙСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ
СРЕДИ ПЕТРОГЛИФОВ АМУРА И УССУРИ**

Среди сотен археологических памятников территории низовьев амурского бассейна особое место принадлежит камням и скалам с древними рисунками. Наскальное искусство Нижнего Приамурья изучается с шестидесятых годов XIX века. Среди первооткрывателей и исследователей имена отечественных краеведов и учёных Р. К. Маака, П. Ветлицына, Н. Альфтана, А. М. Золотарёва, В. К. Арсеньева, и зарубежных антропологов Б. Лауфера и Г. Фоука. Системные академические научные исследования памятников петроглифов были проведены лишь через 100 лет, в шестидесятые годы XX века, советскими археологами. Научно-исследовательская источниковая база (топография, описание, калькирование, научная интерпретация и публикация материалов) подготовлена отрядом сотрудников Дальневосточной археологической экспедиции Института археологии и этнографии Сибирского отделения АН СССР под руководством А. П. Окладникова. Писаница на реке Сукпай в бассейне реки Уссури относится к числу новых памятников наскального искусства региона, она была открыта в 1980-х годах археологом В. И. Дьяковым, сотрудником Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН. В статье предлагается опыт исследования стилистического разнообразия памятников наскального искусства Нижнего Амура, а именно, рисунков Сукпайской писаницы, что предопределяет ее актуальность. Новизна исследования обусловлена тем, что в статье выделяются признаки сукпайского художественного стиля, масштабы его распространения среди петроглифов региона и сопредельных территорий. Для написания работы была использована широкая совокупность методов исследования, в том числе, метод анализа научной литературы, источниками выступили научные труды по теме исследования. Результат исследований: а) выделены отличительные черты стиля сюжетов на скале реки Сукпай; б) прослежены аналогичные изображения на камнях и скалах памятника Сикачи-Алян – Малышево; в) обосновано выделение сукпайского художественного стиля среди петроглифов Нижнего Амура; г) прослежено сходство рисунков сукпайского стиля с сюжетами шаманского тематического направления памятников наскального искусства сопредельных территорий Восточной Сибири, Якутии, Верхнего и Среднего Приамурья, Забайкалья.

Ключевые слова: археология, Приамурье, Кия, Уссури, Сукпай, наскальное искусство, сукпайский стиль петроглифов, шаманская культура, рогатые человечки.

Among the hundreds of archaeological sites in the lower reaches of the Amur basin, a special place belongs to the stones and rocks with ancient drawings. The rock art of the Lower Amur region has been studied since the sixties of the nineteenth century. Among the discoverers and researchers are the names of local historians and scientists. Systematic academic scientific research of petroglyphs monuments was carried out only 100 years later, in the sixties of the twentieth century, by Soviet archaeologists. The research source base (topography, description, tracing, scientific interpretation and publication of materials) was prepared by a team of employees of the Far Eastern Archaeological Expedition of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences under the leadership of A. P. Okladnikov. Pisanitsa on the Sukpai River in the Ussuri River basin is one of the new sites of rock art in the region, it was

discovered in the 1980s by archaeologist V. I. Dyakov, an employee of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. The article offers the experience of studying the stylistic diversity of the Lower Amur rock art monuments, namely, the drawings of the Sukpai petroglyph, which predetermines its relevance. The novelty of the study is due to the fact that the article highlights the signs of the Sukpai artistic style, the extent of its distribution among the petroglyphs of the region and adjacent territories. To write the work, a wide range of research methods was used, including the method of analyzing scientific literature, the sources were scientific papers on the topic of the study. The result of the research: a) the distinctive features of the style of plots on the rock of the Sukpai River are highlighted; b) similar images were traced on the stones and rocks of the Sikachi-Alyan-Malyshevo site; c) substantiation of the identification of the Sukpai artistic style among the petroglyphs of the Lower Amur; d) the similarity of the drawings of the sukpai style with the plots of the shamanic thematic direction of the rock art monuments of the adjacent territories of Eastern Siberia, Yakutia, the Upper and Middle Amur Region, and Transbaikalia was traced.

Keywords: archeology, Priamurye, Kiya, Ussuri, Sukpai, rock art, Sukpai style of petroglyphs, shamanic culture, horned men

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-31-2-47-55

Характерные черты изобразительного стиля петроглифов на отдельных памятниках позволяют поставить и решить вопросы их типологизации внутри комплекса петроглифов региона, проследить наличие сходных артефактов сопредельных районов, создать концепцию представлений о символическом содержании сюжетов рисунков, приблизиться к осмыслению общего процесса развития наскального искусства изучаемой территории. Объектом исследований автора является первобытное искусство низовьев Амура, предметом данной статьи является изучение стилистического разнообразия наскального искусства памятников Хабаровского края. Цель настоящей статьи выделить характерные художественные черты сюжетов на скале р. Сукпай, проследить сходные черты на других памятниках бассейна Усури и Амура, обосновать сукпайский стиль в наскальном искусстве нижнеамурского региона, а также вписать его в круг аналогичных по стилю памятников сопредельных территорий. Методы исследования: выделение характерных особенностей изображений на конкретном памятнике; сравнительный анализ с изображениями на других петроглифах региона; выделение общего тематического повествования в сюжетах и поиск аналогичной тематики петроглифов Дальнего Востока, Забайкалья и Сибири.

История изучения темы. Памятник Сукпайская писаница обнаружен в конце 70-х годов XX века. Выполненные краской рисунки на скале по р. Сукпай (приток р. Хор бассейна р. Усури) открыты В. И. Дьяковым. Он связывал появление рисунков с тунгусскими племенами середины I тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э. [4, с.31]. В конце 90-х годов изучение писаницы продолжено А. М. Шиповаловым и А. В. Малявиным, они перепроверили расположение рисунков, состояние сохранности, измерили рисунки и провели полевую фотосъёмку изображений. А. М. Шиповалов опубликовал статью по итогам полевых работ: в ней дано подробное расположение с картами, описан каждый рисунок с размерами и фотографиями. Он заключил о культурном единстве всех изображений, уточнил откуда пришли носители стиля – это Алдано-Ленский бассейн и Прибайкалье, где развито крашеное наскальное искусство, в отличие от низовьев Амура. Он отмечал также сочетание стилизованных изображений (фигурки людей) и реалистических (кони и всадники), тематика рисунков связывается с шаманским культом, в отношении датирования писаниц сослался на первооткрывателя В. И. Дьякова [22, с. 199]. Предварительное описание рисунков писаницы на р. Сукпай и выделение отличительных признаков выполнено автором в статье «Опыт стилистической периодизации нижнеамурских петроглифов», эти представления помещены в монографию «Архаическая картина мира в семантическом содержании личин петроглифов Нижнего Амура» [7, с. 51; 8, с. 109].

Описание изображений на скале р. Сукпай. Стиль изображений является своеобразной визитной карточкой отдельного памятника или целого комплекса петроглифов. В толковом словаре термин «стиль» раскрывается как совокупность черт, близость выразительных художественных приёмов и средств, обуславливающих собой единство какого-либо направления в творчестве [10, с. 794]. Изучаемый объект – единый изобразительный комплекс с оригинальным стилем, который автором назван сукпайским [7, с. 52]. Его характерные черты заключаются в лаконизме и большой степени условности изображений. Рисунки исполнены в единой технике (сплошной росписи красной охрой) тремя ярусами: в первом ярусе лодка с 7 вертикальными полосками, всадник на лошади, антропоморф; во втором ярусе – также лодка с 8 вертикальными полосками, всадник на лошади, и два антропоморфа в рогатых головных уборах; в третьем ярусе – четыре антропоморфа: один с круглой головой, два в рогатых головных уборах и одна фигура с несохранившейся головой [22, с. 200]. Всего два всадника на конях, две лодки, семь антропоморфных персонажей. Люди обозначаются полосками с руками и ногами, отличительный признак – головной убор или его отсутствие, круглая голова. Важной особенностью памятника являются всадники. Кони показаны условно, с некоторыми узнаваемыми деталями (хвост, голова). Один конь изображён в движении, другой – в статичной позе. Оба длинноногие, с откинутыми пышными хвостами. Один всадник в виде стерженька, другой, в островерхом головной уборе, с разведёнными в сторону руками и поводьями в виде волнистой линии, которая тянется к шее коня. Второе средство передвижения – лодки двух типов: прямые и чуть изогнутые с конца. В них размещены пассажиры в виде коротких вертикальных полосок по 7 и 8 единиц в каждой. Лодки с ездоками в виде вертикальных полосок – широко распространённый в древнем наскальном искусстве сюжет «путешествия душ в мир предков». По материалам Северной Евразии эта тема изучалась А. И. Мартыновым, в 1956 году в Кемерово вышла его работа «Лодки в страну предков», материалы этих исследований включены в совместную с А. П. Окладниковым монографию по Томской писанице. Итак, сукпайская писаница обладает характерными чертами. 1. Ярусность изображений. Для авторов, оставивших рисунки, является привычным структурирование изобразительной плоскости на ярусы. 2. Особого рода стилизованные антропоморфы. 3. Всадники на конях. 4. Лодки с душами умерших, отправляющиеся в страну предков. 5. Сакральные персонажи в двурогих и островерхих головных уборах. 6. Композиции нанесены охрой на поверхность скалы, а не выбиты по камню.

Аналогичные по стилю и облику персонажей композиции известны ещё на двух памятниках. Они выделены автором среди петроглифов Сикачи-Алян – Малышево на камнях первого (№ 14), третьего (№ 84) и четвёртого (№№ 87, 88, 91) пунктов [7, с. 53]. Крашенный рисунок лодки, аналогичный Сукпаю, отмечен А. П. Окладниковым среди петроглифов реки Кия возле села Переяславка Лазовского района Хабаровского края. Он давно утрачен, описание и прорисовка киинской лодки в монографии – единственный источник об этом рисунке [13, с. 62].

Описание рисунков и композиций на памятнике Сикачи-Алян – Малышево.

Камень 14. Пункт первый петроглифов. На камне изображены только две лодки с вертикальными полосками. На большой лодке прямой конструкции 18 полосок – душ, на малой, выгнутой лодке – 7 полосок, но она не полностью сохранилась. Рисунки выбиты на пористой боковой поверхности базальтовой глыбы. Отличаются грубой манерой исполнения, что может быть связано с особенностями поверхности глыбы. Других изображений нет. Грубоватые, тяжёлые и неуклюжие лодки по типу сходны с сукпайскими.

Камень 84:3. Третий пункт петроглифов. Находится на скале ниже с. Малышево, «камнем» условно обозначена А. П. Окладниковым часть плоскости скалы, в настоящее время она утрачена [13, с. 43]. Два рисунка выделены под номером 3 (камень 84: 3), на таблице они показаны рисунком 1. Они резко отличаются от массива резных изображений на этой плоскости скалы, относящихся к более поздней эпохе. Два всадника на лошадях выполнены в технике лёгкого шлифования поверхности камня и протирания, местами очертания дополнены прочерчиванием. Антропоморфные фигурки показаны вертикальными полосками, одна

из них с вытянутой рукой-полоской. Кони в статичных позах, выполнены такими же полосками: горизонтальной (туловище), двумя длинными вертикальными (ноги), чуть вытянутыми (шея), и под углом к ним короткими полосками-головами. От сукпайских коней их отличает отсутствие хвостов и значительно большая степень условности.

Камень 87. Четвёртый пункт петроглифов. Наиболее показательны изображения на участке скалы с условным обозначением «камень 87». На вершине скалы расположено кладбище села Малышево. Они размещены тремя ярусами на одной изобразительной плоскости на высоте 3,5 м над уровнем воды и выдержаны в одном стиле. Высота, ярусность размещения и стиль сближает их с сукпайскими и с №14, и с № 83. Но они выполнены в технике неглубокой выбивки. Изображены человечки (6 ед.) в виде полосок, раздвоенных книзу, с двумя руками из прямых раскинутых, либо чуть опущенных полосок. Головы у всех разные: на верхних фигурках три изображения с круглой головой, из них две головы имеют фаллические очертания, четвёртая – в рогатом головном уборе: на нижних фигурках у одной в виде простого завершения палочки (тела), т.е. никак не выделена, у другой, маленькой фигурки, она чуть утолщена (см. табл.).

После компьютерной обработки прорисовок прояснилось содержание и смысл. В композиции верхнего яруса с четырьмя фигурками просматривается сакральное лицо в рогатом головном уборе и группа, в которой угадывается семья из трёх человек: муж – высокая фигурка с фаллическим завершением головы, жена с большой круглой головой, с выступами на туловище; маленькая фигурка с фаллической головой – вероятно, отпрыск мужского пола. Возле них рисунок треугольного паруса на древке, закреплённом в круглом основании; от древка горизонтально отходит полоска с завершением фаллического типа. Антропоморфная группа сверху и снизу ограничена двумя лодками. В верхней семь ездовых, в нижней – десять. Верхняя лодка с прямым корпусом, корма не обозначена, нос лодки высоко поднят и разветвлён четырьмя короткими выступами. Нижняя лодка с изогнутым корпусом и одинаково высокими кормой и носом. Нос раздвоен.

Средний ярус представлен лодкой с круто загнутым корпусом, в ней семь ездовых. По типу она напоминает единственную крашеную лодку, которая сохранилась среди выбитых рисунков петроглифов на р. Кия возле села Переяславки. Рядом с лодкой вертикальные полоски. Нижний ярус составляют два изображения лодок и две фигурки. Последние представляют, на наш взгляд, человека с изогнутым туловищем и заметно выпуклым животом (возможно, изображена беременная женщина). Эта фигура как бы подхватывает другую, маленькую, вероятно, ребёнка (см. табл.). На том же горизонтальном уровне выбиты две лодки с прямыми корпусами и чуть загнутыми носами, направленными в противоположные стороны. У одной лодки нос утолщён по типу фаллических знаков, сходен он и с фигурой на древке паруса среднего яруса. В ней семь ездовых. Нос самой нижней лодки поднят под углом и на конце развилка с концамилопатовидных очертаний. В ней восемь ездовых.

Камень 88. Четвёртый пункт петроглифов. Базальтовая глыба округлая, по форме близка караваю [13, с. 46]. Изображения выполнены пикетажем. Камень покрыт неоконтурными ямками, сгруппированными в три-четыре ямки и одиночными. Лишь на макушке и у основания глыбы нанесены контурные личины. Они представляют верхний и нижний ярусы изображений. Между ними, т. е. в среднем ярусе выбиты две лодки. Они одинаковы по типу корпуса (изогнутые с высокой кормой и не менее высоким носом), правая лодка крупная, левая – мелкая. В них размещены вертикальными полосками по восемь ездовых в каждой. Тип лодки и число ездовых соответствуют рисункам композиции сюжетов на реке Сукпай и лодки со скалы на р. Кия.

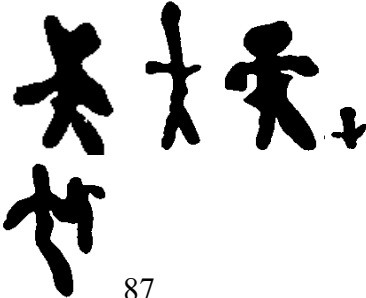
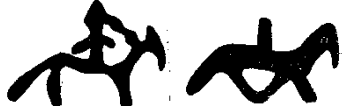

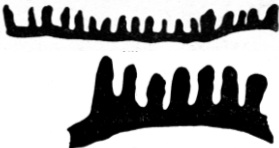

На камне 91 четвёртого пункта петроглифов [13, с. 47]. Это последний камень пункта 4, он был расположен в той части села Малышева, которая в настоящее время плотно застроена и камень найти не удаётся. Изображена композиция, состоящая из четырёх лодок, а также фигуры в виде двух вписанных окружностей с тремя короткими полосками (лучами) и фигуры в виде овала с точкой-ямкой. Рядом длинная полоса. Рисунки выполнены в технике выбивки. Две большие лодки с кормой в виде развилки, в них 7 и 8 ездовых – душ. Типоло-

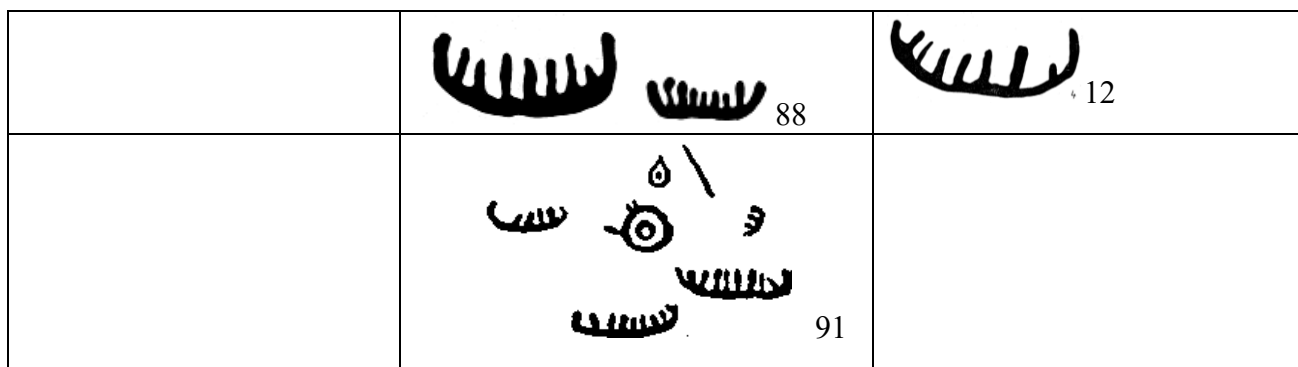
гически они близки лодкам на камне № 87. Третья лодка средних размеров, с изогнутым корпусом, носом и кормой, в ней четыре полоски-ездока. Самая маленькая лодка имеет чуть изогнутый корпус, высокую и утолщённую корму, тонкий загнутый нос, внутри два пассажира. Она расположена перпендикулярно крупной лодке, можно предполагать, что не лодка мала, а замысел таков: это эпизод мифа с погружением лодки в воду. Рисунки нанесены на разных плоскостях двумя ярусами. Верхний ярус занимает фигура типа солярного знака в виде двойной окружности с лучами. Нижний ярус заполнен горизонтально расположенными рисунками на разных плоскостях: это четыре лодки, знак утробы, полоса (возможно, шест или жезл). Нижний ярус изображений тяготеет к верхнему рисунку – солярному знаку, он – центр композиции. В этом варианте содержания композиции просматривается картина мира, в которой лодки с душами умерших движутся к солнцу и постепенно погружаются в мировой океан, в нижний мир. Не случайно здесь помещён знак утробы: за смертью и погружением в мир предков последует очищение и символическое возрождение. В рисунке заключена тема смерти и возрождения. Этот источник включён в группу рисунков сукпайского типа по сходству с лодками на камне № 87, где, в свою очередь, имеется главный стилистический признак – антропоморфы.

На наш взгляд, рисунки Сикачи-Аляна – Малышево, рисунок лодки на скале р. Кия и сюжеты Сукпайской писаницы обнаруживают общие стилистические черты, несмотря на различия в технике изготовления (крашенные, протёрто-шлифованные и выбитые). Совпадают антропоморфные персонажи (камень № 87), лодки (камни №№ 14, 87, 88, 91), сходны с сукпайскими и рисунки лошадей на камне № 84: 3. Поэтому они все отнесены к сукпайскому стилю. Ниже в таблице показаны отдельные рисунки и сюжет на камне № 91 с погружением погребальных лодок в мировой океан как в нижний мир.

Таблица

Сукпайский стиль на памятниках Амура и Уссури

Сукпай (крашенные)	Сикачи – Алян (камень №) (выбитые)	р. Кия (крашенный)
	 <p style="text-align: right;">87</p>	
	 <p style="text-align: right;">84</p>	
	 <p style="text-align: right;">14</p>	
	 <p style="text-align: right;">91</p>	

Обсуждение. Датирование изображений сукпайского стиля. Сложна и интересна проблема датирования изображений сукпайского типа. Техники нанесения рисунков (краской, выбивкой, шлифовкой и протиркой) могут свидетельствовать о неоднородной культурной принадлежности носителей данного стиля или о долгой истории его бытования. Рассмотрим, как он проявлен за пределами бассейнов нижнего Амура и Уссури. Антропоморфные поделки в виде столбиков появляются в мелкой пластике культур Сибири и Дальнего Востока в эпоху ранних металлов. Бронзовые или костяные антропоморфные фигурки-столбики или полоски с головой, ногами и выступами вместо рук известны в Андроновской культуре; человечки с руками и ногами, с коронами на голове обнаружены в Завьялово 1А, с. Напас на р. Тым; далее на восток – в погребальных комплексах Глазковской культуры Прибайкалья, Ымыяхтахской культуры Якутии, находки в Усть-Уде, Усть-Илиме, Шумилихе, Семёново, Верхнеленске, Кода, Базаиха [5, с. 277].

Художественный образ антропоморфных поделок вполне соответствует изображениям в наскальном искусстве. Рисунки человечков в виде полосок с руками и ногами, круглой головой, либо в рогатых головных уборах встречаются среди петроглифов огромной территории по рекам Томь, Енисей, Ангара, Лена, оз. Байкал, р. Селенге, а также на территории Бурятии, верхнего течения Амура, Олёкмы и других рек Якутии, а также на крайнем северо-востоке на р. Пегтымель (Чукотка) [3, с. 130; 6, с. 256; 9, с. 288; 11, с. 156; 14, с. 196; 16, с. 43; 17, с. 108; 21, с. 65].

Для восточносибирских петроглифов характерны как одиночные антропоморфные фигуры, так и композиции с рядами человечков, образующих либо хоровод (Шишкинские рисунки), либо ряды (Бурятия, о-в Богучанский), либо «частокол» (Верхнее Приамурье, средне-нюжжинские писаницы). Теме рогатых человечков в искусстве Сибири, Якутии, Приамурья, Чукотки посвятили свои исследования Н. Н. Диков, А. П. Окладников, А. И. Мазин, Н. Н. Кочмар, в памятниках Бурятии – А. В. Тиваненко [3; 16; 17; 6; 21].

В круг этих территорий входит и Нижний Амур, где на двух памятниках петроглифов (Сикачи-Аляна – Малышево и Сукпай) встречаются подобные изображения человечков, в том числе, и с рогатыми головными уборами. На писаницах Средней Лены, Якутии в бассейне рек Олёкмы и Алдана лодки с душами умерших, рогатые антропоморфные существа нередко сопровождаются фигурами зверей (оленей, медведей) с валенкообразными ступнями. Они прослежены в памятниках на реках Чаре, Токко, Алдане, Олёкме, датированных II тыс. до н.э. [6; 16: табл. 37:1, 40: 1-2, табл. 43: 2-4; 17: табл. 29:1-2].

Среди рисунков Сикачи-Аляна – Малышево два изображения зверей на камень № 8 первого пункта отличаются раздвоенными ступнями. Но стилистически, на наш взгляд, они отличаются от рисунков сукпайского типа. Они отнесены автором, предварительно, к стилю широкой контурной линии. В этой стилистической группе есть похожее на лошадь изображение и сюжет с человеком на лыжах [7: табл. 5:3, 7]. Рисунки этого типа прослежены на камнях №№ 8, 24, 26, 33, 35, 42, 48, 72, 103. Датированы, предварительно, финалом неолита и ранним железным веком (II тыс. до н.э.) [7: с. 43, табл. 5; 8: прил. 5, с. 221].

Рогатые и круглоголовые человечки, лодки двух типов (прямые и изогнутые с высокими кормой и носами) соответствуют стилю эпохи бронзы и раннего железа сопредельных

территорий бассейна Амура, Якутии, Бурятии и Восточной Сибири. Они сопровождаются изображениями оленей, горных козлов, орлов, но не лошадей. Эта тема сопряжена с выраженным шаманским культом, когда неоднократно передаётся образ сакрального персонажа в рогатом головном уборе, с бубном [19, с. 321].

Появление упрощённых и схематичных антропоморфных изображений «в виде столбика с развилкой-ногами» в искусстве Сибири С. В. Студзицкая трактовала как смену первобытно-реалистического стиля анималистического искусства новым, в основе которого лежит человек. Новый стиль оформляется со второй половины II тыс. до н.э. и связан с фаллическим культом, шаманизмом, темой лодок в страну мёртвых [20, с. 325, 349-350].

Для нижнеамурских петроглифов необходимо отметить отличительную черту – это совмещение в едином комплексе всадников на конях и лодок с душами умерших. Для Сибири, Прибайкалья, Забайкалья и Якутии не известны изображения лошадей охрой или выбивкой в упрощённо-схематическом стиле. Они появляются в большом количестве в более позднее время в ином исполнении, ином стиле и связаны с распространением тюркской культуры [9; 11].

Изображения коней и всадников становятся проблемой отдельного исследования. Сюжеты этой темы необходимо увязывать со временем появления лошадей и верховой езды в низовьях Амура, что в культурно-историческом плане соответствует раннему Средневековью. На памятниках Нижнего Амура раннесредневековые рисунки с лошадьми и всадниками, выполненные резными линиями, А. П. Окладников связывал с культурой племён мохэ [12, с. 13]. В книге «Лики древнего Амура» он поместил в ряд резных изображений лошадей, относимых к культуре мохэ, также два рисунка на № 84:3, хотя это явно другая изобразительная традиция [12, с. 83]. На лошадиной бабке из Троицкого могильника мохэской культуры имеется изображение человека в виде тонкой вертикальной палочки с отходящими от неё влево и вправо по диагонали полосками (руки и ноги), другая бабка украшена перекрещивающимися полосками, т.е. тонко прочерченным ромбическим орнаментом [18, № 125]. Мохэское наскальное искусство представляют рисунки, нанесённые тонкими линиями, в том числе, тонкие человечки-палочки. В нём развита тема мчащихся коней и всадников, не характерны статичные композиции, этим они значительно отличаются от сукпайского стиля.

Как гипотетический вариант, сукпайские и сикачи-аляно-малышевские рисунки можно связать с группами первых сибирских всадников, проникавших на восток в эпоху раннего железного века, до мохэской волны. Проникновения отдельных групп прослежены в редких археологических комплексах на юге Дальнего Востока: в Приамурье они связываются с Глазковской культурой энеолита Приангарья [1, с. 357; 15, с. 201-202].

Г. М. Василевич проследила тюркские языковые элементы на Байкале в эпоху неолита, отмечала участие монголоязычных тюрков в этногенезе древних тунгусов, носителей Серовской неолитической культуры (пеших охотников тайги), а также Глазковской культуры энеолита (эвенов-прототунгусов горной тайги). По её мнению, от тюрков, вышедших на Байкал, предки тунгусов получили навыки кузнечества и лошадей [2, т. 2, с. 205-232].

Выводы. Сукпайский стиль оставляет много загадок и рождает новые интересные проблемы: раннюю границу шаманской тематики в искусстве, а, значит, и проблему ранней границы проникновения шаманизма в низовья Амура; проблему культурных контактов племён региона с верхне- и среднеамурскими, якутскими и восточно-сибирскими землями. Очерчен ареал распространения этого стиля в регионе. Сходные по стилю сукпайским, но выбитые и шлифованные рисунки имеют место в Сикачи-Аляне – Малышево, остатки изобразительной традиции крашенных рисунков зафиксированы на р. Кия близ с. Переяславка. Рисунки сукпайского стиля по многим признакам сходны с наскальным творчеством западных территорий бассейна Амура, Якутии, Байкала и Ангары, в котором выражена тема шаманизма. Присутствие всадников на лошадях отличает сукпайский стиль нижнеамурских рисунков от указанных сопредельных территорий. Отличаются они и от резных изображений культуры мохэ.

Список источников и литературы

1. Андреева, Ж. В. (1987). *Бронзовый век Дальнего Востока* // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР / под общей редакцией академика Б. А. Рыбакова. Москва: Наука. С. 351-358.
2. Василевич, Г. М. (1947). *Древнейшие языковые связи современных народов Азии и Европы* // Труды Института этнографии АН, новая серия. Т. 2. С. 205-232.
3. Диков, Н. Н. (1971). *Наскальные загадки древней Чукотки: петроглифы Пегтымеля*. Москва: Наука. 130 с.
4. Дьяков, В. И. (1978). *Сукпайская писаница* // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. Владивосток. С. 31-32.
5. Косарев, М. Ф. (1987). *Второй период развитого бронзового века Западной Сибири (андроновская культура)* // Эпоха бронзы лесной полосы СССР Археология СССР / Под общей редакцией академика Б. А. Рыбакова. Гл. 4. Москва: Наука. С. 276-288.
6. Кочмар, Н. Н. (1996). *Сравнительный анализ петроглифов Якутии и Чукотки* // Археология Северной Пацифики. Материалы международного симпозиума (Владивосток 2-5.04.1993.) ИИАЭ ДВО РАН. Владивосток. С. 256-265.
7. Лапшина, З. С. (2016). *Опыт стилистической периодизации нижнеамурских петроглифов* // «На берегу Амура есть писанные камни...». Сборник научных статей, посвящённых 80-летию Нижнеамурской экспедиции А. П. Окладникова / научный редактор и составитель З. С. Лапшина. Хабаровск. С. 43-63.
8. Лапшина, З. С. (2020). *Архаическая картина мира в семантическом содержании личин петроглифов Нижнего Амура: монография*. Хабаровск: Изд-во ТОГУ. 269 с.
9. Мельникова, Л. В., Николаев, В. С., Демьянович, Н. И. (2011-2012). *Шишкинская писаница*. В 2-х томах. Иркутск: Ин-т земной коры СО РАН. Т. 1. 426 с.; Т. 2. 288 с.
10. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. (1992). *Толковый словарь русского языка* / РАН, Институт русского языка; Российский фонд культуры. Москва: АзЪLTD. 960 с.
11. Окладников, А. П., Запорожская, В. Д. (1959). *Ленские писаницы. Наскальные рисунки у деревни Шишкино*. Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР. 199 с.
12. Окладников, А. П. (1968). *Лики древнего Амура*. Новосибирск: Зап-Сиб. кн. изд-во. 238 с.
13. Окладников, А. П. (1971). *Петроглифы Нижнего Амура*. Ленинград. 335 с.
14. Окладников, А. П. Мартынов, А. И. (1972). *Сокровища Томских писаниц. Наскальные рисунки неолита и бронзы*. Москва: Искусство. 255 с.
15. Окладников, А. П. Деревянко, А. П. (1973). *Далекое прошлое Приморья и Приамурья*. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во. 440 с.
16. Окладников, А. П. Мазин, А. И. (1976). *Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья*. Новосибирск: Наука. 190 с.
17. Окладников, А. П. Мазин, А. И. (1979). *Писаницы бассейна реки Алдан*. Новосибирск: Наука. 152 с.
18. Okladnikov, A. P. (1981). *Ancient Art of the Amur Region*. Leningrad: Aurora Art Publishers. 160 p.
19. Студзицкая, С. В. (1987). *Искусство Восточного Урала и Западной Сибири в эпоху бронзы* // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР / под общей редакцией академика Б. А. Рыбакова. Гл. 8. Москва: Наука. С. 318-326.
20. Студзицкая, С. В. (1987). *Искусство Восточной Сибири в эпоху бронзы* // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР / под общей редакцией академика Б. А. Рыбакова. Гл. 9. Москва: Наука. С. 344-350.
21. Тиваненко, А. В. (1990). *Древнее наскальное искусство Бурятии: Новые памятники*. Новосибирск: Наука. 208 с.
22. Шиповалов, А. М. (1999). *Наскальные изображения на р. Сукпай* // Традиционная культура востока Азии. Вып. 2. Благовещенск: Изд-во АмГУ. С. 194-200.

References

1. Andreeva, Zh. V. (1987). *Bronzovyy vek Dal'nego Vostoka* [Bronze Age of the Far East] Epokha bronzy lesnoy polosy SSSR. Arkheologiya SSSR, red. akad. B. A. Rybakova. Moscow, Nauka Publ., 351–358. (in Russian).
2. Vasilevich, G. M. (1947). *Drevneyshie yazykovye svyazi sovremennykh narodov Azii i Evropy* [The most ancient linguistic connections of modern peoples of Asia and Europe] in Trudy Instituta etnografii AN, novaya seriya, t. 2, 205-232. (in Russian).
3. Dikov, N. N. (1971). *Naskal'nye zagadki drevney Chukotki: petroglify Pegtymelya* [Rock riddles of ancient Chukotka: Petroglyphs of Pegtymel]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
4. Dyakov, V. I. (1978). *Sukpayskaya pisanitsa* [Sukpai Pisanitsa] in Arkheologicheskie materialy po drevney istorii Dal'nego Vostoka SSSR. Vladivostok, 31-32. (in Russian).
5. Kosarev, M. F. (1987). *Vtoroy period razvitogo bronzovogo veka Zapadnoy Sibiri (andronovskaya kul'tura)* [The second period of the developed Bronze Age of Western Siberia (Andronovo culture)] in Epokha bronzy lesnoy polosy SSSR Arkheologiya SSSR, edited by acad. B. A. Rybakov, ch. 4. Moscow, Nauka Publ., 276-288. (in Russian).
6. Kochmar, N. N. (1996). *Sravnitel'nyy analiz petroglifov Yakutii i Chukotki* [Comparative analysis of petroglyphs of Yakutia and Chukotka] in Arkheologiya Severnoy Pasifiki. Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma (Vladivostok 2-5.04.1993.) IIAE DVO RAN. Vladivostok, 256-265. (in Russian).
7. Lapshina, Z. S. (2016). *Opyt stilisticheskoy periodizatsii nizhneamurskikh petroglifov* [The experience of stylistic periodization of the Lower Amur petroglyphs] in «Na beregu Amura est' pisanye kamni...». Sbornik nauchnykh statey, posvyashchen-nykh 80-letiyu Nizhneamurskoy ekspeditsii A. P. Okladnikova «There are written stones on the bank of the Amur ... ». Khabarovsk, 43-63. (in Russian).
8. Lapshina, Z. S. (2020). *Arkhaicheskaya kartina mira v semanticheskom sodержanii lichin petroglifov Nizhnego Amura* [Archaic picture of the world in the semantic content of the petroglyphs of the Lower Amur]. Khabarovsk, izd-vo TOGU. (in Russian).
9. Melnikova, L. V., Nikolaev, V. S., Demyanovich, N. I. (2011-2012). *Shishkinskaya pisanitsa* [Shishkinskaya scribble]. V 2-kh tomakh. Irkutsk, In-t zemnoy kory SO RAN. (in Russian).
10. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (1992). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. RAN, Institut russkogo yazyka; Rossiyskiy fond kul'tury. Moscow, AzLTD Publ. (in Russian).
11. Okladnikov, A. P., Zaporozhskaya, V. D. (1959). *Lenskie pisanitsy. Naskal'nye risunki u derevni Shishkino* [Lena Pisanitsy. Rock paintings near the village of Shishkino]. Moscow – Leningrad, izd-vo AN SSSR. (in Russian).
12. Okladnikov, A. P. (1968). *Liki drevnego Amura* [Faces of the Ancient Amur]. Novosibirsk, Zap-Sib. kn. izd-vo. (in Russian).
13. Okladnikov, A. P. (1971). *Petroglify Nizhnego Amura* [Petroglyphs of the Lower Amur]. Leningrad. (in Russian).
14. Okladnikov, A. P., Martynov, A. I. (1972). *Sokrovishcha Tomskikh pisanits. Naskal'nye risunki neolita i bronzy* [Treasures of the Tomsk writings. Rock paintings of the Neolithic and Bronze]. Moscow, Iskusstvo Publ. (in Russian).
15. Okladnikov, A. P., Derevianko, A. P. (1973). *Dalekoe proshloe Primor'ya i Priamur'ya* [The distant past of Primorye and Priamurye]. Vladivostok, Dal'nevost. kn. izd-vo. (in Russian).
16. Okladnikov, A. P., Mazin, A. I. (1976). *Pisanitsy reki Olekmy i Verkhnego Priamur'ya* [Scribes of the Olekma River and the Upper Amur Region]. Novosibirsk, Nauka Publ. (in Russian).
17. Okladnikov, A. P., Mazin, A. I. (1979). *Pisanitsy basseyna reki Aldan* [Scribes of the Aldan River Basin]. Novosibirsk, Nauka Publ. (in Russian).
18. Studzitskaya, S. V. (1987). *Iskusstvo Vostochnogo Urala i Zapadnoy Sibiri v epokhu bronzy* [Art of the Eastern Urals and Western Siberia in the Bronze Age] in Epokha bronzy lesnoy

polosy SSSR. Arkheologiya SSSR, pod obshchey redaktsiey akademika B. A. Rybakova. Gl. 8. Moscow, Nauka Publ. 318-326. (in Russian).

19. Studzitskaya, S. V. (1987). *Iskusstvo Vostochnoy Sibiri v epokhu bronzy* [Art of Eastern Siberia in the Bronze Age] in *Epokha bronzy lesnoy polosy SSSR. Arkheologiya SSSR, pod obshchey redaktsiey akademika B. A. Rybakova. Gl. 9. Moscow, Nauka Publ. 344-350. (in Russian).*

20. Tivanenko, A. V. (1990). *Drevnee naskal'noe iskusstvo Buryatii. Novye pamyatniki* [Ancient rock art of Buryatia. New monuments]. Novosibirsk, Nauka Publ. (in Russian).

21. Shipovalov, A. M. (1999). *Naskal'nye izobrazheniya na r. Sukpai* [Rock carvings on the river Sukpai] in *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii, vyp. 2. Blagoveshchensk, izd-vo AmGU, 194-200. (in Russian).*

Мошкин Г. Н.
(Воронеж)

УДК 94(470.324)

О ЧЕМ СПОР? СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О ПРОБЛЕМЕ ЛЕТОПИСНОГО ВОРОНЕЖА

Статья посвящена проблеме «летописного Воронежа» XII-XVI вв. Слово «Воронеж» впервые упоминается в русских летописях под 1177 г. в связи с княжескими усобицами в Северо-Восточной Руси. Но непонятно, что оно означало: город или территорию, примыкающую к реке. Автор на основе проведенного им опроса историков, археологов и краеведов пытается определить причины продолжения споров о древнем Воронеже, которые начались еще в середине XIX в. Анкета включала 18 вопросов, отражающих различные толкования слова «Воронеж» (город, река, область) и связанных с ним событий, состояние историографии и источниковой базы, мнения исследователей о путях решения данного вопроса. По мнению большинства респондентов, имеющиеся на сегодня письменные и археологические источники не позволяют утверждать, что летописный Воронеж – это город (или населенный пункт) на территории Рязанского княжества. Однако это не мешает им верить в возможность его существования до тех пор, пока не будет доказано обратное. Наиболее оригинальные ответы воспроизведены в тексте статьи. В заключении автор приходит к логическому выводу о том, что изучение летописного Воронежа нельзя сводить только к поискам древнерусского града. Это более широкая научная тема, т. к. по мнению многих исследователей (в том числе опрошенных составителем анкеты), по факту «Воронеж» – это географическая область на границе леса со степью со своей особой историей. Развитие темы связывается с ее дальнейшим изучением. В частности, указывается на необходимость уточнения хронологических и географических границ летописного Воронежа как окраины Рязанского княжества. Текст анкеты приводится в приложении.

Ключевые слова: историография, Рязанское княжество, летописный Воронеж, природно-историческая область «Воронеж», древнерусский город Воронеж.

The article is devoted to the problem of the "annalistic Voronezh" of the XII-XVI centuries. The word "Voronezh" is first mentioned in Russian chronicles under 1177 in connection with the princely feuds in Northeastern Russia. But it is not clear what it meant: the city or the territory adjacent to the river. The author, using the results of the survey conducted among historians, archaeologists and regional ethnographers, tries to determine the reasons for the continuing controversy about the ancient Voronezh, which started in the middle of the 19th century. The questionnaire includes 18 questions, reflecting different interpretations of the word "Voronezh" (city, river, region) and related events, the condition of historiography and sources, researchers' opinions on the ways to solve this issue. According to the majority of respondents, the currently available written and archaeological sources do not allow us to assert that the annalistic Voronezh is a city (or settlement) in the territory of the Ryazan principedom. However, this does not prevent them from believing in the possibility of its existence, until proven otherwise. The most original answers are reproduced in the text of the article. The author concludes with a logical conclusion that the study of the annalistic Voronezh cannot be reduced only to the search for an Old Russian castle. This is a broader scientific topic, because in the opinion of many researchers (including those interviewed by the questionnaire author) in fact "Voronezh" is a separate geographical area on the border of forest and steppe with its own special history. The development of the topic is associated with its further study. In particular, the need to clarify the chronological and geographical boundaries of the annalistic Voronezh, as an outskirts of the Ryazan Principality, is pointed out. The text of the questionnaire is given in the appendix.

Keywords: historiography, Ryazan principedom, annalistic Voronezh, natural-historical area "Voronezh", ancient Russian city of Voronezh.

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-31-2-56-68

Слово «Воронеж» впервые появляется в русских летописях под 1177 г. при описании усабицы между Великим Владимирским князем Всеволодом Большое Гнездо и рязанским князем Глебом. После поражения рязанской рати в битве на реке Колокше 20 февраля 1177 г. шурин Глеба – князь Ярополк бежал в «Воронеж», но через некоторое время был выдан рязанцами по требованию князя Всеволода.

До середины XIX в. точная дата основания современного Воронежа еще не была известна. Поэтому все наши историки, начиная с В. Н. Татищева, полагали, что в летописях упоминается его древнерусский предшественник, уничтоженный татарами в 1237 г. Хотя в Никоновской летописи при описании событий 1177 г. есть любопытная вставка. Оказывается в «Воронеже» Ярополк не оставался на одном месте, а переходил из града в град.

Первые сомнения (а не о реке ли идет речь?) возникли после публикации в 1846 г. выдержки из царского указа об основании крепости Воронеж в 1586 г. Но сторонников существования Воронежа в XII-XIII вв. от этого меньше не стало. Более того, до сих пор «оптимистов» на порядок больше, чем «скептиков». Благодаря их усилиям, эта тема обросла таким количеством литературы, что в 1990-х гг. в энциклопедиях появился специальный термин «летописный Воронеж», под которым понимается древнерусский город [2; 6].

Официальная историческая наука не признает существование древнего Воронежа, но по-прежнему допускает такую возможность. Интересно, почему? Уж не в силу ли сложившейся историографической традиции? К сожалению, специальным исследованием этого вопроса у нас никто не занимался. Есть только несколько общих работ по истории изучения летописного Воронежа [1; 8, с. 27-39; 10].

Чтобы восполнить этот пробел, зимой 2021/22 г. нами было проведено анкетирование 33 исследователей из Воронежа, Белгорода, Ельца, Липецка, Рязани, Тамбова, а также С.-Петербурга и Сосногорска (КОМИ). Это наши известные краеведы, а также историки и археологи (15 докторов и 14 кандидатов исторических наук). Почти все из них заявили, что интересуются данной темой, а 12 человек считают себя в ней специалистами и имеют соответствующие публикации.

Всего было предложено 18 вопросов и несколько вариантов ответов на них, в основном уже озвученных в литературе (см. прил.). Кроме того, респонденты могли изложить собственное понимание или решение поставленных перед ними вопросов. В данной статье мы рассмотрим их по порядку и проанализируем полученные результаты.

Первый тематический вопрос (2.3) касается важности разрешения проблемы летописного Воронежа. Из четырех вариантов ответов наибольшее количество голосов (по 20) набрали второй и третий, связывающие вопрос о древнем Воронеже с изучением ранней истории воронежского края и необходимостью уточнения юго-восточной границы Древней Руси. Первый вариант (возможность увеличить возраст современного г. Воронежа) выбрали всего пять чел. и только три респондента согласись с утверждением, что это локальная тема, интересная в основном местным краеведам.

В комментариях к данному вопросу еще один респондент написал, что история летописного Воронежа – это «надуманная тема». Увы, но существует и такая точка зрения, дескать, проблема «высосана из пальца», т. е. из нескольких строк «туманного» летописного текста. Но все-таки большинство опрошенных исследователей считает, что данная тема по-прежнему актуальна, т. к. «привлекает внимание общественности», «способствует лучшему пониманию российской истории» и, между прочим, «усиливает объективность в изучении прошлого», т. к. только ее дальнейшее изучение может «уменьшить количество ненаучных и антинаучных публикаций, искажающих историю России».

Следующий вопрос (3.1) посвящен истории изучения летописного Воронежа. Прежде всего, мы хотели выяснить имена наиболее авторитетных специалистов по данной теме. В

тройку безусловных лидеров вошли В. П. Загоровский (30 голосов), А. З. Винников (20) и П. А. Попов (20). Все они хорошо известны своими монографиями и статьями о древнем Воронеже, которые собственно и олицетворяют позицию так называемой «официальной» исторической науки. Четвертую строчку занял С. Е. Зверев с 14 голосами (именно он в конце XIX в. возродил интерес к поискам летописного города). Далее идут: А. Д. Пряхин (13), С. Н. Введенский (10), Е. Болховитинов (8), А. М. Аббасов (6), А. В. Кожемякин (3), В. Н. Душутин (2) и И. С. Абрамов (0). Предлагалось также включить в наш список Н. В. Валукинского, А. О. Амелькина, М. В. Цыбина и некоторых других, менее известных исследователей.

Споры о древнем Воронеже продолжаются более 170 лет. На основе ответов наших респондентов на вопрос (3.2) мы составили список причин, которые влияют на эту полемику (по убыванию голосов):

- 1) неясность летописного сообщения о «Воронеже» 1177 г. (град, поселение, местность?) – 22;
- 2) существование укрепленных поселений XII-XIII вв. в бассейне реки Воронеж (одно из них могло называться Воронежем) – 14;
- 3) патриотические чувства воронежцев (конечно, мы имели в виду не пресловутый «местечковый патриотизм», а искренний интерес к истории родного края) – 13;
- 4) сложившаяся историографическая традиции (т. е. мнения специалистов и поддерживающего их научного сообщества) – 7;
- 5) другие мнения: «отсутствие достоверных письменных свидетельств», «недостаточность археологических исследований», невозможность «однозначных решений, особенно в древней истории».

Честно говоря, мы не предполагали, что влияние на участников полемики трудов их предшественников (большинство из которых допускало существование летописного города Воронежа) окажется явно недооцененным. Но, возможно, при формулировке этого варианта «ответа» стоило сделать акцент не на большинстве исследователей, а на их «научных авторитетах», ссылки на труды которых нередко восполняют отсутствие другой аргументации.

Вопрос № 4 тоже чисто историографический. В 1952 г. в «Большой советской энциклопедии» появилась статья И. С. Абрамова, в которой летописный Воронеж 1177 г. локализовался на месте одноименного поселка в Сумской области. Как же мы почти на 20 лет лишились «нашего Воронежа»? Большинство респондентов (14 чел. из 33-х) просто согласились с тем, что это была явная «ошибка», исправленная в третьем издании главной советской энциклопедии. Восемь чел. связали появление этого историографического факта с позицией самих воронежцев, добровольно отказавшихся от своего «предка». И еще восемь чел. увидели первопричину в нерешенности вопроса о местоположении «воронежских лесов», упомянутых в летописях под 1284 г. Были предложены и другие версии, напр., незнание редакторами сталинского издания БСЭ о позиции воронежских авторов. Но проблема в том, что после полемики С. Е. Зверева с С. Н. Введенским в начале XX в. эта тема буквально канула в Лету и вернули ее к жизни статьи Абрамова.

Вопрос № 5 один из наших респондентов назвал «провокационным». Речь идет об отношении современных исследователей к так называемой «битве за древность» Воронежа, устроенной местными краеведами в 1980–1990-е гг. 19 человек попытки увеличения возраста Воронежа без серьезных научных оснований (как это было сделано в соседнем с нами Белгороде [13, с. 148-149]) не поддержали, т. к. они «завели изучение вопроса о летописном Воронеже в тупик». Трое респондентов согласились с точкой зрения А. М. Аббасова о том, что авторитетные воронежские ученые во главе с В. П. Загоровским сознательно «замалчивали» факты, противоречащие общепринятой датировке возраста г. Воронежа из-за нежелания признаваться в собственных ошибках. Кстати, в комментариях к этому ответу даже было высказано предположение о существовании некоего «политического» заказа из «Центра». И только шесть человек увидели в этом движении определенную пользу: окончательное превраще-

ние легендарного пращура современного города в один из его туристических брендов. (Все тогдашние путеводители по Воронежу акцентировали внимание на его летописном предке).

На самом деле *пользы* было намного больше, на что обратили внимание некоторые респонденты. Полемика привлекла внимание к этой теме не только читателей широкого круга, что «само по себе не плохо», но и серьезных историков-профессионалов, как, напр., известного археолога А. З. Винникова [5]. Были осуществлены попытки расширения источниковой базы, правда, не всегда удачные. Но самое главное – это то, что споры о древнем Воронеже выявили наличие серьезных, в чем-то даже непримиримых разногласий между ее участниками (прежде всего, в методологии: принципах датировки и т. п.), которые не преодолены до сих пор.

Все последующие вопросы анкеты как раз и связаны с выявлением этих разногласий.

Вопрос № 6: какой географический объект имели в виду летописец, описывая бегство кн. Ярополка в «Воронеж»? 13 наших респондентов считают, что это территория, прилегающая к реке Воронеж. Еще шесть человек – просто река, один человек – рязанская волость. Версию с древнерусским городом поддержали всего семь человек. Но к ним следует добавить еще двух сторонников того, что «Воронеж» – это «населенный пункт». Трое респондентов затруднились с ответом. И еще один «скептик» считает, что по ранним летописям определить содержание этого слова вообще невозможно. Итак, налицо двукратный перевес у сторонников природного, а не рукотворного происхождения летописного Воронежа.

Скупость сведений о Воронеже в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях (хотя по мнению некоторых исследователей, они ближе всех первоисточнику – Владимирскому летописному своду 1178 г.), с лихвой перекрывается сообщением более поздней Никоновской летописи о том, что, оказавшись в самом удаленном месте Рязанского княжества, «перепуганный» Ярополк переходил из града во град. Большинство искателей летописного Воронежа используют эту подробность как чуть ли не главное доказательство существования здесь древнерусского города Воронежа. Ведь мы не знаем названий этих градов. Поэтому отрицать такую возможность действительно нельзя, даже если она стремится к нулю.

Но стоит ли так безоговорочно доверять составителю Никоновской летописи? Это был наш седьмой вопрос, на который были получены следующие ответы: «да» – 16 голосов (ведь есть еще археологические данные, которые вроде бы подтверждают слова летописца), «нет» или «скорее нет» – всего четыре. Правда, еще девять человек согласились с мнением Д. И. Иловайского, что все эти «метания» или «скитания» беглого князя «по Воронежу» просто метафора [9, с. 60]. Но все равно они в меньшинстве. Хотя истина не всегда на стороне большинства. Ведь, как заметил один наш респондент, до сих пор непонятно, почему мы должны «верить одному источнику, не доверяя двум другим».

Локализация летописного Воронежа, т. е. того места, куда бежал Ярополк – это еще одна важная задача. Судя по летописям, поиски князя не заняли много времени, хотя река Воронеж протянулась на 300 км, и ему было, где спрятаться. Самый простой ответ на вопрос № 8 (почему нет указаний на трудности с возвращением беглеца?): рязанцы знали, где его искать. Эту версию поддержали 14 человек. Другое правдоподобное объяснение: Ярополк просто не успел далеко убежать (не дальше верховьев р. Воронеж, где, по мнению ряда исследователей, и находилась одноименная географическая область). Такой ответ дали восемь человек. И только четыре человека согласились с предположением о том, что Ярополка схватили в городе Воронеже. Разумеется, владимирский летописец мог просто не знать всех деталей поимки князя, как резонно заметил один из респондентов. Но он бы обязательно ими заинтересовался, если бы поиски затянулись.

Кстати, на этот счет есть еще одна версия, давным-давно озвученная С. М. Соловьевым [11, стб. 28]. Якобы «в Воронеже» Ярополк ни от кого не скрывался, а с небольшим отрядом «наблюдал» за половцами, которые через некоторое время действительно напали на оставшееся без защиты Рязанское княжество. Но это уж слишком неправдоподобное объяснение поставленного нами вопроса и мы не стали включать его в список возможных ответов.

Далее идут два вопроса, связанные с поиском новых источников, которые могли бы пролить свет на загадку летописного Воронежа.

Не так давно А. В. Чернецов опубликовал любопытное исследование «Нашествие Батые на Рязанскую землю на миниатюрах XVI в.» [12, с. 304]. Оказывается, в Лицевом летописном своде Ивана Грозного есть миниатюра, на которой летописный Воронеж, где в декабре 1237 г. встречались рязанские князья и послы Батые, изображен в виде укрепленного городка. Так появился вопрос № 9: является ли это символическое изображение Воронежа доказательством его существования в домонгольский период. 26 человек вполне предсказуемо ответили «нет», т. к. в летописи, которую иллюстрирует миниатюра, отсутствует уточнение, что «Воронеж» это город. Кто-то добавил, что «иллюстрации Лицевого свода – не источник», а кто-то уточнил, что не источник «в данном случае», видимо памятуя о книге А. В. Арциховского по этому вопросу [3]. Согласились же с тем, что поздние книжники знали о древнем Воронеже больше, чем современные исследователи, всего пять человек. В любом случае, эта миниатюра появилась до 1586 г. И в этом ее важное преимущество перед географическими картами, на которые часто ссылаются сторонники существования древнерусского города Воронежа.

На географических и исторических картах с изображением Воронежа стоит остановиться подробнее. На по-настоящему древних картах, как, напр., на круглой карте мира Фра Мауро 1459 г., искомого *городка* мы не найдем по определению, т.к. все они крупномасштабны и схематичны. А все исторические карты с изображением Воронежа появились, когда современный город уже существовал. В вопросе № 10 приводится карта Карла фон Шпрунера «Народы и княжества славян между Эльбой и Доном до 1125 г.», в свое время наделавшая у нас много шума [7]. Абсолютное большинство респондентов (29 чел.) отказались признавать ее достоверным источником, т. к. она была составлена в сер. XIX в. Добавим, что фон Шпрунер не знал точную дату основания Воронежа и потому поместил его на месте тогдашнего губернского города.

Самый важный вопрос в нашей анкете – № 11: *возможно ли* существование древнерусского г. Воронежа в XII-XIII вв.? «Да» ответили 15 человек, т. е. 44% респондентов (среди «специалистов» – семь человек, т. е. 58%), твердое «нет» – три человека (в т. ч. два «специалиста»). Остальные 15 человек затруднились с ответом (ни «да», ни «нет»). Интересно, что свои комментарии по этому вопросу оставили всего три человека. Один из них сделал оговорку, что «возможно существование *населенного пункта* с таким названием (наряду с городами были и другие типы поселений, в т. ч. и укрепленные)». И только два респондента попытались объяснить, почему они не смогли дать четкого ответа. Это отсутствие точных археологических данных.

Однако прояснить позицию наших респондентов позволяют следующие три вопроса, как раз и связанные с состоянием накопленной по летописному Воронежу базы данных.

На вопрос № 12 (что необходимо для решения вопроса о древнем Воронеже?) были получены следующие ответы:

- 1) провести комплексное исследование вопроса с привлечением данных топонимики, истории и археологии – 21 чел.;
- 2) продолжить археологические поиски – 20 чел.;
- 3) изучить историю споров о «летописном Воронеже» (на предмет выявления разногласий между исследователями и путей их преодоления) – 4 чел.;
- 4) раскрыть «тайну предлога», который стоял в первоисточнике перед словом «Воронеж» («в» или «на») – 3 чел.;
- 5) привлечь к изучению темы другие письменные источники – 3 чел.

При этом девять чел. выбрали ответ: «этот спор не закончится никогда».

Таким образом, большинство исследователей согласилось с необходимостью дальнейших исследований по проблеме древнего Воронежа, отдавая приоритет археологии.

Как бы предвидя такой ответ, в следующем вопросе (№ 13) мы хотели уточнить: какие же археологические открытия смогут убедить «скептиков» в существовании древнерус-

ского города Воронежа? Большинство опрошенных (16 чел.) считают, что самое надежное доказательство – это обнаружение на р. Воронеж укрепленного поселения XII–XIII вв., которое могло выполнять функции административного центра; восемь чел. – находка берестяной грамоты (кости или керамики) с упоминанием о граде Воронеже; семь чел. – обнаружение следов пребывания князя Ярополка на одном из воронежских городищ (напр., его печати или других знаков княжеской власти). И еще два чел. признались, что их «полностью убедить не сможет ничто».

Из претендентов для локализации летописного Воронежа больше всего голосов набрали Романово городище под Липецком и Старое городище на месте современного Воронежа (соответственно семь и три). Животинное и Семилукское городища – по два голоса и Казарское городище – один. Называлось так же Урляпово городище, находящееся на месте слияния Лесного и Польного Воронежей. В тоже время 12 респондентов посчитали, что «пока никакое» городище не может отождествляться с древним Воронежем, а еще двое добавили свой вариант – «вообще никакое».

В современной исторической литературе летописный Воронеж отождествляется не только с городом, но и с рязанской волостью, т.е. административно-территориальной единицей. Конечно, такой подход разделяют далеко не все, но все-таки большинство респондентов признали его право на существование. Во-первых, в бассейне реки Воронеж известно более двух десятков населенных пунктов XII–XIII вв. (эту аргументацию поддержали 20 чел.), во-вторых, с 1175 по 1177 гг. «Воронеж» мог находиться в управлении князя Ярополка, как шурина рязанского князя Глеба (данная версия набрала пять голосов). Остальные или выразили свое несогласие, либо затруднились с ответом.

Вопрос № 16 мы посвятили книге П. А. Попова «Воронеж: древнее слово и древние города» (2016). Как известно, исследователь отказался видеть в слове «Воронеж» только один древнерусский город, расширяя его содержание до природно-исторической области. Этот подход, по сути, примиряет сторонников и противников существования древнего Воронежа, т.к. допускает и то, и другое решение вопроса. Однако пока «за» и «против» новой интерпретации проблемы летописного Воронежа разделись пополам (14 на 14). Пять участников опроса или книги не читали, или ушли в сторону от ответа.

Вопрос № 17 (кто и зачем мог дать г. Воронежу имя по названию реки?) оказался с «подвохом», т.к. по недосмотру составителя анкеты не было оговорено, о каком городе идет речь: летописном или современном. Большинство (19 чел.) выбрали самый простой вариант ответа – «местные жители», тем самым согласившись с существованием древнего Воронежа. Но один исследователь все-таки обратил на это внимание: «Если речь о XII–XIII вв., то нет доказательств существования города, значит, и вопрос о наименовании города по реке не существует для историка, сомневающимся в этом». Самую маловероятную версию – название городу дал «местный правитель, чтобы выделить центр своей воронежской волости», назвал только один чел., а вот самую реалистичную – это сделали «представители центральной власти, чтобы обозначить местоположение пограничного города (как это было в 1585 г.)» – всего семь чел.

И последний вопрос анкеты (№ 18): почему отсутствие научных доказательств существования г. Воронежа в 1177 г. не может поставить точку в спорах о летописном Воронеже? На наш взгляд, он один из самых сложных.

Прежде всего, отсутствие научных доказательств не означает, что их нет и не может быть. Все-таки 15 из 33 респондентов верят в возможность привлечения к изучению темы новых источников (письменных и археологических). Еще 13 человек, в основном воронежцы, допускают существование древнего Воронежа, пока не будет доказано обратное. А вот версия о том, что именно расширение границ летописного Воронежа до природно-исторической области или волости придало изучению этой темы «второе дыхание», к нашему удивлению, получила отклик только у пяти человек (скорее всего, потому, что в данном вопросе пункт № 3 не был приоритетным).

В тоже время некоторые респонденты (семь чел.) считают, что из-за отсутствия достоверных источников тайна летописного Воронежа – это уже давно не научная проблема. А

какая? Судя по их саркастическим комментариям: «болталогическая», от слова «болтать» («жажду побазарить не утолить»), «дилетантская» (якобы последние три десятка лет по этой теме пишут одни дилетанты, а профессиональные историки только и заняты разоблачением их «фальсификаций») и, наконец, «административная», т.к. для решения вопроса о древности Воронежа нужно подключить административный ресурс и в приказном порядке отметить его ближайший 850-летний юбилей, разом похоронив все ненужные споры.

Итак, мы рассмотрели материалы анкеты и можем сделать некоторые собственные обобщения и выводы.

Думаем, что нам нет смысла перечислять разногласия между исследователями по отдельным вопросам рассматриваемой темы. Лучше акцентировать внимание на том, что их всех объединяет.

Прежде всего, мы не согласны с мнением о том, что нам непременно нужна новая дискуссия о возрасте Воронежа (да еще и с привлечением широкой общественности), которая якобы расставит все точки над «i». Будем решать большинством голосов или все-таки оставим этот вопрос специалистам по историческому краеведению? Мы с большим уважением относимся к культурно-просветительской деятельности наших краеведов, направленной на популяризацию знаний по истории края. Зачем же в очередной раз сталкивать их с историками-профессионалами?

Проблема летописного Воронежа – это серьезная научная тема. Так исторически сложилось, что мы привыкли ее воспринимать сквозь призму споров о существовании древнего Воронежа. Но это только вершина айсберга. Ведь по всем нашим источникам, и литературным, и археологическим, «Воронеж» – это отдельная историко-географическая область, отличающаяся особенностями природы, населения и хозяйственной специализации, прежде всего, в силу ее пограничного положения между лесом и степью. Изучением этих особенностей и воссозданием истории Воронежского края, так называемого «летописного времени» (XII-XVI вв.) занимались несколько поколений наших лучших историков, археологов и краеведов.

До появления книги П. А. Попова все эти вопросы не связывались напрямую с темой летописного Воронежа. Но это вовсе не означает, что этих связей не существовало. Ведь концепт «Воронежская область» возник еще в XIX в. и наполнялся содержанием параллельно с поисками летописного города.

По имеющимся на сегодня данным, существование летописного Воронежа в узком смысле этого словосочетания (как населенного пункта) маловероятно, но не исключено. Большинство исследователей данного вопроса не без оснований надеются на появление новых, в первую очередь, археологических источников (в том числе путем дополнительного изучения уже известных славянских поселений на р. Воронеж). Но возможно, что загадка древнего Воронежа «так навсегда и останется вечной тайной воронежской истории» [4, с. 18].

А между тем, «Воронеж» как природно-историческая область тоже ждет дальнейшего изучения, т. к. обилие литературы не исключает наличие многих нерешенных вопросов, в том числе концептуального характера. Наиболее актуальными из них, на наш взгляд, являются уточнение хронологических и географических границ летописного Воронежа (как отдаленной окраины Рязанского княжества), а также характерных особенностей его истории.

Анкета

1. Сведения о респонденте

1.1. Год рождения 19 ____

1.2. Место работы _____

1.3. Считаете ли Вы себя специалистом по вопросу о летописном Воронеже:

1) да []; 2) нет [].

2. Ваше отношение к спорам о существовании г. Воронежа в XII в.:

2.1. Лично Вас интересует данный вопрос?

1) *да* []; 2) *нет* [].

2.2. Выказывались ли Вы по этой теме печатно?

1) *да* []; 2) *нет* [].

2.3. Чем определяется *важность* вопроса о летописном Воронеже? (можно указать несколько вариантов и добавить свой):

1) возможностью увеличить возраст современного г. Воронежа [];

2) споры привлекают внимание к ранней истории воронежского края, способствуя ее дальнейшему изучению [];

3) эта тема имеет общероссийское значение, т.к. связана с уточнением юго-восточной границы Древней Руси в XII-XIII вв. [];

4) это локальная тема, интересная в основном местным краеведам [];

5) другой вариант ответа _____

3. История изучения вопроса о летописном Воронеже:

3.1. Кто из исследователей внес наибольший вклад в изучение и популяризацию данной темы? (укажите 3-5 фамилий)

1) Евг. Болховитинов [];

2) С. Е. Зверев [];

3) С. Н. Введенский [];

4) И. С. Абрамов [];

5) В. П. Загоровский [];

6) В. Н. Душутин [];

7) А. В. Кожемякин [];

8) А. М. Аббасов [];

9) А. З. Винников [];

10) А. Д. Пряхин [];

11) П. А. Попов [];

12) другие кандидаты _____

3.2. Чем обусловлено столь длительное (с середины XIX в.) продолжение споров о летописном Воронеже? (можно указать все варианты и добавить свое объяснение)

1) неясностью летописного сообщения о «Воронеже» [];

2) сложившейся историографической традицией (*большинство* исследователей, когда-либо высказывавшихся по вопросу о летописном Воронеже, допускают существование древнерусского города с таким названием) [];

3) данные археологических исследований подтверждают существование в XII-XIII вв. укрепленных поселений в бассейне реки Воронеж [];

4) патриотическими чувствами воронежцев – главных участников споров [];

5) другое мнение _____

4. Почему согласно «Большой советской энциклопедии» (Т. 9. 2-е изд., 1952) Воронеж, упомянутый в летописях под 1177 г. – это современный поселок в Сумской области? (можно указать все варианты и добавить свое объяснение)

1) до начала 1950-х гг. воронежские исследователи все еще сомневались в существовании древнерусского Воронежа на месте современного города [];

2) версия об украинском происхождении Воронежа, впервые высказанная И. С. Абрамовым в 1927 г., до сих пор поддерживается некоторыми исследователями, пытающимися связать упомянутые в летописях под 1284 г. «Воронежские леса» с украинским поселком [];

3) это была явная «ошибка», исправленная М. А. Калашниковым в статьях о городе Воронеже в «Советской исторической энциклопедии» (Т. 3, 1963) и в 3-м изд. «Большой советской энциклопедии» (Т. 5, 1971) [];

4) другое объяснение _____

5. Ваше отношение к «битве за древность» Воронежа, устроенной местными краеведами в 1980 – 1990-е гг.:

1) воронежские историки «замалчивали» факты, противоречащие «официальной» датировке возраста г. Воронежа, что и привело к полемике с ними со стороны А. М. Аббасова и его окружения и расколу местного краеведческого движения [];

2) попытки ряда историков и краеведов убедить общественность, что Воронежу более 800 лет, не имея серьезной доказательной базы, завели изучение вопроса о летописном Воронеже в тупик [];

3) споры о древности Воронежа сделали эту тему популярной у воронежцев и превратили легендарного пращура современного города в один из его туристических брендов [];

4) другое мнение _____

6. Что скрывается за словом «Воронеж», упомянутом в летописях под 1177 г.? (значение термина «летописный Воронеж»)

1) река [];

2) древнерусский город [];

3) территория, прилегающая к реке Воронеж (географическая область) [];

4) рязанская волость [];

5) центр Воронежского княжества [];

6) другое значение _____

7. Стоит ли доверять свидетельству Никоновской летописи о переходе князя Ярополка в «Воронеже» из града в град?

1) *да*, т.к. многие подробности из истории Рязанского княжества, сообщенные летописцем, подтверждаются другими источниками (как письменными, так и археологическими) [];

2) *нет*, это вымысел ее составителя [];

3) возможно это всего лишь метафора: от страха и печали Ярополк не мог найти себе места (версия Д. И. Иловайского) [];

4) иная аргументация _____

8. Почему летописцы не сообщают о трудностях, которые могли возникнуть у рязанцев с поисками Ярополка «в Воронеже»?

1) значит, в древнейших летописях речь идет о городе, а не об области, которая протянулась вдоль реки Воронеж более чем на 300 километров [];

2) Ярополк скрывался в верховьях реки Воронеж, а это значительно сужало район поисков [];

3) рязанцы знали, где искать беглеца, поэтому поиски Ярополка и его доставка во Владимир не заняли много времени [];

4) другая версия _____

9. Является ли символическое изображение города Воронежа на миниатюре Лицевого летописного свода Ивана Грозного под 1237 г. еще одним доказательством его существования в домонгольский период?

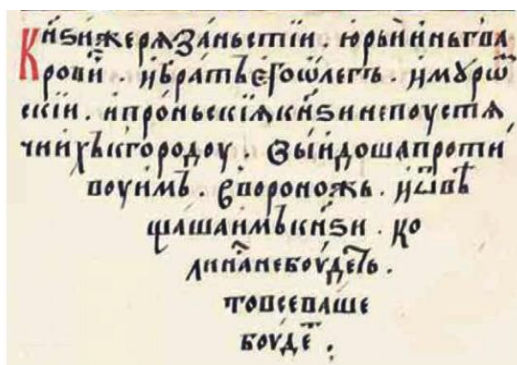
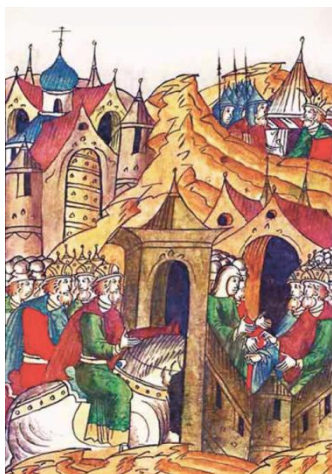

Рис. 1. Рязанские князья и послы Батыя в Воронеже. Голицынский том Свода (Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург), IV, 225, л. 303 об.)

1) *да*, т.к. эта миниатюра датируется 60–70-ми гг. XVI в., когда современный Воронеж еще не был основан [];

2) *нет*, т.к. в тексте летописи, который иллюстрирует миниатюра, отсутствует уточнение, что рязанские послы отправились на встречу с Батыем в *город* «Воронеж» (по другим источникам это была река) [];

3) иная аргументация _____

10. Является ли карта Карла фон Шпрунера «Народы и княжества славян между Эльбой и Доном до 1125 г.» новым источником для изучения истории древнего Воронежа?

Рис. 2 Карта Карла фон Шпрунера (Готский альманах. Мюнхен, 1852)

1) *да*, эта карта, говоря словами опубликовавшего ее в 1986 г. краеведа В. Н. Душутина, «перечеркивает все доводы противников существования г. Воронежа до 1585 г.» [];

2) карта Шпрунера составлена в середине XIX в. и не может быть признана достоверным источником [];

3) другой вариант ответа _____

11. Возможно ли существование древнерусского г. Воронежа в XII-XIII вв.?

1) *да* [];

2) *нет* [];

3) пока на этот вопрос нельзя дать четкий ответ [];

4) другое мнение _____

12. Для решения вопроса о древнем Воронеже необходимо: (можно указать все варианты и добавить свое мнение)

1) раскрыть «тайну предлога», который стоял в первоисточнике – Владимирском своде 1177 г. («в» или «на») [];

2) привлечь к изучению темы другие письменные источники («Велесова книга», «Сказания родословия», «Духовное завещание царя Иоанна Васильевича» и т.п.) [];

3) продолжить археологические поиски [];

4) провести комплексное исследование вопроса с привлечением данных древней топонимики, истории, археологии и других гуманитарных наук [];

5) изучить историю споров о «летописном Воронеже», чтобы лучше понять причины разногласий между исследователями и их мотивацию [];

6) этот спор не закончится никогда [];

7) другое _____

13. Какие археологические открытия смогут убедить скептиков в существовании древнерусского города Воронежа?

1) обнаружение следов пребывания князя Ярополка на одном из воронежских городищ [];

- 2) доказательства существования на реке Воронеж укрепленного поселения XII-XIII вв., которое могло выполнять функции административного центра [];
- 3) находка берестяной грамоты с упоминанием о граде Воронеже [];
- 4) что-то другое _____

14. Какое городище больше всего подходит для локализации древнего Воронежа?

- 1) Старое городище на месте современного Воронежа [];
- 2) Казарское городище [];
- 3) Романово городище [];
- 4) Животинное городище [];
- 5) Семилукское городище [];
- 6) пока никакое [];
- 7) другое городище _____

15. Ваше отношение к версии современных рязанских и липецких исследователей о существовании в Рязанском княжестве волости «Воронеж» (какие аргументы заслуживают внимания):

- 1) данная версия имеет право на существование, т.к. в бассейне реки Воронеж известно как минимум три града и больше двух десятков укрепленных селищ XII-XIII вв. [];
- 2) да, с 1175 по 1177 гг. «Воронеж» мог находиться в управлении шурина рязанского князя Глеба – Ярополка Ростиславича, который перед этим был великим владимирским князем [];
- 3) нет никаких доказательств длительного пребывания Ярополка в «Воронеже» до его бегства сюда в феврале 1177 г. [];
- 4) другое мнение _____

16. Ваше отношение к новой интерпретации проблемы летописного Воронежа в книге П. А. Попова «Воронеж: древнее слово и древние города» (2016):

- 1) автор отказывается видеть в слове «Воронеж» древнерусский город XII в., расширяя его содержание до природно-исторической области (существующей с VIII-IX вв.), что выводит вопрос о летописном Воронеже на новый уровень изучения [];
- 2) попытка совмещения возможных значений слова «Воронеж» (река, город, область) при помощи искусственно сконструированного «макротопонима» – особой природно-исторической области с комплексом древнеславянских городов и поселков – это, по сути, уход от решения вопроса о летописном Воронеже [];
- 3) другое мнение _____

17. Кто и зачем мог дать г. Воронежу имя по названию реки?

- 1) сами местные жители, т.к. славяне часто называли свои поселения по рекам, на берегах которых они возникали [];
- 2) местный правитель (например, князь Ярополк), чтобы выделить центр своей воронежской волости [];
- 3) представители центральной власти, чтобы обозначить местоположение пограничного города, как это было в 1585 г. [];
- 4) другое объяснение _____

18. Почему отсутствие научных доказательств существования г. Воронежа в 1177 г. не может поставить точку в спорах о летописном Воронеже? (можно указать все варианты и добавить свое объяснение)

- 1) возможность привлечения к изучению темы новых источников и расширения области поиска решений [];
- 2) многие историки по-прежнему допускают *возможность* существования древнего Воронежа до тех пор, пока не будет доказано обратное [];

3) в настоящее время исследователи сосредоточились на изучении «летописного Воронежа» как природно-исторической области, а также административно-территориальной единицы Рязанского княжества, а проблема локализации ее центра отошла на второй план [];

4) это уже давно не научная проблема [].

5) другое объяснение _____

Список источников и литературы

1. Аббасов, А. (1993). *Летописный Воронеж* // Воронеж. Историко-краеведческий сборник. Воронеж: ВИГО «Генезис». С. 33–39.
2. Амелкин, А. (1999). *Летописный Воронеж* // Липецкая энциклопедия: в 3 т. Т. 1. Липецк: Липецкое изд-во. С. 225.
3. Арциховский, А. В. (1944). *Древнерусские миниатюры как исторический источник*. Москва: МГУ. 213 с.
4. Блаженнов, В. А. (2012). *Отчизноведение: учеб. пособие*. Воронеж: ВГПУ. 74 с.
5. Винников, А. З. (1998). *Еще раз о летописном Воронеже* // Из истории Воронежского края: сб. статей. Вып. 7. Воронеж: учеб. лит-ра. С. 5-12.
6. Горбунов, Б. В. (1995). *Воронеж летописный* // Рязанская энциклопедия. Рязань: Т-во «Рязанская энциклопедия». С. 124.
7. Душутин, В. (1986). *Загадка карты Карла ф. Шпурнера* // За культуру обслуживания. 3 янв.
8. Загоровский, В. П. (1971). *О древнем Воронеже и слове «Воронеж»*. Воронеж: ВГУ. 100 с.
9. Иловайский, Д. (1858). *История Рязанского княжества*. Москва: Университетская тип. 331 с.
10. Мокшин, Г. Н. (2021). *Споры о летописном Воронеже как историографическая проблема* // Культурный слой: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. «П-е Зверевские чтения – культурный слой города: исторический, археологический, этнографический аспекты». Воронеж: Гос. инспекция ист.-культ. наследия. С. 9-16.
11. Соловьев, С. М. [1851]. *История России с древнейших времен*. Т. 1–5. Санкт-Петербург: Общественная польза. 1726 стб.
12. Чернецов, А. В. (2018). *Нашествие Батыя на Рязанскую землю на миниатюрах XVI в.* // Краткие сообщения Института археологии. № 251. Москва: Ин-т археологии РАН. С. 303-313.
13. Щавелев, С. П. (2015). *Горизонты и тупики исторического краеведения в России* // История и историческая память. Вып. 12. Саратов: СГУ. С. 134-155.

References

1. Abbasov, A. (1993). *Letopisnyj Voronezh* [Annalistic Voronezh] in Voronezh. Istoriko-kraevedcheskij sbornik. Voronezh, Genesis Publ., 33–39. (in Russian).
2. Amel'kin, A. (1999). *Letopisnyj Voronezh* [Annalistic Voronezh] in Lipeckaja jenciklopedija: v 3 t. T. 1. Lipetsk, Lipetskoe izd-vo, 225. (in Russian).
3. Arcihovskij, A. V. *Drevnerusskie miniatjury kak istoricheskij istochnik* [Old Russian miniatures as a historical source]. Moscow, MGU Publ., 1944. (in Russian).
4. Blazhenov, V. A. (2012). *Otchiznovedenie: ucheb. posobie* [Fatherland Studies: textbook]. Voronezh, VGPU Publ.. (in Russian).

5. Vinnikov, A. Z. (1998). *Eshhe raz o letopisnom Voronezhe* [Once again about annalistic Voronezh] in *Iz istorii Voronezhskogo kraja: sb. statej*, v. 7. Voronezh, ucheb. lit-ra, 5-12. (in Russian).
6. Gorbunov, B. V. (1995). *Voronezh letopisnyj* [Voronezh chronicles] in *Rjazanskaja jenciklopedija*. Ryazan, Ryazanskaya entsiklopediya Publ., 124. (in Russian).
7. Dushutin, V. (1986). *Zagadka karty Karla f. Shpurnera* [The Enigma of the Karl F. Spurner Map The Enigma of the Karl F. Spurner Map] in *Za kul'turu obsluzhivaniya*, 3. (in Russian).
8. Zagorovskij, V. P. (1971). *O drevnem Voronezhe i slove «Voronezh»* [About ancient Voronezh and the word "Voronezh"]. Voronezh, VGU Publ. (in Russian).
9. Ilovajskij, D. (1858). *Istorija Rjazanskogo knjazhestva* [History of the Ryazan Principality]. Moscow, Universitetskaya tip. (in Russian).
10. Mokshin, G. N. (2021). *Spory o letopisnom Voronezhe kak istoriograficheskaja problema* [Disputes about the annalistic Voronezh as a historiographical problem Disputes about the annalistic Voronezh as a historiographical problem] in *Kul'turnyj sloj. Mat-ly mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «II-e Zverevskie chtenija – kul'turnyj sloj goroda: istoricheskij, arheologicheskij, jetnograficheskij aspekty»*. Voronezh, Gos. inspektsiya ist.-kul't. naslediya, 9-16. (in Russian).
11. Solov'ev, S. M. [1851]. *Istorija Rossii s drevnejshih vremen. T. 1–5*. [History of Russia since ancient times. T. 1-5]. St. Petersburg, Obshchestvennaya pol'za Publ. (in Russian).
12. Chernecov, A. V. (2018). *Nashestvie Batyja na Rjazanskuju zemlju na miniatjurah XVI v.* [Baty's invasion of the Ryazan land in 16th-century miniatures] in *Kratkie soobshhenija Instituta arheologii*, 251. Moscow, In-t arheologii RAN, 303-313. (in Russian).
13. Shhavelev, S. P. (2015). *Gorizonty i tupiki istoricheskogo kraevedenija v Rossii* [Horizons and dead ends of historical local history in Russia] in *Istorija i istoricheskaja pamjat'*, 12. Saratov, SGU Publ., 134-155. (in Russian).

XVII ВЕК

Глазьев В. Н.
(Воронеж)

УДК 94(47).046

**КОНФЛИКТЫ АДМИНИСТРАТОРОВ ГОРОДОВ-КРЕПОСТЕЙ ЮГА РОССИИ
В XVII в.: ПОВОДЫ, МЕХАНИЗМЫ РАЗРЕШЕНИЯ**

Статья посвящена изучению конфликтов среди представителей администрации городов-крепостей Юга России в XVII в. Причины возникновения и способы разрешения конфликтов вызывают большой интерес, поскольку показывают специфику организации управления пограничным регионом. В пограничных городах-крепостях Юга России конфликты возникали очень часто. Воеводы, стрелецкие и казачьи головы, осадные головы, губные старосты постоянно писали жалобы по любому поводу на своих коллег. Чаще всего, причиной для разногласий становились неподчинение воеводе, недостаточное разделение функций, попытки воевод ограничить полномочия других должностных лиц. Противоречия местных начальников разбирались в московских приказах. Центральная власть производила розыск, определяла и наказывала виновных. Принятые от имени царя решения укрепляли авторитет верховной власти, способствовали стабилизации внутренней обстановки на южных окраинах государства. Высшим арбитром местного уровня был воевода, который часто конфликтовал с местным головой. Если сам воевода был участником спора, то он писал жалобу в Разряд с обвинениями в адрес другой стороны. Если такой же жалобы от другой стороны не поступало, то в город направлялась грамота с указанием голове слушать воеводу. Если обвиненная сторона присылала отписку с объяснением своих действий, то в город назначался специальный сыщик. В конфликтах проявлялось недостаточное разграничение полномочий должностных лиц, подведомственность разным московским приказам, личные амбиции.

Ключевые слова: Россия, XVII в., южное пограничье, воеводы, головы, стрельцы, казаки, губные старосты, конфликты администраторов.

The article is devoted to the study of conflicts among representatives of the administration of the fortress cities of the South of Russia in the 17th century. The causes and methods of conflict resolution are of great interest. These reasons demonstrate the specifics of the organization of management of the border region. In the border fortresses of Russia, conflicts arose very often. Governors, musketeer and Cossack heads, siege heads, elders constantly wrote complaints about their colleagues. Most often, the cause for disagreement was disobedience to the governor, insufficient division of functions, attempts by the governor to limit the powers of other officials. The contradictions of the local chiefs were sorted out in the Moscow orders. The central government carried out a search, identified and punished the perpetrators. The decisions taken on behalf of the king strengthened the authority of the supreme power, contributed to the stabilization of the internal situation in the southern outskirts of the state. The supreme arbiter of the local level was the governor, who often clashed with the local head. If the governor himself was a participant in the dispute, then he wrote a complaint to the Discharge with accusations against the other side. If there were no complaints from the other side, then a letter was sent to the city instructing the head to listen to the governor. If the accused party sent a reply explaining their actions, then a special detective was appointed to the city. In conflicts, insufficient delimitation of the powers of officials, subordination to various Moscow orders, and personal ambitions were manifested.

Keywords: Russia, 17th century, southern borderland, governors, heads, archers, cossacks, labial elders, conflicts of administrators.

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-31-2-69-77

В южных пограничных крепостях, как и в других регионах, постоянно возникали бытовые конфликты по поводу имущества, защиты чести и собственного достоинства [8, с. 132-141]. При этом особое внимание центральной власти привлекали противоречия администраторов. Ключевые фигуры местной власти в городах-крепостях юга России в XVII в. – воеводы, стрелецкие и казачьи головы, осадные головы, губные старосты. С точки зрения московских приказов, все должностные лица были обязаны действовать слаженно и согласованно. Разрядный приказ, в чьем ведении находились города юга, выделял воеводу как первое лицо в местном управлении. Однако на практике между администраторами возникали острые конфликты, и центральные власти были вынуждены производить разбирательства и прекращать споры на местах.

Проблема несогласованности в действиях должностных лиц, ожесточенных споров между ними существовала и ранее, до XVII в. Так, в Ельце в 1592 г. вспыхнул острый конфликт между воеводой кн. А. Д. Звенигородским и головой И. Н. Мясным по поводу распоряжения стрелецкими сотниками и стрельцами, выставления караулов, замыкания городских ворот, получения вестей о важнейших событиях. Одновременно возникли противоречия между стрелецким и казачьим сотниками. В ответ на жалобы елецких начальников друг на друга в Москве попытались более четко разграничить их полномочия и призвали действовать «сообща ... безо всякие розни» [10, с. 113-115, 149-151, 154-156, 159-163, 164-165].

В Воронеже в 1594 г. воевода И. Ф. Кобяков извещал Москву о претензиях казаков к казачьему голове в несправедном суде и расправе. Между казачьим головой и казачьими сотниками, между стрелецким головой и стрелецкими сотниками возникали споры о владении списками служилых людей, без которых ими невозможно было управлять. Воевода и головы по-разному относились к возвращению прежним владельцам беглых крестьян, записавшихся в служилые люди. В грамотах из Посольского приказа воронежские руководители порицались за «рознь». Воевода и казачий голова призывались действовать сообща, «заедин» [4, с. 23, 27, 29].

На протяжении XVII в. противоречия чаще всего возникали между воеводами, с одной стороны, стрелецкими и казачьими головами – с другой. Как правило, управление стрельцами и казаками объединялось в руках одного головы, иногда в города юга России назначались отдельно стрелецкие и отдельно казачьи головы.

Основной повод для конфликта – непослушание стрелецкого головы воеводе. 11 октября 1622 г. ряжский воевода А. Чубаров посылал служилых людей против ногайских татар, идущих на Русь. По его словам, казачий голова Я. Протопопов «в поход за татары из Рязского не пошел и козаков не дал». По этому поводу Разрядный приказ запрашивал распоряжений из Стрелецкого приказа, в чьем ведении находились казаки и казачий голова. В Ряжск было направлено предписание: за непослушание Я. Протопопова посадить в тюрьму на неделю. Но на этом история не закончилась. Я. Протопопов известил Разряд о том, что воевода солгал, на самом деле казачий голова был готов идти в поход вместе с казаками, но А. Чубаров его не пустил. По этому эпизоду в Москве был назначен сыск. В Ряжск послался сыщик, которых должен был опросить служилых и посадских людей и привезти в Разряд материалы.

В марте 1623 г. данковский воевода, исполняя предписание Разряда, приступил к переписи стрелецких и казачьих детей, братьев и племянников, которым надлежало указать места на укреплениях во время вражеской осады. Стрелецкий и казачий голова Л. Полуек-

тов не позволил это сделать, сказав: «нет тебе до стрелецких и до казачьих братьи и племянников дела, у меня [они] написаны в наказе из Стрелецкого приказа».

21 февраля 1623 г. в Лебедянь приехал новый стрелецкий и казачий голова А. Оксеньев. Воеводе М. Мещерскому по грамоте из Стрелецкого приказа запрещалось вмешиваться в судебные дела с участием стрельцов и казаков, привлекать в съезжую избу для поручений денщиков из числа стрельцов и казаков, воевода мог направлять стрельцов и казаков в посылки только по грамотам из Стрелецкого приказа. Воевода сетовал, что без стрельцов и казаков ему исполнять указ будет трудно. В свою очередь, голова в июне того же года обвинил воеводу в том, что тот притесняет стрельцов и казаков, заставляет на себя работать, а его, голову, хочет из Лебедяни выгнать. М. Мещерский отрицал обвинения и, в свою очередь, писал о злоупотреблениях головы [13, л. 105-108, 192-200, 372-377, 423-427, 511, 535-536].

Неподчинение стрелецких и казачьих голов воеводам в 1623 г., по мнению Разрядного приказа, приобрело массовый характер: «Пишут из городов воеводы, что головы стрелецкие и казачьи в городех воевод ни в каких государевых делех не слушают, и казаком, и стрельцом своих приказов в городех воевод слушати ни в чем не велят, и в посылки за тотары посылать, и для иных никаких государевых дел головы казаков и стрельцов воеводам не дают». Разряд настаивал на посылке грамоты из Стрелецкого приказа в города с предписанием головам подчиняться воеводам [13, л. 496].

В дальнейшем проблема противоречий воевод и казачьих и стрелецких голов сохранялась. В ходе конфликта в 1635 г. валуйского воеводы И. Байкова и стрелецкого и казачьего головы В. Каменева служилые люди голову «учинили себе воеводою». В условиях обострения угрозы татарских нападений голова не повиновался воеводе и даже призывал разбегаться по лесам [9, с. 232-233].

В ноябре 1630 г. воронежский воевода С. Львов готовил крепость к осаде на случай нападения войск из Речи Посполитой. Однако стрельцы, казаки и их родственники жили за острогом «от города версты по две, и по три, и по пяти, и по шести, и по десяти, и больши, а в остроге дворы их пусты». В то же время голова В. Шайдур не передал списки казачьих и стрелецких родственников в съезжую избу, не проверял караулы по городу и острогу и не ездил для совета к воеводе [11, л. 487].

Воронежские стрельцы и казаки не переселялись в острог и позже. В июне 1635 г. воевода сообщал, что «многие стрельцы и казаки живут в гумнах по слободам, а иные в уезде от города верст по пяти и больше». В остроге живет немного стрельцов и казаков, «большая половина живут за острогом». По словам воеводы, стрельцы и казаки поселились за острогом при прежних воеводах [12, л. 374].

В связи с участвовавшими татарскими набегами в 1642-1643 гг. численность воронежских стрельцов и казаков была увеличена. Головой у «старых» стрельцов и казаков остался иногородний служилый человек Т. К. Семичев. К новоприборным стрельцам и казакам головой был назначен воронежский сын боярский В. М. Струков.

Если стрелецкий и казачий голова В. М. Струков поддерживал воеводу А. Ф. Бобарыкина, то между Т. К. Семичевым и воеводой возникли острые разногласия. В 1644 г. воевода получил приказ переселить в город из сел и деревень стрельцов и казаков. Он отмерил им дворные места, но ни один стрелец и казак не переселился. Как считал воевода, Т. К. Семичев разрешил служилым людям не переезжать в город. Воевода передавал слова стрельцов и казаков: «и к прежним воеводам о том такие же указы бывали и они нам дворов в городе и в остроге строить не велели и нас тем не неволили». А. Ф. Бобарыкин жаловался, что стрельцы и казаки его не слушают, «лают матерны» и грозят убить, а поддерживал их неповиновение Т. К. Семичев. Воевода также извещал, что голова выпускал из города каких-то людей «через острог по веревке ночью». В свою очередь, Т. К. Семичев писал в Мо-

ску, что воевода оставляет городские ворота ночью незапертыми до пятого, и до шестого часа, «и до кур». Через незапертые ворота в город приезжают сторонники воеводы из числа местного духовенства [14, л. 7-12, 106-108, 109-111].

Воевода г. Вольного в отписке, составленной в августе 1652 г., сообщал, что прибывший в город стрелецкий и казачий голова показал воеводе грамоту из Стрелецкого приказа с предписанием ведать стрельцов и казаков только голове, а не воеводе. Голова не должен был слушать никаких грамот, кроме посланных из Стрелецкого приказа. Имея на руках такое письменное предписание, голова повел себя независимо. В ответ на требование воеводы – выделить стрельцов и казаков для сторож и караулов – он отвечал отказом. В распоряжении воеводы осталось всего лишь около 100 человек, которых было явно недостаточно для сторожевой и караульной службы в расположенном в пограничье городе [1, с. 293].

Приведенные документы показывают, что до середины XVII в. одна часть южнорусских служилых людей – дети боярские, станичники – находилась в ведении Разрядного приказа, другая – стрельцы и казаки – состояла под юрисдикцией Стрелецкого приказа. Это обстоятельство создавало излишнюю дробность в управлении, что наносило вред обороне порубежных городов.

Управленческая проблема решалась в период военно-административной реформы 1658 г., в ходе которой был образован Белгородский полк и особый территориальный округ – Белгородский разряд [21, с. 131-136]. 28 февраля 1658 г. стрелецкие головы, сотники и рядовые стрельцы из городов по Белгородской черте: Белгорода, Вольного, Хотмышска, Яблонова, Усерда, Ольшанска, Воронежа были переданы в ведение Разрядного приказа. Списки голов и сотников переслали из Стрелецкого приказа в Разряд [16, л. 160-162]. Но стрельцы и казаки городов «в черте» остались под руководством Стрелецкого приказа.

В одном из городов «в черте» Ельце в 1672 г. стрелецкий и казачий голова И. Овсянников не подчинился воеводе, «беспестанно пил и бражничал». Когда в моменты угрозы татарских нападений били в вестовой колокол, голова не приходил в съезжую избу к воеводе из-за «пьянства и дурости». Смотри на такое поведение головы елецкие стрельцы и казаки не слушались воеводу, отказывались платить налог – четвериковый хлеб, не являлись к смотру [17, л. 37-38].

Такое положение сохранялось до 12 ноября 1680 г., когда стрельцы и казаки из городов «в черте»: Мценска, Новосиля, Курска, Старого Оскола, Ельца, Лебедяни, Ливен, Черни, Данкова были приписаны к солдатским полкам и подчинены Разрядному приказу. Аналогичная мера была принята в отношении городовых стрельцов Новгородского, Севского, Тамбовского полков.

Конфликты воевод и голов продолжались и в городах на Белгородской черте. 15 сентября 1675 г. воронежским стрелецким головой был назначен кормовой иноземец Степан Абуджеев сын Акжеев, имевший чин жильца. Двумя годами ранее он приехал в Россию на службу к царю Алексею Михайловичу. Выходец из Крыма крестился и стал именоваться Степаном Парфеньевичем Акжеевым. С воронежским воеводой Г. Х. Волковым у головы вспыхнул конфликт, в которых были втянуты воронежцы. Воевода приписывал Акжееву намерение бежать в Крым и якобы сказанные слова: «От Воронежа степь не загорожена». Обвинения в адрес стрелецкого головы не подтвердились [4, с. 128-138].

С назначением в феврале 1691 г. иноземца солдатского подполковника Ю. Шарфа головой к воронежским стрельцам и казакам связана попытка правительства повысить их боеспособность. Выходец из Пруссии Ю. Шарф получил поручение научить воронежских стрельцов и казаков солдатскому строю. Однако служилые люди с неприязнью относились к иноземцу, который, вопреки вековой традиции, требовал от них выполнения военных упражнений. К тому же стрельцов и казаков беспрестанно отрывали от учения, направляя в

дальние посылки. В сентябре 1692 г. воронежские стрельцы и казаки обратились в Разряд с челобитной об отзыве Ю. Шарфа. Они писали, что голова ведает их «по иноземному обычаю», совершает по отношению к ним притеснения и грабеж. В свою очередь, Ю. Шарф признал неудачу: «И они в два года учения не переняли» [18, л. 32-48].

К тому же у Ю. Шарфа вспыхнул острый конфликт с воеводой М. И. Леонтьевым. Леонтьева возмущало то, что голова не выполняет его приказов по усилению караулов у крепостных ворот. Между тем имелись сведения о возможном приходе крымских татар на южные русские города. Во время одной из ссор голова схватился за шпагу, воевода за нож. Через несколько дней в Москве брат Юрия полковник Александр Шарф известил о том, что Михаил Леонтьев брату «перерезал шею и жилы от левого уха до глотки». Разрядный приказ срочно назначил сыщика по этому делу и велел ему, не медля, отбыть в Воронеж и приступить к расследованию.

Сыщик Федосей Козин приехал в Воронеж и вызвал к себе для допроса Леонтьева и Шарфа. Но в течение пяти дней ни тот, ни другой у сыщика не появились. И тут в конфликте проявилась миротворческая роль святителя Митрофана. На шестой день епископ пригласил Козина к себе. В дом к Митрофану явились воевода и голова и, выслушав увещевания святителя, помирились. Бывшие враги подписали мировые записи и оставили их на хранение епископу. Тем не менее Козин продолжал розыск. Обвинения, выдвинутые воеводой против головы, частично подтверждались [3, с. 151].

С мая 1693 г. новым воронежским стрелецким и казачьим головой стал курский дворянин С. Ф. Мальцев. И у него не складывались взаимоотношения с воеводой М. И. Леонтьевым. Последний обвинял голову в непослушании: не высылает стрельцов и казаков на дальнюю службу в Новобогородицк, не выставляет караулов, привлекает к службе малых детей. Розыск по данным обвинениям был поручен коротоякскому воеводе И. Кишкину. «Непослушание» С. Ф. Мальцева подтвердилось и он был выслан из Воронежа в Москву к ответу до истечения срока [19, л. 172-180].

Очередной конфликт вспыхнул в мае 1697 г. между воронежским стрелецким и казачьим головой С. Г. Торпановым и воеводой Д. Полонским. Поводом к нему стало право распоряжаться стрельцами и казаками. Служилые люди не остались безучастными наблюдателями распрей местных начальников. Стрелецкие пятидесятники обратились в Разряд с обличением произвола Д. Полонского. Стрелецкие пятидесятники отмечали, что воевода грозит им кнутом, а также собирает стрелецких жен к смотру «незнаемо для чего». Челобитчики требовали сохранения своей подведомственности стрелецкому голове, а не воеводе [20, л. 12, 12 об.]. Руководитель Разряда Т. Н. Стрешнев приказал произвести розыск по делу о конфликте воеводы и головы стольнику С. Грибоедову, но подчиненность стрельцов и казаков С. Г. Торпанову была безоговорочно сохранена [20, л. 32-37]. Не последнюю роль в этом, видимо, сыграла челобитная стрелецких пятидесятников.

Одной из основных причин конфликтов воевод, с одной стороны, стрелецких и казачьих голов – с другой, было несоответствие задач, поставленных перед воеводой и находящимися в его непосредственном подчинении людьми. Основная часть городских служилых людей – стрельцы и казаки – подчинялись головам. Воеводе для того, чтобы направлять людей в посылки, ставить на караулы, приходилось обращаться к голове. Голова не всегда считал нужным выполнять воеводские распоряжения.

В отличие от многочисленных конфликтов воевод, с одной стороны, стрелецких и казачьих голов – с другой, происходящих на всем протяжении XVII столетия, разногласий осадных голов и воевод в городах южного пограничья мне не известно [5, с. 44-49]. Если они и происходили, то в незначительном количестве. Руководивший нарядом осадный голова, как правило, подчинялся воеводе в соответствии с полученными в Москве указания-

ми. Так, в наказе орловскому осадному голове В. Юрлову от 30 июня 1641 г. предписывалось: «о всяких делах сказывать воеводе и быти у воеводы в послушании» [15, л. 26].

В документах сохранились сведения о конфликтах воевод и губных старост. В 1644 г. в Курске губной староста В. Анненков стремился не допустить, чтобы воевода И. Спешнев распорядился татейной и разбойной тюрьмой. По словам воеводы, губной староста даже бросил на пол указную грамоту. В свою очередь, В. Анненков сообщал, что воевода бил его по щекам и дергал за бороду. Тем не менее, Разрядный приказ расценил события как бесчестие воеводы и назначил сыск.

Против попыток воеводы А. Ф. Бобарыкина вмешиваться в губные дела выступил в 1644 г. воронежский губной староста П. К. Толмачев. Губной староста отказался ехать в уезд по указанию воеводы, а про главу Иноземного приказа боярина Ф. И. Шереметева сказал «невежливое слово». Впоследствии за бесчестие боярина П. К. Толмачев был посажен в тюрьму на две недели и бит кнутом. Но против А. Ф. Бобарыкина выступали и другие воронежцы, он притеснял людей, поэтому на воеводу была составлена коллективная челобитная. Представители горожан возили документ в Москву. По челобитной был назначен сыск и А. Ф. Бобарыкин был переименован «по городскому челобитью» [2, с. 90-100].

В Ельце в 1689 г. воевода Н. Р. Городецкий, заплативший за свою оплошность штраф в 100 руб., пытался взыскать эти деньги с губного старосты А. Дегтярева. Воевода посадил губного старосту в тюрьму, бил и пытал. В это время губные дела оставались не решенными. Сын губного старосты Б. Дегтярев, ссылаясь на царский указ и распоряжение Приказа сыскных дел заявлял, что «губные дела велено ведать губным старостам, а не воеводам» [8, с. 176-181].

В конфликтах воевод и губных старост также проявлялась разная подведомственность должностных лиц. Воевод от имени царя назначал, выдавал наказания, непосредственно руководил деятельностью Разрядный приказ. Губной староста был подчинен Разбойному приказу, впоследствии называвшемуся Приказом сыскных дел. В разрешении противоречий воевод и губных старост участвовали оба столичных ведомства. В то же время разногласия лиц губного управления рассматривались только в Разбойном приказе. В частности, в Разбойном приказе разбирались конфликты между губным старостой и губным подьячим в Воронеже [2, с. 210].

В первой трети XVII в. возникали споры между первым и вторым воеводами. Второй воронежский воевода А. В. Лодыгин написал в Москву о том, что князь В. Р. Пронский забирал к себе на двор «государевы запасы», собранные для послов – хлеб, вино, мед – и раздавал их без царского указа. Кроме того, А. В. Лодыгин обвинял В. Р. Пронского в роспуске по домам служилых людей. Правительство придало серьезное значение этим обвинениям. Для проверки сведений, сообщенных Лодыгиным, из Москвы в Воронеж был послан дворянин, который проводил розыск, опрашивая свидетелей [3, с. 43-44]. Впоследствии Разряд отказался от практики назначения вторых воевод в южные русские города.

В конце XVII в. в города юга посылались подьячие с приписью. Это были квалифицированные служащие московских приказов, на которых центральная власть возлагала функции помощников воевод. Воеводы смотрели на них как на конкурентов и всячески препятствовали их деятельности. В 1698 г. воронежский воевода Д. В. Полонский старался отстранить от дел подьячего с приписью П. Яковлева. Д. В. Полонский перенес центр управления городскими делами из приказной избы в воеводские хоромы. По сообщению подьячего, воевода «дела делает в доме у себя, таясь ево (подьячего – В. Г.), и помечает челобитчиковы и всякие дела своею рукою, а ему помечать никаких дел не дает, и имя его в наказных памятях не пишет». Д. В. Полонский своими действиями нарушал право П. Яковлева на соучастие в управлении городскими делами. Воевода даже лишил подьячего с приписью рабочего места в приказной избе: велел на лавку, где в приказной избе сидел и рабо-

тал П. Яковлев, наставить до самого потолка коробок и сундуков. Подьячий остался не у дел и был вынужден уехать из Воронежа в Москву [7, с. 108]. Новым подьячим с приписью был назначен воронежец И. Моторин. К нему проявлять неуважение воевода не смел. И. Моторин был самым толковым среди воронежских подьячих, но, самое главное, в его доме в 1696 г. останавливался сам царь Петр I [4, с. 223-225].

Как разрешались эти конфликты. Как правило, воевода писал отписку в Разряд с обвинениями в адрес другой стороны. Если отписки от другой стороны не поступало, то в город направлялась грамота с указанием голове слушать воеводу. Если обвиненная сторона присылала отписку с объяснением своих действий, то в город назначался сыщик.

Сыщик производил обыск: опрашивал свидетелей, их показания записывались, материалы сыска отсылались в Москву. Решение могло включать заключение виновного в тюрьму на короткий срок, телесное наказание, прекращение службы администратора досрочно. Выступая в качестве справедливого судьи, верховная власть повышала свой авторитет, способствовала сохранению внутренней стабильности в городах и уездах.

В конфликтах проявлялась недостаточная разграниченность полномочий должностных лиц, подведомственность разным московским приказам, личные амбиции. Хотя местничество официально не распространялось на лиц, не входящих в государев двор, местническая психология глубоко проникала вглубь служилого сословия и проявлялась, в том числе, в конфликтах местных администраторов.

Список источников и литературы

1. Акты Московского государства. (1894) СПб.: Тип. Акад. наук. Т. 2. 773 с.
2. Глазьев, В. Н. (2001). *Власть и общество на юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности*. Воронеж: Изд-во ВГУ. 429 с.
3. Глазьев, В. Н. (2007). *Воронежские воеводы и их окружение в XVI-XVII вв.* (2007). Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края. 168 с.
4. Глазьев, В. Н. (2018). *Очерки истории города Воронежа и Воронежского уезда в конце XVI – XVII веках*. Воронеж: Изд-во ВГУ. 421 с.
5. Глазьев, В. Н. (2019). *Осадные головы в городах южного российского пограничья в XVII в.* // Белгородская черта. Белгород: Константа, Вып. 4. С. 44-49.
6. Загоровский, В. П. (1969). *Белгородская черта*. Воронеж: Изд-во ВГУ. 304 с.
7. Камараули, Е. В. (2009). *Южнорусская приказная изба как учреждение местного управления во второй половине XVII в.* Воронеж: Истоки. 302 с.
8. Ляпин, Д. А. (2020). *На окраине царства: повседневная жизнь заселения Юга России в XVII в.* СПб.: Дмитрий Буланин. 420 с.
9. Новосельский, А. А. (1948). *Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.* М.; Л.: Изд-во АН СССР. 448 с.
10. *Российская крепость на южных рубежах*. (2001). Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592-1594 гг. Подгот. текста В. Н. Глазьев, А. В. Новосельцев / Вступит ст. В. Н. Глазьев, Н. А. Тропин. Елец: ЕГПИ. 532 с.
11. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 9. Стлб. Моск. Ст. Д. 58.
12. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 9. Стб. Московск. Ст. Д. 109.
13. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 10.
14. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 157.

15. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 578.
16. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 605.
17. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 772.
18. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 1366.
19. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1395.
20. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 17. Стб. Дополн. Отд. Д. 98. Столпик 7.
21. Фурсов, В. Н., Дудина, О. В. (2015). *Создание и функционирование Белгородского разряда как военно-административной и территориальной единицы России второй половины XVII в.* // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. № 7 (204). Вып. 34. С. 131-136.

References

1. Akty Moskovskogo gosudarstva. (1894) [Acts of the Moscow state]. St. Petersburg, Tip. Akad. Nauk, t. 2. (in Russian).
2. Glaz'ev V. N. (2001). *Vlast' i obshchestvo na yuge Rossii v XVII v.: protivodeystvie ugovnoy prestupnosti* [Power and society in the South of Russia in the XVII century: countering criminal crime]. Voronezh, Izd-vo VGU. (in Russian).
3. Glaz'ev V. N. (2007). *Voronezhskie voevody i ikh okruzhenie v XVI-XVII vv.* [Power and society in the south of Russia in the 17th century: combating criminality]. Voronezh, Tsentru dukhovnogo vrozozhdeniya Chernozemnogo kraja. (in Russian).
4. Glaz'ev V. N. (2018). *Ocherki istorii goroda Voronezha i Voronezhskogo uezda v kontse XVI – XVII vekakh* [Voronezh governors and their environment in the XVI-XVII centuries]. Voronezh, Izd-vo VGU. (in Russian).
5. Glaz'ev V. N. (2019). *Osadnye golovy v gorodakh yuzhnogo rossiyskogo pogranich'ya v XVII v.* [Siege heads in the cities of the southern Russian border in the 17th century] in *Belgorodskaya cherta*. Belgorod, Konstanta, vyp. 4, 44-49. (in Russian).
6. Zagorovskiy, V. P. (1969). *Belgorodskaya cherta* [Belgorod line]. Voronezh, Izd-vo VGU. (in Russian).
7. Kamarauli, E. V. (2009). *Yuzhnorusskaya prikaznaya izba kak uchrezhdenie mestnogo upravleniya vo vtoroy polovine XVII v.* [South Russian order hut as an institution of local government in the second half of the 17th century]. Voronezh, Istoki Publ. (in Russian).
8. Lyapin, D. A. (2020). *Na okraine tsarstva: povsednevnyaya zhizn' zaseleniya Yuga Rossii v XVII v.* [On the outskirts of the kingdom: daily life of the settlement of the South of Russia in the 17th century]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ. (in Russian).
9. Novosel'skiy, A. A. (1948). *Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoy polovine XVII v.* [The struggle of the Muscovite state with the Tatars in the first half of the 17th century]. Moscow, Leningrad, Izd-vo An SSSR. (in Russian).
10. *Rossiyskaya krepost' na yuzhnykh rubezhakh* (2001). [Russian fortress on the southern borders]. Dokumenty o stroitel'stve El'tsa, zaselenii goroda i okrestnostey v 1592-1594 gg. Podgot. teksta V. N. Glaz'ev, A. V. Novosel'tsev. Vstupit st. V. N. Glaz'ev, N. A. Tropin. Elets, EGPI Publ. (in Russian).
11. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 210. Op. 9. Stlb. Mosk. St. D. 58. (in Russian).

12. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 210. Op. 9. Stb. Moskovsk. St. D. 109. (in Russian).
13. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 210. Op. 12. Stb. Belgorodsk. st. D. 10. (in Russian).
14. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 210. Op. 12. Stb. Belgorodsk. st. D. 157. (in Russian).
15. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 210. Op. 12. Stb. Belgorodsk. st. D. 578. (in Russian).
16. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 210. Op. 12. Stb. Belgorodsk. st. D. 605. (in Russian).
17. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 210. Op. 12. Stb. Belgorodsk. st. D. 772. (in Russian).
18. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 210. Op. 12. Stb. Belgorodsk. st. D. 1366. (in Russian).
19. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 210. Op. 12. D. 1395. (in Russian).
20. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 210. Op. 17. Stb. Dopoln. otd. D. 98. Stolpik 7. (in Russian).
21. Fursov, V. N., Dudina, O. V. (2015). Sozдание i funktsionirovanie Belgorodskogo razryada kak voenno-administrativnoy i territorial'noy edinitsy Rossii vtoroy poloviny XVII v. [Creation and functioning of the Belgorod category as a military-administrative and territorial unit of Russia in the second half of the 17th century] in Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Politologiya. 7 (204), 34, 131-136. (in Russian).

Рыбалко Н. В.
(Волгоград)

УДК 930.1

ИЗУЧЕНИЕ ПРИКАЗНОГО АППАРАТА УПРАВЛЕНИЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В XXI ВЕКЕ

В конце XX – нач. XXI в. произошёл качественный поворот в изучении вопросов функционирования аппарата приказного управления Московского государства, начавшемся ещё в конце XVIII века. Это коснулось тематики исследований и применяемых методов. В связи с этим, оценка наметившихся современных тенденций в изучении приказных служащих как важнейшей социальной категории Московского государства представляется актуальной. При анализе историографии использован типологический метод, помогающий распознать индивидуальные особенности и оригинальность каждого исследования в общем потоке исторической мысли, и историко-системный метод, предполагающий выявление закономерностей и комплексный подход к изучению работ в рамках темы. В основе статьи – наиболее значимые исследования по истории приказного аппарата управления Московского государства XVI–XVII вв., проведенные с 2000 по 2021 год. Можно констатировать, что интерес к приказной системе Московского государства и ее деятелям только возрастает. Появилась возможность изучать генеалогию дьяческих родов, восстанавливать социальное происхождение и родственные связи, реконструировать личные и коллективные биографии, использовать междисциплинарные подходы из области психологии, культурологии, информатики. Значительно ускорить обработку и систематизацию разрозненных данных поможет цифровизация архивных документов и создание просопографических баз данных открытого типа.

Ключевые слова: историография XXI века, приказные служащие, история Московского государства, XVI век, XVII век.

The study of the functioning of the prikaz apparatus in the person of the figures of the central departments – clerks, as well as employees of the administration offices at the local level – began at the end of the 18th century. To date, a fairly large layer of information has been accumulated both on the activities of the prikaz institutions themselves, and on their personal composition. But still a huge number of questions have no answers. At the end of 20th – beginning of the 21st century there has been a qualitative turn in the subject of historical research and in methods. In this regard, an assessment of the trends that have emerged in the past 20 years in the study of clerks as the most important social category of the Moscow state seems relevant. The typological method was used, which helps to recognize the individual characteristics and originality of each study in the general stream of historical thought, and the historical-systemic method, which involves identifying patterns and an integrated approach to the study of works within a specific topic. The article is based on the most significant studies on the history of the administrative office of the Moscow State in the 16th – 17th centuries, carried out from 2000 to 2021. As a result of the study, it can be concluded that the interest in the prikaz system of the Moscow state and its leaders is only growing. Now there is an opportunity to study the genealogy of clerical families, restore social origin and family ties, reconstruct personal and collective biographies, use interdisciplinary approaches from the field of psychology, cultural studies, and informatics. The digitalization of archival documents and the creation of open-type prosopographic databases will significantly speed up the processing and systematization of disparate data.

Keywords: historiography XXI century, clerks, history of the Moscow state, XVI century, XVII century.

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-31-2-78-91

Изучение приказного аппарата управления Московского государства ведет свой отсчет с XVIII века. За более чем два столетия историкам и правоведам удалось получить представление о причинах образования приказной системы, основных функциях и назначениях московских приказов, об их чиновной структуре, изучался персональный состав центральных и местных учреждений. Подробные историографические обзоры трудов дореволюционного периода и XX в. по этим вопросам представлены Н. В. Рыбалко [40, с. 34-43], Д. В. Лисейцевым [20, с. 11-59], И. Г. Шишкиным [59], А. Ю. Савосичевым [49, с. 4-40]. В них отмечается, что работы Б. Н. Чичерина, Н. П. Лихачева, С. Б. Веселовского, А. А. Зимина, А. К. Леонтьева, Н. В. Устюгова, С. О. Шмидта, Н. Ф. Демидовой являются классическими базовыми исследованиями для изучения средневекового приказного аппарата управления Россией в XXI веке. Одновременно существовал интерес ученых к истории отдельных центральных государственных учреждений средневековой России и городов. В 1980 – 1990-е гг. приказный аппарат управления был рассмотрен в составе Государева двора отдельных правителей Московского государства в работах А. П. Павлова, В. И. Ульяновского, И. О. Тюменцева, И. Грали.

К концу XX в. историки отработали методику изучения персонального состава государственных учреждений, были получены представления о приказной среде в целом. Объективно намечена тенденция перехода к углубленному исследованию отдельных исторических периодов, учреждений с детализацией. В отечественную науку был введен термин «просопография», обозначающий методику работы – воссоздание исторической действительности путем изучения коллективных биографий.

Прошло 20 лет XXI столетия. Настало время подвести некоторые итоги и оценить, что же сделано в наши дни, в каком направлении развивается современная историческая наука, какие трудности приходится преодолевать ученым-историкам.

Проблемами состава и деятельности приказов, сбора и систематизации биографических данных приказных служащих Московского государства активно занимаются ученые в Институте Российской истории РАН. Деятельность Посольского приказа с момента его зарождения и до конца XVII в. изучена Н. М. Рогожиным [39]. Наряду с выяснением основных функций, делопроизводства приказа, отдельных дипломатических миссий и выявлением особенностей российской дипломатии ученый уделил внимание наиболее видным деятелям приказа: судье И. М. Висковатому, дипломатам и дьякам Щелкаловым, А. И. Власьеву, И. Т. Грамотину, П. А. Третьякову и др. Высоко оценив вклад относительно небольшого по численности штата Посольского приказа в развитие международных отношений России, Н. М. Рогожин заключил, что именно служащие Посольского приказа заложили основы и принципы российской дипломатии [38, с. 251].

Под руководством Н. М. Рогожина в начале 2000-х гг. были подготовлены и успешно защищены сразу две кандидатские диссертации, в центре внимания которых был Посольский приказ и его служащие: в 2000 г. – Д. В. Лисейцевым о деятельности Посольского приказа в Смуту начала XVII в., монография – 2003 г. [19]; в 2002 г. – А. В. Беляковым о Посольском приказе второй трети XVII в., монография – 2017 г. [2].

Параллельно в Челябинске в 1999 г. А. В. Захаров защитил кандидатскую диссертацию, изучив систему высших учреждений управления в России последней четверти XVII в. – начала XVIII в., в 2009 г. опубликована соответствующая монография [10] и продолжает заниматься всесторонними вопросами функционирования Государева двора, управления и делопроизводства в царствование Петра I [11 и др.].

В Санкт-Петербурге в 2000 г. К. В. Петров (под руководством Ю. Г. Алексева) защитил диссертацию о правовых аспектах функционирования приказной системы в конце

XV-XVII в., результаты опубликованы в одноименной монографии в 2005 г. [36]. В качестве источниковой базы историко-правового исследования автор использовал не только всем известные кодексы – судебники, а еще и дополнительные статьи, отраженные в многочисленных указных книгах разных приказов. Важным вкладом К. В. Петрова в развитие изучения приказной системы является публикация всех известных в настоящий момент описей Разрядного приказа XVII в., сопровождающаяся именным, географическим и предметным указателями [32].

В то же время в Волгограде в 2001 г. состоялась защита кандидатской диссертации Н. В. Рыбалко (автора данной статьи) о приказной бюрократии в Смутное время под научным руководством И. О. Тюменцева [40], доработанные материалы диссертации легли в основу монографии 2011 г. [41]. Анализ и сплошной просмотр отрывочно сохранившихся материалов официального делопроизводства и, большей частью, многочисленного актового материала, позволил реконструировать 700 биографий дьяков и подьячих центральных приказов и приказных изб городов с использованием метода просопографии. Служащие были распределены по приказам с учетом периодов правления царей в Смуту, изучены вопросы карьерного продвижения, социального происхождения и материального обеспечения дьяков и подьячих в Смуту. Главным выводом стало то, что управление в государстве в период Смуты находилось в руках не случайных людей, а управленцев-профессионалов независимо от конкретной политической ситуации. Работа продолжается в направлении изучения системы центрального и местного управления в Смуту, ведется исследование комплекса Соликамских актов Перми Великой [43; 44].

В 2002 г. появилось оригинальное исследование Н. Г. Юркина (под руководством В. С. Меметова) [61]. Главное внимание уделено, как пишет сам автор, «анализу уровня образования» приказных управленцев и их «морально-нравственных черт». В работе впервые рассматриваются такие аспекты, как нравственность, патриотизм, межличностные отношения с учетом должностных позиций, просвещение и обучение приказных служащих. Автор пришел к выводу, что, говоря о приказных служащих XVI-XVII вв., вполне можно оперировать такими категориями, как «патриотизм», «служение Родине», «справедливость», все это совмещалось с догматами православия, но не без отголосков языческой традиции. Н. Г. Юркин в завершении сделал осторожное предположение, что некоторых приказных управленцев вполне можно выделить в качестве людей нового типа и в перспективе рассматривать, соотнося с понятием «интеллигенция»(!).

Опыт биографического исследования был реализован в кандидатских диссертациях С. Г. Милюковым (личность и деятельность думного дьяка А. А. Винниуса) в 2000 г. [27] и С. В. Шишковым (личность и деятельность думного дьяка А. Я. Щелкалова) в 2002 г. [60]. Историки показали, что через изучение личного вклада административных деятелей в исторический процесс можно выявить принципы функционирования государственных учреждений.

В то же время у исследователей наблюдается постоянный интерес к изучению управления на местах. Этот вопрос рассматривается чаще регионально или на уровне краеведения. Но в целом работ по истории местного управления в разы меньше. Это объясняется сложностью выявления исторических источников местного уровня, сохранившихся фрагментарно и, преимущественно, в центральных архивах.

В 2000-х гг. продолжилось изучение местного управления в Сибири. В частности, к вопросам деятельности приказной администрации сибирских городов до сих пор обращается Я. Г. Солодкин [56 и др.]. Биографии воронежских воевод XVI-XVII вв. и их ближайшего окружения стали сферой интересов для В. Н. Глазьева [6]. В 2006 г. в Воронеже (под руководством В. Н. Глазьева) была защищена кандидатская диссертация Е. В. Камараули, посвященная изучению воеводских и приказных изб 14 южнорусских городов второй полови-

ны XVII века. Исследование опубликовано в 2009 г. [14]. Однако деятельность воевод – это особый вопрос, требующий отдельного изучения.

Общую характеристику новгородским приказам и их служащим в годы совместной новгородско-шведской администрации (1611-1617) дал А. А. Селин в ходе написания отдельных статей и монографии, посвященных новгородскому обществу начала XVII века в начале 2000-х гг. [51 и др.]. В основу исследования положена коллекция документов Новгородской приказной избы, хранящаяся в Государственном архиве Швеции. Насчитав в общей сложности более 250 человек новгородской администрации за указанный период, исследователь пришел к выводу, что, несмотря на некоторое повышение статуса новгородских учреждений, которые стали именоваться не приказными избами, а приказами, принципы делопроизводства в это время были «абсолютно идентичны московским» [52; 54]. Документы Посольского стола Новгородской приказной палаты стали основой обстоятельного труда А. А. Селина о функционировании русско-шведской границы в XVII в., включая вопросы военной сферы, международных отношений, дипломатии, управления, повседневной жизни, культуры Новгорода и Ингерманландии [53].

Продолжалось изучение центрального управления: в 2007 г. под руководством Н. М. Рогожина были защищены еще 2 кандидатские диссертации: 1) Б. А. Куненков закрыл пробел в изучении Посольского приказа XVII в. и охватил период правления Михаила Романова [18]; 2) И. А. Устинова сконцентрировала внимание на изучении Патриаршего приказа и его документации в Смутное время [57].

В 2008 г. О. В. Новохатко была защищена диссертация на соискание доктора исторических наук, основу которой составили документы Разрядного приказа 1676/77 года. Исследовательнице удалось изучить военное дело, административную деятельность служилых людей по отечеству, управление подведомственными Разряду территориями, судебную и финансовую функцию приказа за один год. Комплекс документов был настолько большой и разноплановый, что исследование оказалось вполне репрезентативным. Защите диссертации предшествовала публикация соответствующей монографии [30]. В настоящее время исследовательница продолжает изучать деятельность Разрядного приказа второй половины XVII века [29 и др.].

Приказное управление России конца XVII в. стало частью фундаментальной работы П. В. Седова, охватившей все основные вопросы функционирования царского двора Алексея Михайловича и Федора Алексеевича (Санкт-Петербург) [50], изданная в преддверии защиты докторской диссертации (2009 г.).

Следуя принципу хронологии в историографии, необходимо отметить фундаментальное исследование М. М. Крома, изучившего Государев двор в 30 – 40-е гг. XVI в. – период так называемого «боярского правления» при несовершеннолетнем Иване IV до его воцарения. В отдельной главе представлена характеристика управленческой группы приказных людей (157 дьяков и подьячих) за период 1534-1548 гг. Историк сделал важный вывод о существовавшей стабильности работы приказного аппарата [17].

О взаимоотношении власти в центре и на местах в XVI в. защитил кандидатскую диссертацию В. В. Бovyкин (2011 г., научный руководитель – В. В. Шапошник), позже издана монография [3]. Автор сделал акцент на изучение местного управления и самоуправления. Первая глава полностью состоит из историографического обзора с позиций критической оценки. Вторая показывает эволюцию системы местного управления и самоуправления от этапа складывания централизованного государства до утверждения системы самоуправления включительно. Новых источников автор практически не вводит, но отмечает новизну в том, что переосмысливает уже известные с использованием современного категориального аппарата.

Тем временем Д. В. Лисейцев от анализа дипломатической и административной деятельности Посольского приказа перешел к исследованию приказной системы эпохи Смуты в целом [20] и в 2011 г. защитил диссертацию на соискание доктора исторических наук. На основании скрупулезного анализа делопроизводственного, актового и нарративного материала ученый большую часть своей работы посвятил рассмотрению эволюции системы государственных учреждений в конце XVI – начале XVII в., их иерархии, структуре, отчасти деятельности, а также изучил около 200 биографий дьяков и подьячих центральных приказов за период с 1604 по 1619 год. Историк отметил ту же особенность в среде приказных служащих начала XVII в., что и Н. В. Рыбалко: кадровую стабильность, профессионализм и лишь незначительные перемены при смене правителей, не согласившись, впрочем, с применением к ним термина "бюрократия". Определенная стабильность приказной системы в целом, как подчеркнул Д. В. Лисейцев, ее жизнеспособность позволили без серьезных перемен в сфере центрального управления пережить тяжелейшие события гражданской войны [20, с. 584]. В настоящее время работы Д. В. Лисейцева так или иначе связаны с вопросами управления в России первой половины XVII в. [21 и др.].

Делопроизводство Разбойного приказа в XVI – первой половине XVII в. стало темой для кандидатской диссертации А. В. Воробьева, подготовленной под руководством Н. М. Рогожина и защищенной в 2012 г. [5].

В 2013 г. историческая наука обогатилась капитальным просопографическим исследованием А. Ю. Савосичева [49], основные положения которой были защищены в его докторской диссертации в 2015 году. Отличительной особенностью источниковой базы этой работы является привлечение помимо основной и всеми используемой делопроизводственной документации и актового материала еще и разнообразной монастырской документации, данных некрополей и синодиков. А. Ю. Савосичев проследил эволюцию института дьячества с момента его зарождения и до его становления как служилого сословия при Иване IV. Ключевыми вопросами стали социальное происхождение, родственные связи и землевладение великокняжеских, удельных и митрополичьих дьяков и подьячих. Крайне любопытным является основной вывод А. Ю. Савосичева о том, что по сравнению с преобладанием в первой трети XVI в. в дьяческой среде выходцев из дворянских фамилий, в правление Ивана IV доля дьяков из детей боярских снижается, а уже в середине XVII в. преобладают выходцы из потомственных приказных и поповских детей. А. Ю. Савосичев продолжает исследовать вопросы начального становления приказной системы Московского государства [48], а также биографии отдельных дьяческих родов [47 и др.]. Ожидается выход в свет подготовленный А. Ю. Савосичевым справочник «Дьяки и подьячие XIV – первой трети XVI вв.».

А. П. Павлов, изучив Государев двор кон. XVI – 1605 г., в последние два десятилетия занимается исследованием аппарата верховной власти и правящей элиты Московского государства периода царствования Михаила Романова. Ряд его научных статей посвящены вопросам формирования высших чинов дьяческой среды и деятельности отдельных приказных учреждений [33; 35 и др.]. Итоговым трудом стала монография 2019 г., в которой на базе фундаментального просопографического исследования родовой знати правления Михаила Романова изучены вопросы взаимоотношения представителей княжеско-боярской аристократии, складывание новой политической системы династии Романовых после окончания Смутного времени, реконструирована система землевладения знати по родам [34]. В отношении системы управления А. П. Павлов особенно выделил годы соправительства Михаила Романова со своим отцом патриархом Филаретом, доказав возрастание роли Думы в деятельности всех приказов (бояре и окольничие возглавляли их на 77%) в противовес устоявшемуся мнению об упадке значения Боярской Думы при Филарете [34, т. 1, с. 779-780].

Отдельные личности приказной среды и их деятельность в начале XXI в. продолжали вызывать интерес в науке. Примером таких исследований служат статьи А. Г. Мельник [26], Б. Н. Морозова [28], А. Б. Мазурова [23; 24], Ю. Д. Рыкова [45; 46], А. В. Виноградова [4], С. В. Сироткина [55]. Появляются работы по истории отдельных приказных учреждений как Москвы, так и отдельных регионов [15; 25; 58].

Особое явление историографии XXI в., посвященной вопросам управления Московского государства, – это справочные издания. В 6-ти томном справочнике «Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.)» энциклопедические статьи посвящены отдельным государственным и церковным учреждениям от верховной власти до местного управления и самоуправления, а также разным видам документов [7].

В 2011 г. группа ученых подготовила к изданию фундаментальный справочник на архивных материалах, изученных Н. Ф. Демидовой, который содержит сведения о нескольких тысячах служивых людей Московского государства XVII в. (с 1625 г.) и расценивается как приложение к одноименной монографии автора [8].

В 2015 г. свет увидел справочник Д. В. Лисейцева, Н. М. Рогожина и Ю. М. Эскина, где представлена история приказной системы Московского государства с кон. XV в. до нач. XVIII в. [22]. Каждому отдельному приказному учреждению посвящены небольшие статьи, отражающие период существования приказа, имеется список литературы и хронологические таблицы служб руководителей приказов (окольничих и думных дворян), думных дьяков и дьяков, редко – подьячих по каждому учреждению. Готовя такой справочник, ученые наверняка осознавали сложность поставленной задачи, так как в любой момент при углублении в какую-либо архивную документацию можно обнаружить новую информацию о хронологии существования приказов и их служащих, выявить данные о неизвестных ранее учреждениях или, что наиболее часто случается, выявить неизвестные ранее имена дьяков, не говоря уже о подьячих. Однако ценность данного издания в том, что это первое систематическое изложение основной информации практически по всем известным к настоящему моменту ведомствам центрального управления Московского государства XVI-XVII веков.

Все эти исследования состоялись во многом благодаря публикаторской деятельности ученых, которые, делая исторические источники более доступными для исследователей, в то же время сохраняют бесценную информацию. Особо стоит отметить масштабную работу по выявлению и публикации документов приказных учреждений А. В. Антонова (РГАДА) [1; 9; 31; 37].

Анализ основных работ по истории центрального управления позволяет констатировать, что на протяжении первых 20 лет XXI в. интерес ученых равномерно распределен между вниманием к центральным учреждениям, местным приказным и воеводским избам, отдельным персонажам управленческой структуры XVI и XVII веков.

Перспективным направлением современной науки является создание и разработка электронных просопографических баз данных. Попытки создания отдельных баз данных уже неоднократно предпринимались исследователями средневековой России с 80-х гг. XX столетия. Однако чаще всего они имели закрытый подсобный характер. В настоящее время стали появляться просопографические базы данных для конкретных групп служивых людей Московского государства [12; 13; 16; 42].

Это кропотливое занятие, требующее предельной внимательности, терпения, вдумчивого анализа обрабатываемой информации, навыков систематизации материала, специальных знаний в области истории и информатизации. Без сомнения, учитывая колоссальный труд их создания, значение для дальнейшего развития науки будут иметь базы данных открытого типа. Это позволит избежать часто встречающихся в исследованиях повторов при конструировании биографий (использование одних и тех же опубликованных документов), будет способствовать истинному приращению исторического знания.

Будущее изучения системы управления Московского государства очевидно: новые наблюдения можно получить при сплошной проработке дошедших до нас комплексов архивных документов в конкретные исторические периоды путем их оцифровки и реконструкции. Это поможет более детально воссоздать механизм реализации власти, оценить степень эффективности управления в конкретных исторических условиях, что позволит использовать бесценный исторический опыт в практике современных институтов управления Российского государства.

Список источников и литературы

1. Акты служилых землевладельцев. (1997–2008) / сост. В. А. Антонов: в 4 т. Москва: Древлехранилище.
2. Беляков, А. В. (2017). *Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг.* СПб.: Нестор-история. 372 с.
3. Бовыкин, В. В. (2012). *Местное самоуправление в русском государстве XVI века.* СПб.: Д. Буланин. 421 с.
4. Виноградов, А. В. (2012). *Посольский дьяк Андрей Яковлевич Щелкалов и дипломатические отношения Русского государства с Крымским ханством в 70 – 90-х годах XVI в. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.).* Москва: РОССПЭН. С. 187–197.
5. Воробьев, А. В. (2012). *Делопроизводство Разбойного приказа как исторический источник по истории государственного управления в России XVI – первой половины XVII в.:* дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. Москва. 308 с.
6. Глазьев, В. Н. (2006). *Воронежские воеводы и их окружение в XVI-XVII веках.* Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края. 168 с.
7. *Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.).* (1996-2009). Словарь-справочник: в 6 кн. Москва: Наука.
8. Демидова, Н. Ф. (2011). *Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700).* Биографический справочник. Москва: Памятники исторической мысли. 720 с.
9. Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626-1637 гг. (2010) / авт. и сост. А. В. Антонов, В. Ю. Беликов, А. Берелович, В. Д. Назаров, Э. Тейро. Москва: Древлехранилище. 1658 с.
10. Захаров, А. В. (2009). *Государев двор Петра I: публикация и исследования массовых источников разрядного делопроизводства.* Челябинск: ЧелГУ. 447 с.
11. Захаров, А. В., Воробьев, А. В. (2020). *Записные книги отпискам начала XVIII века: информативные возможности документа и внутренняя коммуникация Разрядного приказа // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* № 2. С. 116-135.
12. Захаров, А. В. (2008). *Информационная полнотекстовая система «Боярские списки XVIII в.»* (Свидетельство о регистрации базы данных № 0220510249).
13. Захаров, А. В., Белинский С.Н. (2000). *Информационная полнотекстовая система «Повесточные сказки думных людей XVII-XVIII в.»*. (Свидетельство о регистрации базы данных № 0220309255).
14. Камараули, Е. В. (2009). *Южнорусская приказная изба как учреждение местного управления во второй половине XVII века:* Монография. Воронеж: Истоки. 302 с.
15. Кирпичников, И. А. (2020). *Дьяческий аппарат Великого княжества Рязанского // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки.* Т. 25. № 184. С. 114–120.

16. Корзинин, А. Л., Сосницкий, Д. А. (2020). *База данных для реконструкции персонального состава и структуры Государева двора последней четверти XV – середины XVI века (RULING ELITE)* (Свидетельство о регистрации базы данных RU 2020620368).
17. Кром, М. М. (2010). *«Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30 – 40-х годов XVI века*. Москва: Новое литературное обозрение. 888 с.
18. Куненков, Б. А. (2007). *Посольский приказ в 1613-1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство*: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Брянск. 586 с.
19. Лисейцев, В. Д. (2003). *Посольский приказ в эпоху Смуты*: в 2 т. Москва: ИРИ РАН.
20. Лисейцев, Д. В. (2009). *Приказная система Московского государства в эпоху Смуты*. Москва; Тула: Гриф и К. С. 11–59.
21. Лисейцев, Д. В. (2018). *«Привезли в посулах устюжане сто рублей денег»: земские миры и центральная власть в Московском государстве 1610 – 1620-х гг.* // *Российская история*. № 4. С. 90-110.
22. Лисейцев, Д. В., Рогожин, Н. М., Эскин, Ю. М. (2015). *Приказы Московского государства XVI-XVII вв.: словарь-справочник*. Москва; СПб.: ИРИ РАН; РГАДА; Центр гуманитарных инициатив. 303 с.
23. Мазуров, А. Б. (2011). *Государев Дьяк Андрей Шереметев и его род* // *Российская история*. № 2. С. 77–92.
24. Мазуров, А. Б. (2013). *Род дьяков Мишуриных в XVI веке* // *Российская история*. № 5. С. 105-121.
25. Матисон, А. В. (2020). *Подьячие приказной избы Твери в XVII веке* // *Вестник Тверского государственного университета*. Серия: История. № 1 (53). С. 106-122.
26. Мельник, А. Г. (2006). *Московский великокняжеский дьяк Данило Мамырев* // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. № 2 (24). С. 28–32.
27. Милюков, С. Г. (2000). *Думный дьяк Андрей Андреевич Вinius – государственный деятель России второй половины XVII – начала XVIII веков*: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Москва. 351 с.
28. Морозов, Б. Н. (2010). *Дьяк Печатного двора. об одном автографе русского писателя и издателя XVII века* // *Про книги*. № 4 (16). С. 67-70.
29. Новохатко, О. В. (2020). *Работа Разрядного приказа с челобитными служилых людей* // *Novogardia*. № 1 (5). С. 261-279.
30. Новохатко, О. В. (2007). *Разряд в 185 году*. Москва: Памятники исторической мысли. 640 с.
31. *Описание грамот Коллегии Экономии (2016–2020)* / подг. А. В. Антонов. Т. 1-3. Москва: Древлехранилище.
32. *Описи архива Разрядного приказа XVII в.* (2001) / подг. текста и вступ. статья К. В. Петрова. СПб.: Дмитрий Буланин. 808 с.
33. Павлов, А. П. (2012). *Думные дьяки и их иерархические взаимоотношения в последний период царствования Михаила Романова (1633-1645 гг.)* // *PALEOBUREAUCRATICA: Сборник статей к 90-летию Н. Ф. Демидовой*. Москва: Древнехранилище. С. 264–291.
34. Павлов, А. П. (2019). *Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование*: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин.
35. Павлов, А. П. (2017). *Сыскные приказы времени царствования Михаила Романова* // *Российская история*. № 3. С. 37-51.
36. Петров, К. В. (2005). *Приказная система управления в России в конце XV-XVII вв.: Формирование, эволюция и нормативно-правовое обеспечение деятельности*. М.; СПб.: Альянс-Архео. 144 с.

37. Писцовые материалы Тверского уезда XVI в. (2005) / сост. А. В. Антонов. Москва: Древлехранилище. 758 с.
38. Рогожин, Н. М. (2003). *Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии*. Москва: Международные отношения. 432 с.
39. Рогожин, Н. М. (2002). *У государевых дел быть указано...* Москва: РАГС. 284 с.
40. Рыбалко, Н. В. (2001). *Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII столетия*: дис. ... канд. истор. наук : 07.00.02. Волгоград. 512 с.
41. Рыбалко, Н. В. (2011). *Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII века*. Москва: Квадрига; МБА. 656 с.
42. Рыбалко, Н. В. Светлов А.В., Сахарова Д.А., Шечкова М.А. (2018). *Просопографическая база данных по приказным служащим Российского государства начала XVII века* (Свидетельство о регистрации базы данных RU 2018621092).
43. Рыбалко, Н. В. (2020). *Управление в Перми Великой конца XVI – начала XVII века: от приказных людей к воеводской власти* // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 25. № 5. С. 100-112. URL: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.9>.
44. Рыбалко, Н. В., Дмитриева, Е. Г. (2017). *Соликамский архив: реконструкция и источниковедческий анализ (1605 – 1608 гг.)*: монография. Волгоград: ВолГУ. 319 с.
45. Рыков, Ю. Д. (2012). *Вклады государева дьяка П. М. Митрофанова в русские монастыри в эпоху Ивана Грозного* // Русское средневековье: Сб. ст. в честь проф. Ю.Г.Алексеева. Москва: Древлехранилище. С. 495-551.
46. Рыков, Ю. Д. (2006). *Меженина – неизвестный дьяк великой княгини второй половины XV в. и судьба книги «Пандекты» Никона Черногорца с записями этого дьяка* // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Ю. Г. Алексеева. Москва; СПб.: «Альянс-Архео». С. 434-458.
47. Савосичев, А. Ю. (2020). *Дьяк Семой Заборовский и дворянская фамилия Заборовских* // Вестник гуманитарного образования. № 3 (19). С. 7-19.
48. Савосичев, А. Ю. (2019). *Дьяки XIV – первой четверти XV в.: к вопросу о начальном этапе формирования государственного управления в России* // Novogardia. № 1. С. 86-96.
49. Савосичев, А. Ю. (2013). *Дьяки и подьячие XIV – первой трети XVI вв.: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования*: монография. Орел: ОГУ. 519 с.
50. Седов, П. В. (2006). *Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века*. СПб.: Дмитрий Буланин. 604 с.
51. Селин, А. А. (2009). *Новгородские судьбы Смутного времени*. Великий Новгород: б.и. 191 с.
52. Селин, А. А. (2008). *Новгородское общество в эпоху Смуты*. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц». 752 с.
53. Селин, А. А. (2016). *Русско-Шведская граница (1617-1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие. Исторические очерки*. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц». 864 с.
54. Селин, А. А., Яблокова, И. В. (2020). *Местное судопроизводство и правоприменение в Новгороде Великом конца XVI – начала XVII в.* // Российская история. № 4. С. 83-93.
55. Сироткин, С. В. (2017). *Государев дьяк Иван Иванович Болотников и его родственники: правовые коллизии наследования (по документам РГАДА)* // Российская генеалогия. № 2. С. 136-171.
56. Солодкин, Я. Г. (2020). *«Росписи» администраторов городов и острогов в старшей редакции Сибирского летописного свода* // Документальный источник в историче-

ском исследовании и в исследовании по истории науки: опыт использования, современные проблемы и задачи. Москва: Архив РАН. С. 446-458.

57. Устинова, И. А. (2011). *Книги патриарших приказов 1620-1649 годов как исторический источник*. Москва: ИРИ РАН. 346 с.

58. Худин, К. С. (2021). *Документы Аптекарского приказа (1629-1672 гг.) как исторический источник*: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Москва. 280 с.

59. Шишкин, И. Г. (2010). *Отечественная историография истории управления в Российском государстве конца XV–XVI вв.: 1917 – начало XXI в.*: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Екатеринбург. 46 с.

60. Шишков, С. В. (2002). *Дьяк Андрей Яковлевич Щелкалов. Опыт реконструкции политической биографии*: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Москва. 308 с.

61. Юркин, Н. Г. (2002). *Приказные управленцы XVI–XVII вв.: уровень образования и морально-нравственные черты*: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иваново. 303 с.

References

1. Akty sluzhilyh zemlevladel'cev. (1997–2008) [Acts of service landowners], compiler V. A. Antonov. V 4 t. Moscow, Drevlekhranilishche. (in Russian).

2. Belyakov, A. V. (2017). *Sluzhashchie Posol'skogo prikaza 1645-1682 gg.* [Employees of the Ambassadorial Office 1645-1682]. St. Petersburg, Nestor-istoriya. (in Russian).

3. Bovykin, V. V. (2012). *Mestnoe samoupravlenie v russkom gosudarstve XVI veka* [Local self-government in the Russian state of the 16th century]. St. Petersburg, D. Bulanin. (in Russian).

4. Vinogradov, A. V. (2012). *Posol'skij d'yak Andrej Yakovlevich Shchelkalov i diplomaticheskie otnosheniya Russkogo gosudarstva s Krymskim hanstvom v 70 – 90-h godah XVI v.* [Ambassadorial clerk Andrei Yakovlevich Shchelkalov and diplomatic relations of the Russian state with the Crimean Khanate in the 70s – 90s of the 16th century] in *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii (do 1917 g.)*. Moscow, ROSSPEN, 187–197. (in Russian).

5. Vorob'ev, A. V. (2012). *Deloproizvodstvo Razbojnogo prikaza kak istoricheskij istochnik po istorii gosudarstvennogo upravleniya v Rossii XVI – pervoj poloviny XVII v.* [Office-work of the Rogue Order as a historical source on the history of public administration in Russia in the 16th – first half of the 17th century] (doctoral dissertation). Moscow. (in Russian).

6. Glaz'ev, V. N. (2006). *Voronezhskie vovody i ih okruzhenie v XVI–XVII vekah* [Voronezh voivods and their entourage in the XVI–XVII centuries]. Voronezh, Centr duhovnogo vozrozhdeniya Chernozemnogo kraja. (in Russian).

7. *Gosudarstvennost' Rossii (konec XV v. – fevral' 1917 g.)*. (1996 – 2009) [Statehood of Russia (late 15th century – February 1917)]. Slovar' – spravochnik: v 6 kn. Moscow, Nauka. (in Russian).

8. Demidova, N. F. (2011). *Sluzhilaya byurokratiya v Rossii XVII veka (1625-1700)* [Serving bureaucracy in Russia in the 17th century (1625-1700)] Biograficheskij spravochnik. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli. (in Russian).

9. *Zapisnye votchinnye knigi Pomestnogo prikaza 1626-1637 gg.* (2010) [Notebooks of the patrimony of the Local Order of 1626–1637], authors and compilers A. V. Antonov, V. Yu. Belikov, A. Berelovich, V. D. Nazarov, E. Tejro. Moscow, Drevlekhranilishche. (in Russian).

10. Zaharov, A. V. (2009). *Gosudarev dvor Petra I: publikaciya i issledovaniya massovyh istochnikov razryadnogo deloproizvodstva* [The Tsar's Court of Peter I: Publication and Research of Mass Sources of Discharge Office Work]. Chelyabinsk, ChelGU. (in Russian).

11. Zaharov, A. V., Vorob'ev, A. V. (2020). *Zapisnye knigi otpiskam nachala XVIII veka: informativnye vozmozhnosti dokumenta i vnutrennyaya kommunikaciya Razryadnogo prikaza* [Notebooks to unsubscribe from the beginning of the 18th century: the informative capabilities of the document and the internal communication of the discharge order] in *Magistra Vitae: elektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii*, 2, 116-135. (in Russian).
12. Zaharov, A. V. (2008). *Informacionnaya polnotekstovaya sistema «Boyarskie spiski XVIII v.»* [Full-text information system "Boyar Lists of the 18th century"] (Svidetel'stvo o registracii bazy dannyh № 0220510249).
13. Zaharov, A. V., Belinskij S.N. (2000). *Informacionnaya polnotekstovaya sistema «Povestochnye skazki dumnyh lyudej XVII–XVIII v.»* [Informational full-text system "Tales of the Duma people of the 17th – 18th centuries"]. (Svidetel'stvo o registracii bazy dannyh № 0220309255).
14. Kamarauli, E. V. (2009). *Yuzhnorusskaya prikaznaya izba kak uchrezhdenie mestnogo upravleniya vo vtoroj polovine XVII veka* [South Russian clerk hut as an institution of local government in the second half of the 17th century]. Voronezh, Istoki Publ. (in Russian).
15. Kirpichnikov, I. A. (2020). *D'yacheskij apparat Velikogo knyazhestva Ryazanskogo* [The clerk's office of the Grand Duchy of Ryazan] in *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 25 (184), 114-120. (in Russian).
16. Korzinin, A. L., Sosnickij, D. A. (2020). *Baza dannyh dlya rekonstrukcii personal'nogo sostava i struktury Gosudareva dvora poslednej chetverti XV – serediny XVI veka (RULING ELITE)* [Database for the reconstruction of the personal composition and structure of the Sovereign Court of the last quarter of the 15th – mid-16th century (RULING ELITE)] (Svidetel'stvo o registracii bazy dannyh RU 2020620368).
17. Krom, M. M. (2010). *"Vdovstvuyushchee carstvo": Politicheskij krizis v Rossii 30 – 40-h godov XVI veka* ["The Dowager Kingdom": The Political Crisis in Russia in the 30s – 40s of the 16th Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russian).
18. Kunenkov, B. A. (2007). *Posol'skij prikaz v 1613 – 1645 gg.: struktura, sluzhashchie, deloproizvodstvo* [Ambassadorial order in 1613 – 1645: structure, employees, office work] (doctoral dissertation). Bryansk. (in Russian).
19. Lisejcev, V. D. (2003). *Posol'skij prikaz v epohu Smuty [Ambassadorial order in the era of Troubles]: v 2 t.* Moscow, IRI RAN. (in Russian).
20. Lisejcev, D. V. (2009). *Prikaznaya sistema Moskovskogo gosudarstva v epohu Smuty* [The order system of the Moscow state during the Time of Troubles]. Moscow; Tula, Grif i K. (in Russian).
21. Lisejcev, D. V. (2018). *"Privezli v posulekh ustyuzhane sto rublev deneg": zemskie miry i central'naya vlast' v Moskovskom gosudarstve 1610 – 1620-h gg.* ["They brought a hundred rubles of money to the Ustyuzhans": zemstvo worlds and central power in the Moscow state in the 1610s – 1620s.] in *Rossijskaya istoriya*, 4, 90–110. (in Russian).
22. Lisejcev, D. V., Rogozhin, N. M., Eskin, Yu. M. (2015). *Prikazy Moskovskogo gosudarstva XVI – XVII vv.: slovar' – spravochnik* [Orders of the Moscow State of the 16th – 17th centuries: dictionary – reference book]. Moscow; St. Peterburg, IRI RAN; RGADA; Centr gumanitarnyh iniciativ. (in Russian).
23. Mazurov, A. B. (2011). *Gosudarev D'yak Andrej SHerefedinov i ego rod* [Sovereign Dyak Andrey Sherefedinov and his family] in *Rossijskaya istoriya*, 2, 77-92. (in Russian).
24. Mazurov, A. B. (2013). *Rod d'yakov Mishurinyh v XVI veke* [The Mishurin family of clerks in the 16th century] in *Rossijskaya istoriya*, 5, 105-121. (in Russian).
25. Matison, A. V. (2020). *Pod'yachie prikaznoj izby Tveri v XVII veke* [Clerk of the clerk hut of Tver in the 17th century] in *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*, 1 (53), 106-122. (in Russian).

26. Mel'nik, A. G. (2006). *Moskovskij velikoknyazheskij d'yak Danilo Mamyrev* [Moscow Grand Duke Clerk Danilo Mamyrev] in *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 2 (24), 28-32. (in Russian).
27. Milyukov, S. G. (2000). *Dumnyj d'yak Andrej Andreevich Vinus – gosudarstvennyj deyatel' Rossii vtoroj poloviny XVII – nachala XVIII vekov* [Duma clerk Andrei Andreevich Vinus – statesman of Russia in the second half of the 17th – early 18th centuries] (doctoral dissertation). Moscow. (in Russian).
28. Morozov, B. N. (2010). *D'yak Pechatnogo dvora. ob odnom avtografe russkogo pisatelya i izdatelya XVII veka* [Clerk of the Printing House. about one autograph of a Russian writer and publisher of the 17th century] in *Pro knigi*, 4 (16), 67–70. (in Russian).
29. Novohatko, O. V. (2020). *Rabota Razryadnogo prikaza s chelobitnymi sluzhilyh lyudej* [The work of the discharge order with petitions of service people] in *Novogardia*, 1 (5), 261–279. (in Russian).
30. Novohatko, O. V. (2007). *Razryad v 185 godu* [Discharge in 185]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli. (in Russian).
31. *Opisanie gramot Kollegii Ekonomii (2016-2020)* [Description of diplomas of the Board of Economics (2016–2020)], prepared by A. V. Antonov. T. 1-3. Moscow, Drevlekhranilishche. (in Russian).
32. *Opisi arhiva Razryadnogo prikaza XVII v.* (2001) [Descriptions of the archive of the discharge order of the 17th century], prepared by K. V. Petrov. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin. (in Russian).
33. Pavlov, A. P. (2012). *Dumnye d'yaki i ih ierarhicheskie vzaimootnosheniya v poslednij period carstvovaniya Mihaila Romanova (1633-1645 gg.)* [Duma clerks and their hierarchical relationships in the last period of the reign of Mikhail Romanov (1633–1645)] in *PALEOBUREAU-CRATICA: Sbornik statej k 90-letiyu N.F.Demidovoj*. Moscow, Drevnekhranilishche, 264–291. (in Russian).
34. Pavlov, A. P. (2019). *Dumnye i komnatnye lyudi carya Mihaila Romanova: prosopograficheskoe issledovanie* [Thoughtful and roomy people of Tsar Mikhail Romanov: prosopographic research]: v 2 t. St. Petersburg, Dmirij Bulanin. (in Russian).
35. Pavlov, A. P. (2017). *Sysknye prikazy vremeni carstvovaniya Mihaila Romanova* [Search orders during the reign of Mikhail Romanov] in *Rossijskaya istoriya*, 3, 37-51. (in Russian).
36. Petrov, K. V. (2005). *Prikaznaya sistema upravleniya v Rossii v konce XV-XVII vv.: Formirovanie, evolyuciya i normativno-pravovoe obespechenie deyatel'nosti* [Order management system in Russia at the end of the 15th – 17th centuries: Formation, evolution and regulatory support of activities]. Moscow; St. Petersburg, Al'yans-Arheo. (in Russian).
37. *Piscovyje materialy Tverskogo uezda XVI v.* (2005) [Scripting materials of the Tver district of the XVI century], compiler A. V. Antonov. Moscow, Drevlekhranilishche. (in Russian).
38. Rogozhin, N. M. (2003). *Posol'skij prikaz: Kolybel' rossijskoj diplomatii* [Ambassadorial order: Cradle of Russian diplomacy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. (in Russian).
39. Rogozhin, N. M. (2002). *U gosudapevyh del byt' ukazano...* [The state affairs have to be indicated ...]. Moscow, RAGS. (in Russian).
40. Rybalko, N. V. (2001). *Rossijskaya prikaznaya byurokratiya v Smutnoe vremya nachala XVII stoletiya* [Russian order bureaucracy in the Time of Troubles at the beginning of the 17th century] (doctoral dissertation). Volgograd. (in Russian).
41. Rybalko, N. V. (2011). *Rossijskaya prikaznaya byurokratiya v Smutnoe vremya nachala XVII veka* [Russian order bureaucracy in the Time of Troubles at the beginning of the 17th century]. Moscow, Kvadriga; MBA. (in Russian).

42. Rybalko, N. V. Svetlov A.V., Saharova D.A., Shechkova M.A. (2018). *Prosopograficheskaya baza dannyh po prikaznym sluzhashchim Rossijskogo gosudarstva nachala XVII veka* [Prosopographic database on clerks of the Russian state at the beginning of the 17th century] (Svidetel'stvo o registracii bazy dannyh RU 2018621092).
43. Rybalko, N. V. (2020). *Upravlenie v Permi Velikoj konca XVI – nachala XVII veka: ot prikaznyh lyudej k voevodskoj vlasti* [Management in Perm the Great at the end of the 16th – beginning of the 17th century: from commanding people to the voivodship] in *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. T. 25, 5, 100–112. (in Russian).
44. Rybalko, N. V., Dmitrieva, E. G. (2017). *Solikamskij arhiv: rekonstrukcija i istochnikovovedcheskij analiz (1605 – 1608 gg.)* [Solikamsk archive: reconstruction and source study analysis (1605 – 1608)]: monografiya. Volgograd, VolGU. (in Russian).
45. Rykov, YU. D. (2012). *Vklady gosudareva d'yaka P.M.Mitrofanova v russkie monastiri v epohu Ivana Groznogo* [Contributions of the sovereign clerk P.M. Mitrofanov to Russian monasteries in the era of Ivan the Terrible] *Russkoe srednevekov'e: Sb. st. v chest' prof. Yu. G. Alekseeva*. Moscow, Drevlekhranilishche, 495-551. (in Russian).
46. Rykov, YU. D. (2006). *Mezhenina – neizvestnyj d'yak velikoj knyagini vtoroj poloviny XV v. i sud'ba knigi "Pandekty" Nikona Chernogorca s zapisyami etogo d'yaka* [Mezhenina – an unknown clerk of the Grand Duchess of the second half of the 15th century and the fate of the book "Pandects" by Nikon Chernogorets with the records of this clerk] in *Issledovaniya po istorii srednevekovoj Rusi. K 80-letiyu Yu. G. Alekseeva*. Moscow; St. Petersburg, "Al'yans-Arheo", 434–458. (in Russian).
47. Savosichev, A. YU. (2020). *D'yak Semoj Zaborovskij i dvoryanskaya familiya Zaborovskih* [Clerk Semoy Zaborovsky and the noble surname of the Zaborovsky] in *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya*, 3 (19), 7-19. (in Russian).
48. Savosichev, A. YU. (2019). *D'yaki XIV – pervoj chetverti XV v.: k voprosu o nachal'nom etape formirovaniya gosudarstvennogo upravleniya v Rossii* [Clerks of the XIV – first quarter of the XV century: on the question of the initial stage of the formation of public administration in Russia] in *Novogardia*, 1, 86-96. (in Russian).
49. Savosichev, A. YU. (2013). *D'yaki i pod'yachie XIV – pervoj treti XVI vv.: proiskhozhdenie i social'nye svyazi. Opyt prosopograficheskogo issledovaniya* [Clerks and clerks of the 14th – first third of the 16th centuries: origin and social connections. Experience of prosopographic research] : monografiya. Orel, OGU. (in Russian).
50. Sedov, P. V. (2006). *Zakat Moskovskogo carstva. Carskij dvor konca XVII veka* [Sunset of the Muscovy. The royal court at the end of the 17th century]. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin. (in Russian).
51. Selin, A. A. (2009). *Novgorodskie sud'by Smutnogo vremeni* [Novgorod fate of the Time of Troubles]. Velikij Novgorod, b.i. (in Russian).
52. Selin, A. A. (2008). *Novgorodskoe obshchestvo v epohu Smuty* [Novgorod society during the Time of Troubles]. St. Petersburg, Russko-Baltijskij informacionnyj centr "Blic". (in Russian).
53. Selin, A. A. (2016). *Russko-SHvedskaya granica (1617-1700 gg.). Formirovanie, funkcionirovanie, nasledie. Istoricheskie ocherki* [Russian-Swedish border (1617-1700). Formation, functioning, legacy. Historical sketches]. St. Petersburg, Russko-Baltijskij informacionnyj centr «Blic». (in Russian).
54. Selin, A. A., Yablokova, I. V. (2020). *Mestnoe sudoproizvodstvo i pravoprimerenie v Novgorode Velikom konca XVI – nachala XVII v.* [Local legal proceedings and law enforcement in Novgorod the Great at the end of the 16th – beginning of the 17th century] in *Rossijskaya istoriya*, 4, 83-93. (in Russian).

55. Sirotkin, S. V. (2017). *Gosudarev d'yak Ivan Ivanovich Bolotnikov i ego rodstvenniki: pravovye kollizii nasledovaniya (po dokumentam RGADA)* [Sovereign clerk Ivan Ivanovich Bolotnikov and his relatives: legal conflicts of inheritance (according to the documents of the Russian State Academy of Architecture and Civil Engineering)] in *Rossiyskaya genealogiya*, 2, 136–171. (in Russian).

56. Solodkin, Ya. G. (2020). «*Rospisi*» *administratorov gorodov i ostrogov v starshej redakcii Sibirskogo letopisnogo svoda* ["The lists" of administrators of cities and forts in the senior edition of the Siberian Chronicle] in *Dokumental'nyj istochnik v istoricheskom issledovanii i v issledovanii po istorii nauki: opyt ispol'zovaniya, sovremennye problemy i zadachi*. Moscow, Arhiv RAN, 446-458. (in Russian).

57. Ustinova, I. A. (2011). *Knigi patriarshih prikazov 1620-1649 godov kak istoricheskij istochnik* [Books of Patriarchal Orders of 1620-1649 as a Historical Source]. Moscow, IRI RAN. (in Russian).

58. Hudin, K. S. (2021). *Dokumenty Aptekarskogo prikaza (1629-1672 gg.) kak istoricheskij istochnik* [Documents of the Pharmaceutical Order (1629-1672) as a historical source] (doctoral dissertation). Moscow. (in Russian).

59. Shishkin, I. G. (2010). *Otechestvennaya istoriografiya istorii upravleniya v Rossijskom gosudarstve konca XV-XVI vv.: 1917 – nachalo XXI v.* [Domestic historiography of the history of management in the Russian state at the end of the 15th – 16th centuries: 1917 – the beginning of the 21st century] (doctoral dissertation abstract). Ekaterinburg. (in Russian).

60. Shishkov, S. V. (2002). *D'yak Andrej YAKovlevich SHCHelkalov. Opyt rekonstrukcii politicheskoy biografii* [Clerk Andrey Yakovlevich Shchelkalov. Experience in the reconstruction of political biography] (doctoral dissertation). Moscow. (in Russian).

61. Yurkin, N. G. (2002). *Prikaznye upravlency XVI-XVII vv.: uroven' obrazovaniya i moral'no-nravstvennyye cherty* [Order managers of the 16th – 17th centuries: the level of education and moral and ethical traits] (doctoral dissertation). Ivanovo. (in Russian).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Нечаев В. В.
(Владивосток)

УДК 94 (470)

**НЕПРИЗНАННОЕ СОСЛОВИЕ
(ОДНОДВОРЦЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.)**

Тема данной работы – сословность однодворцев Центрального Черноземья России. На основании анализа опубликованных в ПСЗРИ законов и других источников автор приходит к выводу, что в первой четверти XIX в. однодворцы представляли устойчивое сообщество, т. е. де-факто являлись особым сословием. Однако в силу непростых взаимоотношений с правящим дворянством, не желающим видеть в лице однодворцев конкурентов в борьбе за земли, государственную службу и прочие привилегии, правительство их в качестве такового упорно не признавало. Со времен Петра Великого, исходя из сословных интересов, через издание дискриминационных законов с разной интенсивностью оттесняло однодворцев в сторону крестьянства. Бюрократическим путем, вопреки естественному процессу своего развития, однодворцы формально были причислены к государственным крестьянам. Хотя, оставаясь служилыми людьми, несли службу в ландмилиции и прочих войсках, обладали правом на владение крестьянами и землями, сохраняли свой уклад жизни. В конечном итоге, однодворцы в эпоху отмены крепостного права были ликвидированы и включены в сельские обыватели. Поскольку положение однодворцев Центрального Черноземья в разное время было неодинаковым, зависело от воли монархов, для лучшего понимания проблемы в их эволюции выделены периоды.

Ключевые слова: сословие, сословные признаки, однодворцы, дворянство, дискриминационные законы, крестьянская реформа.

The topic of this work is the estate of the odnodvortcy of the Central Black Earth Region of Russia. Based on the analysis of the laws published in the PSZRI and other sources, the author comes to the conclusion that in the first quarter of the 19th century the odnodvortcy represented a stable community, de facto were a special class. However, due to difficult relations with the ruling nobility, who did not want to see odnodvortcy as competitors in the struggle for land, civil service and other privileges, the government stubbornly refused to recognize them as such. Since the time of Peter the Great, proceeding from class interests, through the publication of discriminatory laws with varying intensity, it pushed the odnodvortcy towards the peasantry. In a bureaucratic way, in spite of the natural process of their development, odnodvortcy were formally ranked among the state peasants. Although, remaining service people, they served in the Landmilitia and other troops, had the right to own peasants and land, and retained their way of life. In the end, odnodvortcy in the era of the Great Reform of 1860 were included into the strata of rural inhabitants. Since the position of the odnodvortcy of the Central Black Earth Region at different times was not the same, depended on the will of the monarchs, for a better understanding of the problem different periods in their evolution were identified.

Keywords: class, class characteristics, odnodvortcy, nobility, discriminatory laws, peasant reform.

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-31-2-92-107

В 1868 г. правительством Российской империи было упразднено созданное в 1831 г. в западных губерниях из мелкой шляхты сословие однодворцев. Бывшие однодворцы вошли в состав сельских, городских обывателей, крестьян собственников с отбыванием государственных, земских и мирских повинностей [48]. Можно сказать, что шляхта повторила путь однодворцев губерний Центрального земья. Только произошло это в сжатые сроки. К тому же, великорусские однодворцы отдельным сословием дворянским правительством юридически никогда не признавались, хотя имели на это все основания. Отказ в признании был вызван причинами политического и экономического характера, а также неразвитостью правовой системы в целом. В законодательстве России имперского периода понятие «сословие» стало употребляться только с начала XIX в. [8, с. 149-156]. Юридическая неопределенность социального положения однодворцев в XVIII и XIX вв. вызывала и вызывает у историков разногласия до сих пор. По-прежнему нет единого мнения о причинах, побудивших Петра I прийти к решению об избрании курса на окрестьянивание однодворцев, продолжения его дискриминационной политики последующими монархами, которые упорно отказывались признавать однодворцев в статусе отдельного сословия. По идеологическим мотивам большинство историков дореволюционного и советского периодов полагали, что однодворцы были переведены в государственные крестьяне во время петровских реформ. В частности, такого мнения придерживались историки советского периода М. Д. Рабинович [44, с. 132-145], М. Т. Белявский [3] и др., хотя в одночасье обратить в крестьян служилых людей со своим укладом жизни, военной службой, особенностями землевладения и правом на владение крестьянами можно было только на бумаге. В последнее время от этой точки зрения наметился отход. Так, Е. В. Анисимов указывает, что однодворцы, не являясь сословием, вошли в Петровскую эпоху в состав оформленного «лоскутного» сословия государственных крестьян отдельной сословной группой. Однако, «...правительство Петра, заинтересованное в сохранении на опасных южных границах контингента нерегулярных воинских сил, а также в освоении южных окраин, не пошло на полное превращение однодворцев в рядовых крестьян» [1, с. 252-253]. Особой позиции придерживаются ученые Н. Н. Петрухинцев и К. В. Трояновский. По мнению первого изменение Петром I военно-служилого статуса однодворцев явилось результатом общей интеграции окраин России и ликвидации автономий. Принятый при Анне Иоанновне план укрепления южных границ оказался малоудачным. Более удачной была та часть, которая «касалась расширения ландмилицкого контингента и восстановления сословного статуса однодворцев». Однако, Н. Н. Петрухинцев относит их к государственным крестьянам и после реформ императрицы Анны Иоанновны [18, с. 216, 240-241]. К. В. Трояновский считает, что основными причинами обложения однодворцев податями были их занятие хлебопашеством и сельским хозяйством [51, с. 135-139]. Согласно работам Я. А. Лазарева, однодворцы петровского формата являлись особой социально-фискальной категорией, объединившей различные чины служилых людей, но в статусе государственных крестьян находились только в период с 1724 г. по 1731 г. [14]. М. К. Чуркин полагает, что однодворцы в период своего существования в отличие от прочих военных сословий субэтносом не стали. По политическим, хозяйственно-экономическим и конфессиональным причинам их развитие было перенаправлено на сближение с государственными крестьянами. В начале XX в. они со своими локально-этнографическими признаками заняли место среди пограничных крестьянских групп [53, с. 19-27]. В последние годы исследователи стали обращаться к работам дореволюционного историка Н. А. Благовещенского, который петровскую корпорацию однодворцев определил в качестве отдельного сословия [4, с. 89-90]. Следует заметить, что число сторонников этой точки зрения растет. В частности, аналогичную позицию занял О. М. Карамыш [11, с. 127]. Эволюции однодворцев южных уездов XVII в. посвящена серия работ Д. А. Ляпина. По его исследованиям дети боярские под воз-

действием ряда экономических и социальных причин подверглись расслоению, которое привело к образованию двух различных сословий: дворянства (шляхетства) и однодворцев [15, с. 16]. Тема о сословности однодворцев активно изучается сегодня М. А. Поповым [21] и др.

К сожалению, однодворцы остаются вне поля зрения социологов. Хотя однодворцы, как и дворяне в государстве исполняли определенные функции (военную, отчасти полицейскую), а за служебный труд в качестве «поместного раздатка» также получали земли [5, с. 121-138]. Как видим, разброс мнений достаточно широк. Вопрос о сословности однодворцев остается без четкого ответа.

Положение однодворцев в разное время было неодинаковым. Зависело от экономического состояния однодворческих дворов, проводимой правительством внутренней политики, организации обороны рубежей, а также воли отдельных правящих особ. Для понимания причин отказа правительства в признании однодворцев отдельным сословием, их упадка и ассимиляции местным населением, историю их существования с нашей точки зрения необходимо исследовать по нескольким периодам в общих хронологических рамках XVII – начала XX вв. В данном исследовании будем опираться на опубликованные законы в ПСЗ, Свода законов о состояниях (1857) и исследования ученых, а в географическом отношении ограничимся Центральным Черноземьем и в первую очередь Тамбовской губернией.

ОДНОДВОРЦЫ ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ. Будущее служилых людей южного и восточного пограничья было предопределено их экономическим положением и Петром Великим. Относительно благоприятные климатические условия богатого черноземья региона давали возможность существовать в достатке за счет хлебопашества, сельского хозяйства и при отсутствии достойной оплаты за ратный труд. На превалирование к началу XVIII в. в жизни служилых людей южных городов земледелия обращал внимание еще Н. А. Благовещенский [4, с. 83]. В период с 1700 по 1719 гг. из основной части служилых людей прежних (старых) служб бюрократическим путем было создано социально-фискальное объединение под реанимированным наименованием – «однодворцы» [14]. Датой завершения формирования этого сообщества можно считать 19 января 1719 г., когда на заседании Камер-коллегии было принято «с высочайшей конфирмацией» решение о возложении подушного оклада на рейтар, копейщиков, пушкарей и прочих, которые «счисляются с однодворцами» [44, с. 138]. В объединение вошло большинство служилых людей бывших Севского и Белгородского разрядов за исключением служивших по московскому списку дворян и небольшого числа представителей других чинов. В податном отношении однодворцы были приравнены к государственным крестьянам с ограничениями в праве смены местожительства и перехода в другие сословные группы населения. Помимо причин политического и фискального характера на принятие такого решения оказал влияние и субъективный фактор. Может быть в принятии такого решения сказалась личная воле Петра, помнившего о кровавом стрельцком мятеже 1682 г. К тому же, объединенными в отдельное сообщество многочисленными группами служилых людей легче было управлять, получать с них денежные и прочие средства. Сведений о сроках претворения идеи по их полному окрестьяниванию историками не найдено. Промедлений царь не терпел. Однако, начатый им процесс был прерван обострением взаимоотношений с Турцией, а следовательно и с Крымом. Старая система охраны границ силами служилых людей была сломана самим Петром. При количественном и качественном превосходстве конницы татар и кочевников полки петровской регулярной армии обеспечить должную охрану приграничных территорий были не в состоянии. Набеги на южные рубежи России уже давно приняли хронический характер. В такой обстановке политическая неустойчивость служилых людей прежних (старых) служб отошла на задний план. По указанию Петра в 1713 г. из будущих украинских однодворцев-казаков, стрельцов и прочих чинов Киевской и Азовской губерний в так называемые ландмилицкие полки было

мобилизовано более 11 тыс. человек, которые в связи с временным снижением напряженности в отношениях с Турцией вскоре были распущены по домам. Воспользовавшись этим, кочевники усилили натиск на южные русские территории и тогда в качестве ответной меры в 1723 г. здесь была сформирована особая войсковая группировка. На этот раз было образовано три драгунских и три пехотных полка. Личный состав набирался из тех же служилых людей старых служб, но в основной части объединенных в сообщество под наименованием «однодворцы». Указами о создании из однодворцев и прочих служилых людей нижних разрядов ландмилиции Петр положил начало формированию их в отдельное от дворянства сословие [4, с. 89-90]. Петровский формат объединения однодворцев сохранялся до начала военных реформ императрицы Анны Иоанновны.

«ЛАНДМИЛИЦИОННЫЙ» ПЕРИОД. После смерти Петра политика правительства в отношении однодворцев Центрального Черноземья была обусловлена состоянием ландмилиции, которое зависело от обстановки на государственных рубежах. А она требовала лучшего. За период с 1713 по 1735 гг. историки насчитывают 35 значительных набегов крымских татар и кочевников на южные губернии России. Особенно опустошительным был набег в 1717 г., когда погрому подверглись Петровский, Пензенский и Саратовский уезды. В рабство были угнаны десятки тысяч жителей [20, с. 53-55]. Провальное положение в обеспечении охраны границ понудило правительство возвратиться к принципам их охраны силами местного служилого населения. Проблема возложения обязанностей пограничной службы на ландмилицию обсуждалась в 1727 г. «верховниками». Существовала даже идея привлечения к этой службе однодворцев поголовно. В 1729 г. было принято решение об увеличении ландмилиции до 10 полков [18, с. 227]. В дальнейшем численность полков возрастала неоднократно. С расширением ландмилиции росли и связанные с ее содержанием повинности однодворческого населения.

Усиление роли однодворцев в деле охраны границ требовало изменений в законодательстве. При реформировании в 1730 гг. ландмилиции императрица Анна Иоанновна прежнюю политику в отношении однодворцев и прочих служилых людей нижних разрядов признала ошибочной. Для «личной и государственной пользы» распорядилась крестьянами их не писать и не называть, а «быть им по прежнему в службе так как деды и прадеды их были и предкам Ея императорскаго Величества служили» [22]. Однако взимание сборов на содержание армии и ландмилиции за однодворцами сохранилось. Изданием «ландмилицких» указов 1730 гг. в эволюции однодворцев было заложено начало нового этапа. Из пакета законов основополагающим являлась Инструкция Тарakanову и Дебринию от 15 января 1731 г. «О формировании на Украине 20 полков из прежних служб городских дворян и прежних служилых людей, с предоставлением им прежних прав и преимуществ». Указанный акт касался трех категорий однодворцев: а) городских дворян; б) служилых людей, наделенных поместьями землями по их окладам; в) служилых людей, не наделенных поместьями землями. Текст Инструкции начинается с перечня однодворцев, которые, исходя из названия Инструкции, отнесены к городским дворянам. Если с дворянами (детьми боярскими) понятно, то нет однозначного понимания социального положения перечисленных драгун, солдат, копейщиков, рейтар. Отличительным признаком от прочих служилых людей указано владение ими «поместными землями по их окладам». Надо полагать, авторы данного проекта имели в виду детей боярских драгунской, солдатской, копейной, рейтарской служб начала XVIII в., а также поместных казаков. Перечисленные чины также относились к служилым людям «по отечеству», были учтены в ходе петровских реформ в качестве однодворцев, приравненных в фискальном отношении к государственным крестьянам. К третьей группе были отнесены служилые люди, не наделенные поместьями землями, либо владевшие ею на служило-надельном праве: казаки, стрельцы, воротники, затинщики и прочие.

Инструкция Анны Иоанновны в отношении однодворцев являлась важным правовым актом, где не в пример петровским, принятым часто в спешном порядке в фискальных целях, было определено место однодворцев в структуре сословий с точки зрения исторической действительности, дана положительная оценка их роли в охране рубежей России. Привлечение однодворцев к службе в ландмилиции, хотя и с обязанностью ее содержания, приостановило окрестьянивание, позволило сохранить на длительное время собственное имение - «однодворцы», свой уклад жизни, присущие им особенности в землевладении. Но на большее императрица пойти не могла. Послабление в отношении однодворцев было встречено дворянством неоднозначно. Достаточно отметить, что создание из однодворцев лейб-гвардии Измайловского и двух кирасирских полков вызвало в средедворянства недовольство. Таким образом, предпринятые при Петре меры по включению однодворцев в государственные крестьяне были исполнены только формально. Будучи «привязанными» к ландмилиции, однодворцы продолжали отличаться от государственных крестьян правом на владение крепостными крестьянами, землями на правах личной собственности и военизированным состоянием. Связанные со службой признаки военного состояния, в том числе ограничения в избрании места жительства, сохранялись и при последующих монархах. В 1747 г. Сенат при рассмотрении дела козловских однодворцев Анцыфинова, Суркова «со товарищи», основавших без указа Вотчинной коллегии на речках Подгорной и Товычевой в Воронежской губернии поселок Никольский, наказаны не были. Но впредь переселение однодворцев без разрешения командования Сенат запретил. Запрет был обязателен к исполнению и в других губерниях [23]. В связи с уклонением некоторых однодворцев от ландмилицкой службы указом 1756 г. им предписывалось служить только в этом роде войск. Служба в полевых полках, в гарнизонах, в гражданских учреждениях однодворцам запрещалась [24]. В поддержку их военизированного состояния императрица Елизавета Петровна, указала организовать в полках Украинской оборонительной линии для детей однодворцев и ландмилиционеров школы с последующей службой выпускников только в ландмилиции [25].

Потребность в ландмилиции сохранялась до присоединения в 1783 г. Крыма. Время упразднения этого рода войск историками определяется по-разному: К. П. Победоносцев называет 1769 г. [19]; В. В. Пенской – 1770 г., а окончательно 1780 г., когда бывшим ландмилицким полкам были вручены знамена нового образца [17, с. 147-153]; в Военно-Энциклопедическом словаре указывается 1775 г. [7, с. 391]. Называются и другие годы. Переформирование в войсках, как правило, требовало времени. К тому же, призванные в ландмилицию однодворцы во время переформирования полков продолжали службу. Надо отметить, что связанные с ландмилицией повинности для однодворцев существовали довольно долго. Так, в поставке рекрутов они были уравнены с прочими поселянами в 1783 г. [26], а введенные в свое время сборы на содержание ландмилиции отменены только в 1816-17 гг. Не исключено, что запоздалая отмена указанного налога была связана с войной 1812 г. Инструкция о формировании в губерниях земского войска от 4 декабря 1806 г. распространялась и на однодворцев [27].

ПЕРИОД УПАДКА ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ ОДНОДВОРЦЕВ. После переформирования ландмилицких полков в регулярные указы императрицы Анны Иоанновны в пользу однодворцев были «забыты», а идея Петра об их окрестьянивании получила второе дыхание. Отличительные особенности однодворцев в сравнении с государственными крестьянами все более сглаживались. Через издание дискриминационных законов их экономическое и социальное развитие тормозилось. Правительство, увеличивая взимаемые налоги, все чаще использовало однодворцев в качестве рабочей силы. При этом сами однодворцы противостоять дискриминационной политике дворянского правительства никак не могли.

Однако, несмотря на оттеснение однодворцев от службы «дворянским обычаем» восприятие их в качестве военизированного сословия продолжалось. Длительное время сохранялись у них остатки некоторых льгот: сокращенные сроки службы и производства в офицеры [28], отбор рекрутов не по «жеребьевке», а по решению волостного схода, которое можно было опротестовать у уездного воинского начальника. Однодворцев охотно принимали на службу нижними чинами в состав драгунских и кирасирских полков. Много однодворцев привлекалось к службе в иррегулярных войсках. В 1787 г. часть солдат бывших ландмилицких полков Украинской оборонительной линии вошла в состав Екатеринославского казачьего войска [29]. В 1827 г. однодворцев и казенных крестьян было разрешено принимать в службу в казачьи полки на Кавказской линии, а в 1831 г. в казаки Астраханского и Кавказского линейных войск без увольнительных свидетельств от мирских обществ [30]. Однодворцы служили в Оренбургском и Сибирском казачьих линейных войсках. Но в целом их военная служба в сравнении с дворянской оценивалась ниже. К началу войны с Наполеоном по исследованиям Д. Г. Целорунго только четверо офицеров имели однодворческое происхождение. К концу 1812 г. в войсках числилось из однодворцев: унтер-офицеров 18,2%, рядовых 10,5% [52, с. 92]. Столь малое число следует объяснить особенностями учета: именованным указом от 5 мая 1800 г. выслужившие офицерство освобождались от подушного оклада, а также от наименования «однодворцы» [31]. Значительной была доля нижних чинов.

Социальное положение однодворцев этого периода было определено 21 мая 1823 г. При обсуждении вопроса о рекрутской повинности однодворческих крестьян Государственный Совет указал: «Однодворцы, составляя ныне СРЕДНЕЕ ЗВАНИЕ между дворянами и крестьянами, имеют с первыми общие права помещичьи, а наравне со вторыми несут рекрутские повинности...». Решение Госсовета было утверждено императором Александром I [32]. Окончание третьего периода приходится на военную реформу императора Александра II, проведенную в 1860-70 гг., когда была введена всеобщая воинская повинность и открыт доступ к получению военного образования представителям всех сословий.

СОСЛОВНЫЕ ПРИЗНАКИ ОДНОДВОРЦЕВ. Поскольку в данной работе положение однодворцев в сословной Российской империи исследуется с позиций законодательства XVIII-XIX вв., важно определиться с терминологией. Составителями Свода законов, действовавшего с 1835 г., сословие определялось как состояние социальной группы, а последнее как набор прав и обязанностей. В широком значении «сословие» - это социальная страта, включающая лиц, находящихся в одинаковом правовом состоянии. Перечень правомочий сословия ограничивался исключительно правами и обязанностями тех лиц, которые в него входили, а также включал какие-то дополнительные, например, право на самоорганизацию и самоуправление [8, с. 223-722]. Набор прав и обязанностей у социальных групп в исследуемый период был не одинаков. Разница закреплялась законами и обычаями. В связи с отсутствием в Своде законов их исчерпывающего перечня, обратимся к работам современных ученых. По нашему мнению наиболее полно общие признаки сословия указаны Л. В. Беловинским. По его определению сословие – это «...социально-юридическая категория населения, тесно замкнутая и характеризующаяся наследственными правами, привилегиями или обязанностями, закрепленных законом или обычаем. Переход из одного сословия в другое в каждом индивидуальном случае оформлялся юридически. Различались неподатные или привилегированные, и податные, платившие подушную подать сословия. К первым принадлежало дворянство, духовенство, купечество, почетное гражданство, ко вторым – крестьянство, мещанство и т.д.; внутри них имелись сословные группы, иногда мелкие, насчитывавшие несколько тысяч и даже сот человек: так внутри крестьянства в 1840-х годах различалось свыше 100 сословных групп с их особыми правами и обязанностями. Для обозначения понятия «сословие» употребляется также термин «состояние» - отсюда юридиче-

ское выражение «лишение прав состояния» т.е. лишение особых прав и преимуществ, присвоенных вследствие пребывания в данном сословии» [2, с. 642]. Указанные Л. В. Беловинским признаки понятия «сословие» могут быть использованы и в исследовании сословности однодворцев.

Исходя из указанного определения в качестве основных признаков не признанного юридически сословия однодворцев следует отметить: военную повинность; владение на праве личной собственности крестьянами, землями; несение налогового бремени; сословную замкнутость; внутри сословную неоднородность; право на восстановление в дворянстве; особенности в управлении; исполнение некоторых полицейских функций и пр. В рамках данной работы подробно исследовать все не представляется возможным. Ограничимся перечисленными. Отметим, что в имущественном отношении реальные повинности однодворцев были выше официально установленных правительственными указами. На их разорительный характер обращали внимание и некоторые представители дворянства. Например, Н. Н. Петрухинцев привел в качестве примера донесение гвардии майора И. П. Шипова, нарисовавшего в 1738 г. яркую картину разорения однодворцев непомерными обложениями [18, с. 245-246]. Обременительным было исполнение полицейских функций. Однодворцы привлекались к конвоированию арестованных, сопровождению и охране ценного государственного имущества, несению сторожевой службы в поселениях, борьбе с посягательствами на личную и государственную собственность, а также к исполнению некоторых других полицейских обязанностей. Но основной сословной повинностью оставалась военная служба.

ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ. Изначально однодворцы несли службу в пехотных и конных полках Белгородского разряда (упраздненного в 1708 г.), а потом в 1720 г. их было разрешено принимать в драгуны прочих полков. Сенатским указом от 27 ноября 1756 г. несение ими иной службы, кроме ландмилицкой, было запрещено [33]. Позднее служили на общих основаниях с податным населением при сохранении некоторых остатков льгот. Военной службе однодворцев работ посвящено много. Однако, недостаточно исследованными остаются вопросы «способности» однодворцев нести службу, особенно на командных должностях. Под этим термином понималось не только физическое состояние ратника, но и его имущественное положение. При постоянном недостатке в казне средств на содержание солдат и офицеров правительство рассчитывало на «довесок» из их имущества. А оно в периферийных городах было не завидным. При отсутствии крестьян, низкой производительности труда в однодворческих дворах, монета в карманах служилых людей звенела редко. Проживание и служба в столице и региональных центрах были «не по карману». Скорее всего, этим объясняется формирование элитных полков в основном из представителей московского дворянства, жителей столицы и ее предместий. Не имевшие такие возможности провинциальные дворяне, считая себя обойденными, записывались в однодворцы. Такая ситуация, например, имела место в Козлове. Из нескольких тысяч служилых людей этого уезда в Москве служили единицы. По состоянию на 1695 г. из с. Кривское в Преображенском полку служили братья Тарас, Харитон (фамилия не читаема), в «потешных» Ф. Т. Дымов [45]. Из с. Сеславино в начале 1700 гг. в «московских полках» служили Ларион и Денис Поповы [46]. Остальные указаны солдатами полевых полков, либо в службе по городу. Хотя, некоторые из них позаботились о будущем своих потомков. В 1653 г. в Москве умер выехавший с семьей из Козлова Епифан Федоров Суворов [47]. Петр I «отбывательство» однодворцев оценивал, как нежелание служить, следовательно, как противодействие власти. Возможно этим следует объяснить изданный в 1713 г. указ о запрете приема в школы детей однодворцев, отмененный только императрицей Елизаветой Петровной [34].

Итак, служба в поместном войске, в ландмилиции, а затем в казачьих войсках и ополчении в войне с Наполеоном дают основание отнести однодворцев к военному сосло-

вию, аналогичному сословию казачества имперского периода, однако в своем развитии «приглушенного» правящим дворянством.

НАСЛЕДСТВЕННЫЕ ПРИВИЛЕГИИ ОДНОДВОРЦЕВ. В ходе предпринятых правительством мер, направленных на окрестьянивание однодворцев, в одночасье лишиться всего, что им досталось от предков было не возможно. Поэтому некоторые сословные привилегии сохранялись и в XVIII-XIX вв. Прежде всего, запрет на их личное закрепощение. Хотя это положение нередко нарушалось. Например, в Козловском уезде А. Д. Меншикову Петром I было отдано в вотчину несколько однодворческих поселений. Однако, после потом крепостные были возвращены в прежнее однодворческое состояние [35]. Можно сказать, за некоторыми исключениями запрет на закрепощение потомков служилых людей выдерживался. Более того, за однодворцами длительное время сохранялось наследственное право на владение крестьянами. В ст. 752 Свода законов о состояниях издания 1857 г. указано: «Однодворцам дозволяется удерживать в своей собственности не только земли, купленные ими и их предками, или жалованные сим последним в вотчину, но и поселенных на тех землях людей и крестьян». Например, в Тамбовской губернии однодворцы-крепостники сохранялись вплоть до отмены крепостного права. Несмотря на принятые государством меры по выкупу крепостных, в их владении в губернии находилось в 1847 г. – 1970 душ, а в 1857 г. – 50 [10, с. 48]. Из сельских обывателей владение крестьянами Сводом законов было дозволено только однодворцам (ст. 658, ст. 659).

Экономической основой существования однодворцев являлось хлебопашество и сельское хозяйство, которые являлись одним из оснований обложения их податями. Как и дворянское, землевладение однодворцев изначально носило поместный характер. К моменту издания Свода законов о состояниях оно различалось по способам приобретения. Для обеспечения однодворцами службы в поместном войске затем ландмилиции, правительство до конца XVIII в. проводило политику земельного протекционизма: отчуждение поместных земель за пределы сословия ограничивалось, а владение землями, приобретенными на праве личной собственности, сохранялось за ними и после киселевской, стольпинской реформ [16]. Владение на основе четвертного права у однодворцев сохранялось долго. Однако борьба за черноземы между дворянством и однодворцами породила вековую вражду, ставшую одной из причин проведения в отношении последних дискриминационной политики. В оправдание сословной разницы между дворянством и однодворцами в недрах дворянской бюрократии была рождена и закреплена в законах догма о принадлежности поместных земель, полученных предками однодворцев, государству.

СОСЛОВНАЯ ЗАМКНУТОСТЬ. Признак сословной замкнутости сопутствовал корпорации однодворцев всегда. Этому явлению способствовали ограничения в правах владения землями, крестьянами; избрании места жительства; круговая порука при несении многочисленных повинностей, образе жизни и пр. Существенно ограничивалось пополнение сословия. Правительство приток в однодворцы представителей других групп населения сдерживало, а из крестьян пресекало. Относительно немногочисленные переходы осуществлялись по воле властей с обязательным документальным оформлением.

Императрицей Анной Иоанновной (1730-40 гг.) случаи изменения однодворцами сословной принадлежности рассматривались лично. Так, именным указом от 1 июля 1735 г. императрица удовлетворила прошение группы крестьян-конюхов из Козловского уезда Лукьяна Медведева, Леонтия Маликова «с товарищи» об исключении их из крестьянского сословия с возвращением в прежнее – однодворческое [36]. Аналогичные примеры не единичны.

При Екатерине II в комиссии по составлению нового Уложения однодворцы имели своих депутатов. В Межевой инструкции 1766 г. им была посвящена девятнадцатая глава «О землях однодворческих и прежних служб служилых людей и засечных сторожей» [37].

В ходе реформирования судебной системы в 1675 г. дела однодворцев подлежали рассмотрению в сословном суде – нижней и верхней (вторая инстанция) расправах [9, с. 133-134]. Пополнение сословия однодворцев за счет экономических (бывших церковных) и прочих казенных крестьян предусматривалось той же Межевой инструкцией. Проживающие в однодворческих поселениях крестьяне могли «поверстаться» в однодворцы, а однодворцы в крестьянских поселениях – в государственные крестьяне. Однако, такие переводы проводились по инициативе губернаторов, а окончательное решение в каждом конкретном случае оформлялось указами [38]. Примером может служить именной указ от 5 июня 1796 г. об обращении 345 душ однодворцев с Богдановки в государственные крестьяне. Свою просьбу заявители мотивировали невозможностью платить однодворческий оклад по причине бедности [39]. Нередко сословная замкнутость однодворцев подчеркивалась и на бытовом уровне. В 1763 г. Екатериной II был издан указ о дозволении малороссам вступать в однодворцы в случаях женитьбы на однодворках [43].

Фактически отдельным замкнутым сословием признавал однодворцев император Павел, который перевел в однодворцы с поселением в Саратовской губернии много отставных солдат элитных полков. Каждый случай индивидуального или группового перевода оформлялся именованным указом, строго контролировался при исполнении [50].

Осуществляемая правительством политика замкнутости однодворцев продолжалась и в XIX в. Указом от 6 июня 1804 г. император Александр I, рассмотрев донесение Тамбовской Казенной палаты, запретил поселение в однодворческих селах лицам других сословий. Указание было обязательным к исполнению и в других губерниях [40]. Этот же запрет был закреплен в ст. 620 Своде законов о состояниях [48, с. 132]. Следует отметить, что указов и иных правовых актов, направленных на обеспечение сословной замкнутости однодворцев, было издано множество. По причинам политического характера многие из них опубликованы не были.

НЕОДНОРОДНОСТЬ КОРПОРАЦИИ ОДНОДВОРЦЕВ. После петровских реформ сословие однодворцев по своему составу оставалось пестрым. В нем выделялись потомки служилых людей дворянского, казачьего, крестьянского и прочих происхождений. Первые в качестве привилегии имели право на восстановление в дворянстве. Хотя эта уступка была сделана правительством неохотно, с оговорками, через издание казуистических указов. Представители других сословий дворянство получали в порядке исключения. По территориальности, происхождению, отличиям в быту, возложенным обязанностям этнографы выделяют среди однодворцев новосильских казаков, талагаев, цуканов, засечных сторожей, шекунов и пр., которые имели свои особенности [6, с. 111]. Переселившиеся в свое время группы служилых людей жили на окраине государства в значительной степени изолированно, что влекло сохранение некоторых черт древнерусской культуры, выделяло их потомков в среде русского населения даже после ликвидации и переселения в другие регионы.

ОСОБЕННОСТИ В УПРАВЛЕНИИ ОДНОДВОРЦАМИ. В качестве сословного признака однодворцев, следует отметить и их подведомственность в системе государственного управления. За некоторыми исключениями служилые люди пограничных уездов на протяжении длительного времени управлялись военным ведомством – Разрядным приказом, а после его упразднения военными губернаторами. На местах до второй половины XVIII в. находились в непосредственном ведомстве воеводских канцелярий [49, т. 2. с. 762]. По данным Я. А. Лазарева в 1754-55 гг. в Сенат с челобитными обратились тамбовские однодворцы, которые требовали определить к ним для представления их интересов и защиты от произвола со стороны чиновников особых управителей. Обращение было удовлетворено. Однодворческие управители избирались из числа местных гражданских либо отставных военных от определенного числа однодворцев (примерно от 5-20 тыс. человек). В обязанности управителей входило выступать в роли посредников, защищать однодворцев от произвола

со стороны чиновников и военных и т. п. Фактически же их деятельность свелась к взысканию недоимок по налоговым обложениям. К тому же, некоторые управители использовали служебное положение в личных корыстных целях.

После проведенной Екатериной II реформы местного управления (1775 г.) однодворцы находились в ведении губернских казенных палат, уездных казначейств. В связи с загруженностью делами, малочисленностью штатов указанные учреждения устройством однодворцев занимались мало, защиту их земель от захвата дворянством не обеспечивали, да и к этому не стремились. Управление сводилось опять-таки к взысканию налогов. Юридический порядок в основы управления государственными крестьянами был внесен только при Павле законом от 7 августа 1797 г., который регламентировал жизнь казенной деревни до реформы П. Д. Киселева.

До 1 января 1838 г. управление однодворцами осуществлял Департамент государственных имуществ, входивший в состав Министерства финансов. В связи с его переподчинением Министерству государственных имуществ в бюрократической среде однодворцы стали именоваться казенными поселянами, позднее государственными крестьянами и, наконец, сельскими обывателями. В каждом случае в качестве сословия не признавались. В то же самое время значительно меньшая группа людей – ямщики в Своде законов о состояниях указаны в качестве отдельного сословия, «обязанного особому рода повинностью» [48, с. 132]. Сенатским указом от 18 января 1866 г. «О преобразовании общественного управления государственными крестьянами...» потомки однодворцев как и прочие крестьяне из ведения Министерства государственного имущества были изъяты и переданы в ведение губернских и местных учреждений. Как видим, особый порядок управления однодворцами сохранялся довольно долго.

Сословие предполагает наличие представительства в высших органах власти. При полном политическом господстве дворянства об участии однодворцев говорить не приходится. Тем не менее, такая возможность предоставлялась им Екатериной В. в период работы Уложенной комиссии (1767-68 гг.), где их интересы представляли 43 депутата. В историю вошло яркое выступление депутата Андрея Маслова, выразившего мысли и чаяния своего не признанного сословия. Выборные органы управления у однодворцев традиционно существовали только в поселениях по месту их компактного проживания.

Перечень указанных признаков сословия однодворцев исчерпывающим не является. Например в качестве привилегированного признака однодворцев следует рассматривать их право на восстановление в дворянстве, о чем исследователями написано много. За рамками данной статьи остались признаки, закрепленные обычаями, своим укладом жизни и прочими особенностями, на основе которых в конечном итоге из сословия однодворцев сформировался особый этнографический тип сельского обывателя [53, 19-27].

«Набор» признаков для юридического признания однодворцев отдельным сословием был вполне достаточен. Однако, в отличие от мелкой шляхты западных губерний этого не произошло. Однодворцы юридического признания своего сословия не добивались, а дворянство конкурентов не терпело.

ЛИКВИДАЦИЯ ОДНОДВОРЦЕВ. По результатам восьмой ревизии (1833-35 гг.) однодворцев и потомков старых служб насчитывалось 1 млн. 238 тыс. душ мужского пола [54]. Не в пример однодворцам западных губерний, в отношении проживающих в Центральном Черноземье специального акта о ликвидации не издавалось. Исследователи связывают окончание существования их корпорации с законом от 24 ноября 1866 г. «О земельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях» [41]. Хотя в данном законе обыватели под наименованием «однодворцы» не упомянуты. Не упоминается эта часть населения и в изданном в развитие закона сенатском указе от 18 января 1866 г. «О преобразовании общественного управления государственных крестьян, и о передаче сих крестьян во

владение общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений [42]. Не исключено, что указание об исключении из бюрократического оборота их исторического наименования было спущено властями на места отдельным, не опубликованным циркуляром во время киселевской реформы (1837-41 гг.). В отношении однодворцев реформатор П. Д. Киселев придерживался той же дворянской политики, направленной на их ликвидацию. Но, на всем протяжении существования однодворцев правительство понижало их социальный статус осторожно, постепенно, часто замаскировано под благие намерения либо притесняло без издания законов. До киселевской реформы и после нее однодворцы учитывались отдельно, хотя и были отнесены правительством к казенным поселанам. Например, в Тамбовской губернии накануне реформы они составляли большинство населения – 232 тыс. 320 душ м.п. По исследованиям В. В. Канищева понятие «однодворцы» в отношении их перестало употребляться со времени составления «Первичной ведомости Тамбовской Казенной палаты 1858 г.». С этого года однодворцы стали учитываться в составе государственных крестьян [12, с. 318-325]. В метрических книгах церковью Козловского уезда термины «однодворец», «однодворцы» употреблялись до 1841 г., а несколько сотен однодворцев длительное время по документам именовались «владельцами четвертных земель». В примечании к сборнику статистических сведений по уезду за 1881 г. земские чиновники вынуждены были признать, что в «уезде состоит крестьянских четвертных земель прежнего родового или наследственного владения около 2 тыс. десятин». Наибольшее число собственников четвертных земель находилось в Жидиловской, Хмелевской, Хоботец-Богоявленской, Изосимовской и Сеславинской волостях. Признав наличие однодворческих земель, авторы сборника пробелы в учете объясняли надуманными причинами технического характера: невозможностью проведения точных подсчетов [13]. Хотя эта категория населения продолжала выступать субъектом прав и обязанностей, закрепленных в Своде законов 1857 г. Вопреки бюрократической изощренности, однодворцы продолжали восприниматься в качестве особой категории населения, и даже вошли в литературу конца XIX – начала XX вв., став героями в произведениях И. А. Бунина: «Божье древо», «Антоновские яблоки» и других рассказах.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что по историческим меркам сословие однодворцев в Центральном Черноземье Российской империи существовало непродолжительный период времени и юридически таковым признано не было. Причины непризнания следует рассматривать в контексте политики, направленной на интеграцию окраин, лишение некоторых сословных групп автономий, классовых интересов дворянства. С возложением обязанностей по охране пограничных рубежей на полки регулярной армии, заинтересованность правительства в пограничной службе однодворцев отпала. При определении их будущего в правительстве превалировали вызванные недостатком средств фискальные интересы. Не желая видеть в их лице конкурирующее сословие в борьбе за земли, в несении государственной службы, дворянство постоянно усиливало натиск на однодворцев по окрестыванию, а во время крестьянских реформ 1860 гг., несмотря на сохранение у их потомков остатков сословных признаков, этот процесс бюрократическим путем завершило. При этом на локальном уровне однодворцы продолжали сохранять свои особенности. К принятию решения правительством о ликвидации данной категории населения подталкивали и события в западных губерниях, где в среде «собранный» в сословие однодворцев мелкой шляхты наблюдались антироссийские и антиправительственные настроения. Последние могли вызвать брожение и в среде малоземельного населения Черноземья, где значительную долю составляли однодворцы, которые по примеру шляхты также могли требовать повышения своего социального статуса. Сословие однодворцев существовало де факто. По справедливому замечанию авторов монографии «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII-XX вв.», некоторые исследователи в отечественной историографии

с включением однодворцев в сословие государственных крестьян поторопились. Общего между ними было не много [8, с. 215]. Существование однодворцев завершилось после принятия закона от 24 ноября 1866 г. и сенатского указа от 18 января 1866 г. Согласно п. 9, ст. 614, 616 Свода законов о состояниях: однодворцы и их потомки, как и государственные крестьяне (разными пунктами) были признаны сельскими обывателями, проживающими на казенных либо собственных землях. На локальном уровне некоторые сословные особенности у однодворцев сохранялись и после переселения в другие регионы.

Последние исследования историков, появление в научном обороте новых документов дают основание к корректировке общепринятых выводов о месте однодворцев в системе сословий имперской России, их формировании в качестве сословия (не признанного юридически), причин непризнания в качестве такового, а также временных рамок их фактического существования.

Список источников и литературы

1. Анисимов, Е. В. (2009). *Петр Великий: личность и реформы*. СПб.: Питер. 448 с.
2. Беловинский, Л. В. (2007). *Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа XVIII – начало XX в.* Москва: Эксмо. 784 с.
3. Белявский, М. Т. (1965). *Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева*. Москва: Моск. университет. 381 с.
4. Благовещенский, Н. А. (1899). *Четвертное право*. Москва: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнарев и К. 545 с.
5. Вахитов, Р. Р. (2017) *Сословия и раздаток (к уточнению дефиниции сословия)* // Социологический журнал. Т. 23. № 4. С. 121-138.
6. Власова, И. В. (1999). *Группы русских южной зоны и центра. Русские* / отв. ред. А. А. Александров, И. В. Власова и Н. С. Полищук. Москва: Наука, 1999. 828 с.
7. *Военно-Энциклопедический словарь*. Москва: Воениздат, 1983. 675 с.
8. *Границы и маркеры социальной стратификации России XVII-XX вв.: векторы исследования* / Научный редактор Д. А. Редина. СПб.: Алетейя, 2018. 722 с.
9. Ерошкин, Н. П. (1968) *История государственных учреждений дореволюционной России*. Москва: Высшая школа. 368 с.
10. Иванова-Малофеева, Е. Ю. (2005). *Реформа государственной деревни в Тамбовской губернии. Середина 30-х – середина 50-х гг. XIX в.* Тамбов: Издательство ТГТУ. 127 с.
11. Карамыш, О. М. (2007). *Законодательные основы формирования дворянского сословия Российской Империи*: дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 230 с.
12. Канищев, В. В. (2018). *Преодоление социальной специфики населения южнорусского фронта в конце XVIII – первой половине XIX вв. (По материалам Тамбовской губернии)* // Научные ведомости БелгорГУ. Сер. История. Политология. Т. 45. № 2. С. 318-325.
13. *Козловский уезд*. / Сборник статистических сведений. Отдел хозяйственной статистики. Т. 2. Тамбов. Издание Тамбовского губернского земства, 1881. 314 с.
14. Лазарев, Я. (2014). *Однодворцы в системе прямого налогообложения России XVIII в.* // Cahiers dumonde russe. 55/3-4. Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург. С. 215-234.
15. Ляпин, Д. А. (2006). *Дети боярские Елецкого уезда*: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Воронеж. 22 с.
16. Нечаев, В. В. (2021). *Поземельные отношения однодворцев и их потомков с государством в Козловском уезде в XVIII-XIX веках* // Filo Ariadne. № 3. С. 38-57.
17. Пенской, В. В. (2000). *Украинский ландмилицкий корпус в XVIII веке* // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 147-153.

18. Петрухинцев, Н. Н. (2014). *Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730-1740)*. Москва: Политическая энциклопедия. 1063 с.
19. Победоносцев, К. П. (2016). *Курс гражданского права*. Москва: Зерцало. 768 с.
20. Полубояров, М. С. (2000). *Драгунские горы. Историко-публицистическое повествование*. Саратов: СГАП. 308 с.
21. Попов, М. А. (2021). *Исторические предпосылки формирования сословия однодворцев в Центральном Черноземье* // Журнал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева. № 1 (24). С. 6. URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/413.html>. (дата обращения 15.01.2021).
22. ПСЗРИ. Т. 12. № 9421. С. 719-721.
23. ПСЗРИ. Т. 8. № 5673. С. 360-364.
24. ПСЗРИ. Т. 14. № 19659. С. 682-683.
25. ПСЗРИ. Т. 13. №. 9972. С. 632-635.
26. ПСЗРИ. Т.21. № 15723. С. 907.
27. ПСЗРИ. Т. 29. № 22385. С. 902-905.
28. ПСЗРИ. Собр. (1881-1913 гг.). Т. 4. № 2874. С. 329 -332.
29. ПСЗРИ. Т. 22. № 16552 С. 863-864.
30. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 2. № 418. С. 854; Т. 6. № 4579. С. 387.
31. ПСЗРИ. Т. 26. № 19413. С. 154.
32. ПСЗРИ. Т. 38. № 29476. С. 1006-1007.
33. ПСЗРИ. Т. 14. № 10659. С. 682-683.
34. ПСЗРИ. Т.5. № 2778. С. 86.
35. ПСЗРИ. Т. 8. № 5358. С. 122.
36. ПСЗРИ. Т. 9. № 6774. С. 548.
37. ПСЗРИ. Т. 17, № 12659. С. 763-770.
38. ПСЗРИ, Т. 17. № 12659. Межевая инструкция. Гл. 19, ст. 13, пп. 3,4. С. 766-767.
39. ПСЗРИ. Т. 27. № 20664. С. 499.
40. ПСЗРИ. Т. 28. № 21332. С. 368-369.
41. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 41 ч. 2. № 43888. С. 280-283.
42. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 41 ч. 1. № 4899. С. 34-37.
43. ПСЗРИ. Т. 16. № 11911. С. 366.
44. Рабинович, М. Д. (1971). *Однодворцы в первой половине XVIII в.* // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. С. 137-144.
45. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 10. Оп. 6е. Д. 39. 1695-96 гг. Список служилых людей по г. Козлову.
46. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 6е. Д. 44. 1704 г. Сметная книга г. Козлова кн. Г. И. Волконского.
47. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 10. Оп. 21. Д. 118. 1657 г. Сметная книга г. Козлова В. Н. Лихарева. Л. 813.
48. Свод законов Российской империи издания 1857 года. Том 9. Законы о состояниях. Санкт-Петербург. В типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 572 с.
49. Семевский, В. И. (1903). *Крестьяне в царствование Императрицы Екатерины II*. Т. 2. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича. 863 с.
50. *Сенатский архив: именные указы императора Павла I*. С. Петербург. Типография Правительствующего Сената. 1888.
51. Трояновский, К. В. (2017). *Проектирование сословия однодворцев западных губерний в 1831 году*. // Самарский научный вестник. Т. 6. № 2 (19). С. 135-140.

52. Целорунго, Д. Г. (2017). *Социальный облик унтер-офицеров российской армии – участников бородинского сражения*. Министерство культуры РФ. Бородинский музей-заповедник. Бородино. 280 с.
53. Чуркин, М. К. (2017). *Однодворцы центральных и западных губерний России: факторы этнокультурной идентичности и миграционный потенциал (XIX – начало XX вв.)*. // Вестник Омского государственного педагогического университета. № 2 (14). С. 171-175.
54. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXVIII. А. 76. СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1903. С. 726-3-736.

References

1. Anisimov, E. V. (2009). *Petr Velikiy: lichnost' i reformy*. [Peter the Great: Personality and Reforms]. St. Petersburg, Piter Publ. (in Russian).
2. Belovinskiy, L. V. (2007). *Illyustrirovannyi entsiklopedicheskiy istoriko-bytovoy slovar' russkogo naroda XVIII – nachalo XX v.* [Illustrated encyclopedic historical and everyday dictionary of the Russian people of the 18th – early 20th century]. Moscow, Eksmo Publ. (in Russian).
3. Belyavskiy, M. T. (1965). *Krest'yanskiy vopros v Rossii nakanune vosstaniya E. I. Pugacheva*. [The peasant question in Russia on the eve of the uprising of E. I. Pugacheva]. Moscow, Moscow University Publ. (in Russian).
4. Blagoveshchenskiy, N. A. (1899). *Chetvertnoe pravo*. [Chetvertnoe right]. Moscow, Tipo-litografiya Tovarishchestva I. N. Kushnarev i K. Publ. (in Russian).
5. Vakhitov, R. R. (2017) *Sosloviya i razdatok (k utochneniyu definitsii sosloviya)* [Estates and distribution (to clarify the definition of the class)] in *Sotsiologicheskiy zhurnal*, t. 23, 4, 121-138. (in Russian).
6. Vlasova, I. V. (1999). *Gruppy russkikh yuzhnoy zony i tsentra. Russkie*. [Groups of Russians in the southern zone and center. Russians], redactor A. A. Aleksandrov, I. V. Vlasova, N. S. Polishchuk. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
7. *Voенно-Entsiklopedicheskiy slovar'*. [Military Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1983. (in Russian).
8. *Granitsy i markery sotsial'noy stratifikatsii Rossii XVII-XX vv.: vektory issledovaniya* [Boundaries and markers of social stratification of Russia in the 17th – 20th centuries: research vectors], redaktor D. A. Redina. St. Petersburg, 2018. (in Russian).
9. Eroshkin, N. P. (1968) *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolyutsionnoy Rossii*. [The history of state institutions in pre-revolutionary Russia]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. (in Russian).
10. Ivanova-Malofeeva, E. Yu. (2005). *Reforma gosudarstvennoy derevni v Tambovskoy gubernii. Sredina 30-kh – sredina 50-kh gg. 19 v.* [Reform of the state village in the Tambov province. Mid 30s - mid 50s 19th century]. Tambov, TGTU Publ. (in Russian).
11. Karamysh, O. M. (2007). *Zakonodatel'nye osnovy formirovaniya dvoryanskogo sosloviya Rossiyskoy Imperii*. [Legal basis for the formation of the nobility of the Russian Empire]. (doctoral dissertation). Moscow.
12. Kanishchev, V. V. (2018). *Preodolenie sotsial'noy spetsifiki naseleniya yuzhnorusskogo frontira v kontse XVIII – pervoy polovine XIX vv. (Po materialam Tambovskoy gubernii)* [Overcoming the social specifics of the population of the southern Russian frontier at the end of the 18th - first half of the 19th centuries. (Based on materials from the Tambov province)] in *Nauchnye vedomosti BelgorGU. Istoriya. Politologiya*, t. 45, 2, 318-325. (in Russian).
13. Kozlovskiy uezd [Kozlovsky district] in *Sbornik statisticheskikh svedeniy. Otdel khozyaystvennoy statistiki*. Т. 2. Tambovskogo gubernskogo zemstvo Publ. Tambov, 1881. (in Russian).

14. Lazarev, Ya. (2014). *Odnodvortsy v sisteme pryamogo nalogooblozheniya Rossii XVIII v.* [Odnodvortsy in the system of direct taxation of Russia in the 18th century] in *Cahiers dumonde russe*. 55/3-4, 215-234. (in Russian).
15. Lyapin, D. A. (2006). *Deti boyarskie Eletskego uezda*. [Boyar children of the Eletsy district]. (doctoral dissertation abstract). Voronezh.
16. Nechaev, V. V. (2021). *Pozemel'nye otnosheniya odnodvortsev i ikh potomkov s gosudarstvom v Kozlovskom uезде v XVIII-XIX vekov* [Land relations of one-courtiers and their descendants with the state in the Kozlovsky district in the 18th – 19th centuries] in *FiloAriadne*, 3, 38-57. (in Russian).
17. Penskoj, V. V. (2000). *Ukrainskiy landmilititskiy korpus v XVIII veke*. [Ukrainian Landmilititsky Corps in the 18th century]. in *Voprosy istorii*, 10, 147-153. (in Russian).
18. Petrukhintsev, N. N. (2014). *Vnutrennyaya politika Anny Ioannovny (1730-1740)*. [Internal policy of Anna Ioannovna (1730-1740)]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ. (in Russian).
19. Pobedonostsev, K. P. (2016). *Kurs grazhdanskogo prava*. [Civil law course]. Moscow, Zertsalo Publ. (in Russian).
20. Poluboyarov, M. S. (2000). *Dragunskie gory*. [Dragoon mountains]. Saratov, SGAP Publ. (in Russian).
21. Popov, M. A. (2021). Istoricheskie predposylki formirovaniya sosloviya odnodvortsev v Tsentral'nom Chernozem'e [Historical prerequisites for the formation of the estate of one-family estate in the Central Black Earth Region] in *Zhurnal Rossiyskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'turnogo i prirodnogo naslediya im. D. S. Likhacheva*, 1 (24), 6. (in Russian) URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/413.html>. (date accessed: 15.01.2021). (in Russian).
22. PSZRI [PSZRI]. T. 12. № 9421. 719-721. (in Russian).
23. PSZRI [PSZRI]. T. 8. № 5673. 360 - 364. (in Russian).
24. PSZRI [PSZRI]. T. 14. № 19659. 682-683. (in Russian).
25. PSZRI [PSZRI]. T. 13. №. 9972. 632-635. (in Russian).
26. PSZRI [PSZRI]. T. 21. № 15723. 907. (in Russian).
27. PSZRI [PSZRI]. T. 29. № 22385. 902-905. (in Russian).
28. PSZRI [PSZRI]. *Sobr.* (1881-1913 gg.). T. 4. № 2874. 329 -332. (in Russian).
29. PSZRI [PSZRI]. T. 22. № 16552. 863-864. (in Russian).
30. PSZRI [PSZRI]. *Sobr.* 2. T. 2. № 418. 854; T. 6. № 4579. 387. (in Russian).
31. PSZRI [PSZRI]. T. 26. № 19413. 154. (in Russian).
32. PSZRI [PSZRI]. T. 38. № 29476. 1006-1007. (in Russian).
33. PSZRI [PSZRI]. T. 14. № 10659. 682-683. (in Russian).
34. PSZRI [PSZRI]. T. 5. № 2778. 86. (in Russian).
35. PSZRI [PSZRI]. T. 8. № 5358. 122. (in Russian).
36. PSZRI [PSZRI]. T. 9. № 6774. 548. (in Russian).
37. PSZRI [PSZRI]. T. 17. № 12659. 763-770. (in Russian).
38. PSZRI [PSZRI]. T. 17. № 12659. *Mezhevaya instruktsiya*. Gl. 19, st. 13, 3, 4. 766-767. (in Russian).
39. PSZRI [PSZRI]. T. 27. № 20664. 499. (in Russian).
40. PSZRI [PSZRI]. T. 28. № 21332. 368-369. (in Russian).
41. PSZRI [PSZRI]. *Sobr.* 2. T. 41 ch.2. № 43888. 280-283. (in Russian).
42. PSZRI [PSZRI]. *Sobr.* 2. T. 41 ch.1. № 4899. 34-37. (in Russian).
43. PSZRI [PSZRI]. T. 16. № 11911. 366. (in Russian).
44. Rabinovich, M. D. (1971). *Odnodvortsy v pervoy polovine XVIII v.* [Odnodvortsy in the first half of the 18th century] in *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy*. 137-144. (in Russian).

45. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA)]. F. 10. Op. 6e. D. 39. (in Russian).
46. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA)]. F. 210. Op. 6e. D. 44. (in Russian).
47. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA)]. F. 10. Op. 21. D. 118. (in Russian).
48. Zakony o sostoyaniyakh (1857) [Laws of states] in Svod zakonov Rossiyskoy imperii izdaniya 1857 goda. T. 9. St. Petersburg. (in Russian).
49. Semevskiy, V. I. (1903). *Krest'yane v tsarstvovanie Imperatritsy Ekateriny II*. [Peasants during the reign of Empress Catherine II]. T. 2. St. Petersburg, M. M. Stasyulevicha Publ. (in Russian).
50. Senatskiy arkhiv: imennye ukazy imperatora Pavla I. (1888) [Senate archive: personal decrees of Emperor Paul I. S. Petersburg. Printing House of the Governing Senate]. St. Petersburg. Pravitel'stvuyushchego Senata Publ. (in Russian).
51. Troyanovskiy, K. V. (2017). *Proektirovanie sosloviya odnodvortsev zapadnykh guberniy v 1831 godu*. [Designing the estate of one-courtyards in the western provinces in 1831]. in Samarskiy nauchnyy vestnik. T. 6. № 2 (19), 135-140. (in Russian).
52. Tselorungo, D. G. (2017). *Sotsial'nyy oblik unter-ofitserov rossiyskoy armii – uchastnikov borodinskogo srazheniya*. [The social image of non-commissioned officers of the Russian army – participants in the Borodino battle]. Borodino, Ministerstvo kul'tury RF Publ. (in Russian).
53. Churkin, M. K. (2017). *Odnodvortsy tsentral'nykh i zapadnykh guberniy Rossii: faktory etnokul'turnoy identichnosti i migratsionnoy potentsial (XIX – nachalo XX vv.)*. [Odnodvortsy of the Central and Western Provinces of Russia: Factors of Ethnocultural Identity and Migration Potential (19th – early 20th centuries)] in Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. № 2 (14), 171-175. (in Russian).
54. *Entsiklopedicheskiy slovar' Efrona i Brokgauza v 86 tomakh* (1903) [Encyclopedic Dictionary of Efron and Brockhaus in 86 volumes]. T. XXXVIII. A. 76. St. Petersburg. (in Russian).

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Коробицына Л. В.
(Москва)

УДК 303.446.4

**ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ**

Будучи одной из наиболее трагичных страниц в истории России, Вторая мировая война оставила колоссальный след в памяти российского народа, соединив в себе столь противоречивые чувства, как горе из-за невосполнимых утрат и радость одержанной победы. Статья посвящена наиболее современным формам сохранения памяти о событиях Великой Отечественной войны в современном российском интернет-пространстве. Используя статистические данные пользовательской активности в Интернет в 2022 году, автор рассматривает наиболее популярные социальные сети, функционирующие на территории Российской Федерации, и анализирует актуальные тренды развития современных практик коммеморации и способов формирования и сохранения коллективной памяти. В частности, в статье рассмотрены такие интернет-платформы, как «ВКонтакте» и «Яндекс Дзен», где отмечается значительная пользовательская активность по ведению разнообразных сообществ и каналов, посвященных истории Великой Отечественной войны, а также так называемый феномен массового «флэшмоба» Дня Победы. В статье используются подходы концепции исторической памяти, которая позволяет осмыслить тенденции в формах и практиках сохранения исторической памяти о подвиге российского народа в пространстве социальных сетей. Автор приходит к выводу, что растущая роль и значение Интернета и социальных сетей в жизни современного общества способствуют тому, что в обозримом будущем именно эти ресурсы станут богачейшими, если не основными, источниками сведений по коллективной исторической памяти о Великой Отечественной войне, а также пространством для формирования новых коммеморативных практик.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, современные коммеморативные практики, интернет-пространство, историческая память, репрезентация памяти, коммеморация.

Being one of the most tragic pages in the history of Russia, World War II left a colossal mark in the memory of the Russian people, combining such conflicting feelings as grief over irreplaceable losses and the joy of victory. The article is devoted to the most modern forms of preserving the memory of the events of the Great Patriotic War in the modern Russian Internet space. Using statistical data of user activity on the Internet in 2022, the author examines the most popular social networks operating in the Russian Federation and analyzes current trends in the development of modern commemoration practices and ways of forming and preserving collective memory. In particular, the article discusses such Internet platforms as VKontakte and Yandex Zen, where there is significant user activity in maintaining various communities and channels dedicated to the history of the Great Patriotic War, as well as the so-called phenomenon of the mass “flash mob” of Victory Day. The article uses the approaches of the concept of historical memory, which makes it possible to comprehend the trends in the forms and practices of preserving the historical memo-

ry of the feat of the Russian people in the space of social networks. The author comes to the conclusion that the growing role and importance of the Internet and social networks in the life of modern society contribute to the fact that in the foreseeable future these resources will become the richest, if not the main, sources of information on the collective historical memory of the Great Patriotic War, as well as space for formation of new commemorative practices.

Keywords: Great Patriotic War, modern commemorative practices, Internet space, historical memory, representation of memory, commemoration.

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-31-2-108-114

В начале XXI в. в связи с внедрением в нашу жизнь цифровых технологий, все большее развитие начали получать новые формы коммеморации и сохранения памяти о прошлом. Этот процесс стал наиболее очевиден в период продолжительных карантинных режимов самоизоляции, когда значительная часть образовательных учреждений, музеев, организаций, реализующих социальные проекты патриотической направленности, были вынуждены развивать формы взаимодействия с аудиторией через интернет-сайты, ресурсы социальных сетей и информационные порталы. При этом тема Великой Отечественной войны ничуть не утратила свою популярность, а более того – значительно расширила спектр коммеморативных практик в цифровом пространстве.

Обладая важным патриотическим и символическим значением для россиян, память о Великой Отечественной войне продолжает оставаться интереснейшим исследовательским полем, требующим пристального внимания, в том числе, историков. Безусловно, современные формы сохранения памяти о войне находят разнообразные формы как в научных работах и публикациях представителей исторического сообщества, так и в массовой культуре. Разнообразные интернет-платформы, ресурсы и социальные сети могут выступать площадками для популяризации истории, а также пространством для выражения общественной заинтересованности в сохранении памяти о Великой Отечественной войне через личные посты каждого отдельно взятого пользователя.

Значительное число русскоязычных пользователей 9 мая размещают в своих социальных сетях публикации, посвященные участникам войны, семейной военной истории или личным размышлениям о подвиге советского народа. Именно эта форма сохранения памяти о войне является одной из наиболее новых и наименее изученных коммеморативных практик и способов формирования коллективной памяти. В этом отношении особый интерес представляет обращение к социальной сети «ВКонтакте» [14], как к популярному пространству, в том числе, для трансляции памяти о Великой Отечественной войне.

Согласно данным информационной платформы MediaScore [21], ежемесячно публикующей данные об активности российских пользователей в Интернете, за январь 2022 года «ВКонтакте» занимает пятое место по количеству посетителей на территории России с месячным охватом равным 79164,7 тыс. чел., что составляет 64.8% от всего населения страны. При этом, если мы посмотрим на среднеедневное количество посетителей, то «ВКонтакте» занимает четвертое место среди всех функционирующих на территории Российской Федерации социальных сетей с охватом 46102,2 тыс. чел., что равняется 37.8% всех жителей страны [20]. Схожие сведения представлены платформой MediaScore за февраль 2022 года с незначительным снижением показателей, которое не оказало влияние на положение социальной сети в общем рейтинге.

«ВКонтакте», как и любая социальная сеть, живет по своим специфическим правилам. Во-первых, она носит как визуальный, так и текстовый характер, что позволяет людям делиться не только так называемыми «картинками», но и обширными текстами. Во-вторых, данная социальная сеть имеет две разновидности форм взаимодействия с публи-

кой: общение через личные аккаунты и общение через сообщества. Каждый пользователь может создать сообщество в виде «группы» или «страницы», каждое из которых обладает своим набором функций, способов управления и коммуникации. В-третьих, «ВКонтакте» оснащен удобной поисковой системой, которая дает возможность осуществлять поиск по всем записям, опубликованным кем-либо и когда-либо вне зависимости от наличия и отсутствия хештега, т.е. своего рода ключевого слова с особым знаком «#», стоящим перед ним. Все посты, вне зависимости от их публикации на личной странице или на странице сообщества, оказываются в так называемой «новостной ленте», поиск по которой также возможен.

Для выявления общих трендов наличествующих в социальной сети «ВКонтакте» нами была рассмотрена статистика по количеству постов, опубликованных с указанием наиболее подходящих по тематике ключевых слов: «Великая Отечественная война», «Вторая мировая война», «День Победы», «Парад Победы». По данным на апрель 2022 года наиболее популярным словосочетанием оказался «День Победы», который присутствовал в порядка 9,5 млн. постов [12]. Второе место по популярности занимают ключевые слова «Великая Отечественная война» – 8,3 млн. постов [10], третье место – «Вторая мировая война» с 3,5 млн. постов [11], четвертым по популярности является словосочетание «Парад Победы» – 1,3 млн. постов [13].

Значительную часть постов, опубликованных «ВКонтакте» и посвященных теме Великой Отечественной войны, можно разделить на две основные группы: посты публикуемые 9 мая в День Победы и посты, публикуемые вне зависимости от праздничной даты.

Публикации, относящиеся к первой категории, зачастую носят характер патриотического «флэшмоба», когда пользователи социальной сети массово размещают на своих личных страничках поздравления с праздником, рассказывают семейные военные истории, загружают фотографии и видео с парада Победы, делятся своими личными размышлениями о значении этой памятной даты для современного российского общества. Посты, публикуемые вне зависимости от памятной даты, носят качественно иной характер. Обычно такого рода публикации размещаются на страницах музеев, разнообразных патриотических движений и проектов, а также пользователями, интересующимися историей Великой Отечественной войны. И та и другая разновидность публикаций обладает своим уникальным набором качественных характеристик, отражающих вектор развития коммеморативных практик о Великой Отечественной войне, что само по себе может стать предметом глубокого изучения и анализа, в том числе с использованием количественных методов.

Наиболее популярной группой, посвященной теме Великой Отечественной войны, является сообщество «Бессмертный полк» [1], объединяющий более 390 тыс. пользователей. Движение «Бессмертный полк» само по себе является формой сохранения памяти о каждом отдельно взятом герое и уникальным явлением, которое свидетельствует об особой трагической роли войны в жизни каждой отдельно взятой российской семьи. Данное сообщество обладает удобной навигационной системой поиска интересующих публикаций, разделенных по рубрикам. Кроме того, модераторами группы ведется активная работа, заключающаяся в ежедневной публикации постов на тему день в истории [3], а также на такие не менее интересные темы, как: факты о войне [9], стихи о войне [8], письма с фронта [6], боевая техника [2], женщины на войне [4], песни о войне [5] и другие. Большим разнообразием отличается контент, которым наполнено сообщество «Бессмертный полк»: разнообразные видеоролики, посвященные отдельным героям или событиям Великой Отечественной войны, обсуждения, нацеленные на поиск ветеранов и их близких [7], где участники сообщества могут направлять запросы на поиск своих родных и близких,

принимавших участие в военных действиях, а также публикации фотографий героев войны, направленные их потомками для размещения на странице сообщества.

Безусловно, работа, ведущаяся в рамках сообщества «Бессмертный полк», является примером высокого профессионализма и отражает стремление общественного движения, активно поддерживаемого государством, формировать патриотическое восприятие истории у широкой аудитории.

Одним из динамично развивающихся и популярных интернет-ресурсов в России является «Яндекс». Согласно данным представленным MediaScore [21] за январь 2022 года месячный охват российской аудитории всех сервисов «Яндекса» ровняется 93993,2 тыс. человек, что составляет 77% населения страны [20]. При этом в рейтинге всех проектов «Яндекса» [19] за март 2022 года первое место – ожидаемо – принадлежит поисковой системе «Яндекс Портал» (77120,2 тыс. человек), в то время как второе место занимает «Яндекс Дзен», объединяющий 52090,5 тыс. пользователей.

«Яндекс Дзен» представляет собой платформу для создания и просмотра разнообразного текстового, визуального и аудио-контента на всевозможные темы, в том числе довольно популярными являются блоги, посвященные теме Великой Отечественной войны. Их отличительными особенностями являются: во-первых, определение авторства постов того или иного канала зачастую вызывает трудности или попросту невозможно, во-вторых, авторами исторических публикаций и статей могут выступать как профессиональные историки, так и любители истории, в-третьих, подавляющее большинство постов носят эмоциональный характер, наполнены личными размышлениями и являются выражением субъективной позиции автора.

Самым популярным блогом по военной тематике с более чем 30 тыс. подписчиков является канал «Великая Отечественная» [15], нацеленный на устранение белых пятен истории Великой Отечественной войны и публикацию воспоминаний и рассказов ветеранов об их участии в военных событиях. Основным способом взаимодействия с аудиторией автором блога был избран текст, который сопровождается соответствующими по тематике изображениями.

Гораздо более оживленным и наполненным разнообразным контентом является канал «История Онлайн» [17], объединяющий порядка 20 тыс. подписчиков и посвященный наиболее дискуссионным и активно обсуждаемым событиям XX в. в России: революция 1917 г., гражданская война, сталинские репрессии и конечно же Великая Отечественная война. Отличительной чертой канала является разнообразие контента: автор публикует не только текстовые посты, но и видео материалы, затрагивает в своих публикациях тему сохранения и реконструкции военных мемориалов, в простой и доступной для читателя форме рассказывает о героях войны.

Необычная форма сохранения памяти о войне представлена в не менее популярном блоге с более 17 тыс. подписчиков «Войны рассказы» [16], в рамках которого публикуются небольшие художественные тексты, посвященные подвигам простых людей в Великой Отечественной войне. Не ставя перед собой цель судить о художественной ценности данных текстов, отметим лишь, что основой отправной точкой для каждого рассказа является реальный исторический факт, вокруг которого выстраивается литературное повествование не претендующее на историческую достоверность. В гораздо меньшей степени на историческую достоверность претендует канал «Чтобы помнили...» [18], где размещаются рассказы о Великой Отечественной войне, которые вопреки отсутствию исторической достоверности и опоры на фактологический материал, нацелены на запечатление подвига русского народа и сохранение памяти при помощи художественных, зачастую романтизированных, образов.

Безусловно, представленные нами каналы «Яндекс Дзена» не могут рассматриваться как источники знаний для широкой аудитории или достоверных сведений о военных событиях, однако они дают возможность оценить общую вовлеченность российской аудитории в историческую тематику и стремление сохранить и упрочить память о подвигах, совершенных народом в годы войны.

Каждая из представленных нами информационных платформ обладает своими специфическими чертами и особенностями, задействует свой инструментарий и способы взаимодействия с аудиторией. Рассмотрев публикационную и читательскую активность пользователей «ВКонтакте» и «Яндекс Дзена», мы можем говорить о несомненной вовлеченности российского общества в тему Великой Отечественной войны. Более того, учитывая растущую роль и значение Интернета и социальных сетей в жизни современного общества, смеем предположить, что именно эти ресурсы в обозримом будущем станут богатейшими, если не основными, источниками сведений по коллективной исторической памяти о Великой Отечественной войне, а также пространством для формирования новых коммеморативных практик. При этом сохранение памяти будет происходить как через официальные сайты, государственные информационные ресурсы, так и благодаря вкладу простых пользователей социальных сетей, что позволит сделать память о войне еще более человечной, то есть изучать прошлое через призму историй отдельно взятых семей и личностей.

Список источников и литературы

1. ВКонтакте. Бессмертный полк. URL: https://vk.com/polk_russia (дата обращения: 30 апреля 2022).
2. ВКонтакте. Бессмертный полк. Боевая техника. URL: <https://vk.com/wall-99626804?q=%23БоеваяТехника> (дата обращения: 30 апреля 2022).
3. ВКонтакте. Бессмертный полк. День в истории. URL: <https://vk.com/wall-99626804?q=%23ДеньВИстории> (дата обращения: 30 апреля 2022).
4. ВКонтакте. Бессмертный полк. Женщины на войне. URL: <https://vk.com/wall-99626804?q=%23ЖенщиныНаВойне> (дата обращения: 30 апреля 2022).
5. ВКонтакте. Бессмертный полк. Песни о войне. URL: <https://vk.com/wall-99626804?q=%23ПесниОВойне> (дата обращения: 30 апреля 2022).
6. ВКонтакте. Бессмертный полк. Письма с фронта. URL: <https://vk.com/wall-99626804?q=%23ПисьмаСФронта> (дата обращения: 30 апреля 2022).
7. ВКонтакте. Бессмертный полк. Поиск ветеранов и их близких. URL: https://vk.com/topic-99626804_40710417 (дата обращения: 30 апреля 2022).
8. ВКонтакте. Бессмертный полк. Стихи. URL: <https://vk.com/wall-99626804?q=%23стихи> (дата обращения: 30 апреля 2022).
9. ВКонтакте. Бессмертный полк. Факты о войне. URL: <https://vk.com/wall-99626804?q=%23ФактыОВойне> (дата обращения: 30 апреля 2022).
10. ВКонтакте. Поиск. Великая Отечественная война. URL: https://vk.com/search?c%5Bper_page%5D=40&c%5Bq%5D=Великая%20Отечественная%20война&c%5Bsection%5D=statuses (дата обращения: 29 апреля 2022).
11. ВКонтакте. Поиск. Вторая мировая война. URL: https://vk.com/search?c%5Bper_page%5D=40&c%5Bq%5D=Вторая%20мировая%20война&c%5Bsection%5D=statuses (дата обращения: 29 апреля 2022).
12. ВКонтакте. Поиск. День Победы. URL: https://vk.com/search?c%5Bper_page%5D=40&c%5Bq%5D=День%20Победы&c%5Bsection%5D=statuses (дата обращения: 29 апреля 2022).

13. ВКонтакте. Поиск. Парад Победы. URL: https://vk.com/search?c%5Bper_page%5D=40&c%5Bq%5D=Парад%20Победы&c%5Bsection%5D=statuses (дата обращения: 29 апреля 2022).
14. ВКонтакте. URL: <https://vk.com> (дата обращения: 25 апреля 2022).
15. Канал «Великая Отечественная» URL: https://zen.yandex.ru/id/5a5141281410c318a507fee5?lang=ru&referrer_place=multisearch (дата обращения: 30 апреля 2022).
16. Канал «Войны рассказы» URL: https://zen.yandex.ru/id/601cc93d1d567b1eb08756cd?lang=ru&referrer_place=multisearch (дата обращения: 30 апреля 2022).
17. Канал «История Онлайн» URL: https://zen.yandex.ru/id/5cf17acaddc81b00afb1fc6b?lang=ru&referrer_place=multisearch (дата обращения: 30 апреля 2022).
18. Канал «Чтобы помнили...» URL: https://zen.yandex.ru/id/5c8f8704145fc000b37bfe95?lang=ru&referrer_place=multisearch (дата обращения: 01 мая 2022).
19. Проекты Яндекса в России. Рейтинг. URL: <https://radar.yandex.ru/yandex?month=2022-03> (дата обращения: 30 апреля 2022).
20. Технологическая исследовательская компания Mediascope. Рейтинги. URL: <https://mediascope.net/data/> (дата обращения: 30 апреля 2022).
21. Технологическая исследовательская компания Mediascope. URL: <https://mediascope.net> (дата обращения: 30 апреля 2022).

References

1. ВКонтакте. Bessmertnyj polk. [VKontakte. Immortal Regiment] URL: https://vk.com/polk_russia (in Russian).
2. ВКонтакте. Bessmertnyj polk. Bоевая tekhnika. [VKontakte. Immortal Regiment. Combat vehicles] URL: <https://vk.com/wall-99626804?q=%23БоеваяТехника> (in Russian).
3. ВКонтакте. Bessmertnyj polk. Den' v istorii. [VKontakte. Immortal Regiment. Day in history] URL: <https://vk.com/wall-99626804?q=%23ДеньИИстории> (in Russian).
4. ВКонтакте. Bessmertnyj polk. Zhenshchiny na vojne. [VKontakte. Immortal Regiment. Women at war] URL: <https://vk.com/wall-99626804?q=%23ЖенщиныНаВойне> (in Russian).
5. ВКонтакте. Bessmertnyj polk. Pesni o vojne. [VKontakte. Immortal Regiment. Songs about the war] URL: <https://vk.com/wall-99626804?q=%23ПесниОВойне> (in Russian).
6. ВКонтакте. Bessmertnyj polk. Pis'ma s fronta. [VKontakte. Immortal Regiment. Letters from the front] URL: <https://vk.com/wall-99626804?q=%23ПисьмаСФронта> (in Russian).
7. ВКонтакте. Bessmertnyj polk. Poisk veteranov i ih blizkih. [VKontakte. Immortal Regiment. Search for veterans and their loved ones] URL: https://vk.com/topic-99626804_40710417 (in Russian).
8. ВКонтакте. Bessmertnyj polk. Stihi. [VKontakte. Immortal Regiment. Poems] URL: <https://vk.com/wall-99626804?q=%23стихи> (in Russian).
9. ВКонтакте. Bessmertnyj polk. Fakty o vojne. [VKontakte. Immortal Regiment. Facts about the war] URL: <https://vk.com/wall-99626804?q=%23ФактыОВойне> (in Russian).
10. ВКонтакте. Поиск. Velikaya Otechestvennaya vojna. [VKontakte. Search. The Great Patriotic War] URL: https://vk.com/search?c%5Bper_page%5D=40&c%5Bq%5D=Великая%20Отечественная%20война&c%5Bsection%5D=statuses (in Russian).

11. VKontakte. Poisk. Vtoraya mirovaya vojna. [VKontakte. Search. The Second World War] URL: https://vk.com/search?c%5Bper_page%5D=40&c%5Bq%5D=Вторая%20мировая%20война&c%5Bsection%5D=statuses (in Russian).
12. VKontakte. Poisk. Den' Pobeda. [VKontakte. Search. Victory Day] URL: https://vk.com/search?c%5Bper_page%5D=40&c%5Bq%5D=День%20Победы&c%5Bsection%5D=statuses (in Russian).
13. VKontakte. Poisk. Parad Pobedy. [VKontakte. Search. Victory parade] URL: https://vk.com/search?c%5Bper_page%5D=40&c%5Bq%5D=Парад%20Победы&c%5Bsection%5D=statuses (in Russian).
14. VKontakte. URL: <https://vk.com> (in Russian)
15. Kanal «Velikaya Otechestvennaya» [Channel "Great Patriotic War"] URL: https://zen.yandex.ru/id/5a5141281410c318a507fee5?lang=ru&referrer_place=multisearch (in Russian).
16. Kanal «Vojny rasskazy» [Channel "War Stories"] URL: https://zen.yandex.ru/id/601cc93d1d567b1eb08756cd?lang=ru&referrer_place=multisearch (in Russian).
17. Kanal «Istoriya Onlajn» [Channel "History Online"] URL: https://zen.yandex.ru/id/5cf17acaddc81b00afb1fc6b?lang=ru&referrer_place=multisearch (in Russian).
18. Kanal «Chtoby pomnili» [Channel "To remember..."] URL: https://zen.yandex.ru/id/5c8f8704145fc000b37bfe95?lang=ru&referrer_place=multisearch (in Russian).
19. Proekty YAndeksa v Rossii. Rejting. [Yandex projects in Russia. Rating] URL: <https://radar.yandex.ru/yandex?month=2022-03> (in Russian).
20. Tekhnologichnaya issledovatel'skaya kompaniya Mediascope. Rejtingi. [Tech research company Mediascope. Ratings] URL: <https://mediascope.net/data/> (in Russian).
21. Tekhnologichnaya issledovatel'skaya kompaniya Mediascope. [Technology research company Mediascope] URL: <https://mediascope.net> (in Russian).

Пушкаренко Е. А.
(Белгород)

УДК-94(476)''1941/1945''

БЕЛОРУССКИЙ ЖЕНСКИЙ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ НЕМЕЦКОЙ ПРОПАГАНДЫ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье исследуется феномен белорусского женского коллаборационизма в контексте проблемы немецкой пропаганды на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. Исследование проведено на материалах Генерального округа Беларусь, хронологические рамки – 1941-1944 гг. В работе проведен анализ материалов пропаганды для женщин и деятельности белорусских женских коллаборационистских организаций на территории Генерального округа Беларусь. Округ занимал около четверти довоенной территории БССР и включал, в основном, западные и часть центральных районов. Объектом исследования стала немецкая пропаганда для женщин и оккупационная политика в отношении женщин на территории Генерального округа Беларусь. Методы исследования: анализ, синтез, сравнение. Цель работы: проанализировать содержание немецкой пропаганды для женщин и деятельность белорусских женских прогерманских объединений, определить их цели и эффективность. Автор приходит к выводу, что длительный период немецкой оккупации ряда советских территорий, в данном случае БССР, обусловил появление некоторых специфических черт оккупационной политики. Глава гражданской немецкой администрации округа Вильгельм Кубе основную ставку сделал на пропаганду и поощрение различного рода националистических коллаборационистских организаций, которые должны были осуществлять планомерное идеологическое воздействие на население округа. Кроме того, В. Кубе инициировал создание в округе специальных «женских» организаций. Особое место среди них занимали «Объединение белорусских женщин» и «Всебелорусский женский комитет». В целом, феномен белорусского женского коллаборационизма имел две составляющих – политическую и культурно-просветительскую. Первый из них был, в основном, связан с деятельностью «Союза белорусской молодежи» (СБМ), построенного по принципу германского «гитлеръюгенда». Второй составляющей белорусского женского коллаборационизма стал культурно-просветительский, проходивший в контексте политики «белорусизации». Организовывались художественные выставки, конкурсы, концерты под знаком национальной белорусской символики. В данной области себя проявили известные белорусские деятельницы культуры – поэтессы Наталья Арсеньева и Лариса Генюш. Однако актуализация в немецкой пропаганде «женского вопроса», а также участие в пропагандистских акциях и кампаниях известных представительниц белорусской культуры, не принесли оккупационным властям ожидаемых результатов. Пропаганда резко контрастировала с реалиями оккупационного режима. Карательные экспедиции против мирного населения, методы борьбы с партизанами, фактически геноцид народов Беларуси, разграбление и уничтожение ее культурно-исторического достояния – все это в совокупности девальвировало содержание немецкой пропаганды, делало очевидным лживый имитационный характер политики «белорусизации» и деятельности самих коллаборационистов.

Ключевые слова: немецкая пропаганда, гендерный аспект, Великая Отечественная война, оккупационная политика, Генеральный округ Беларусь, В. Кубе, феномен белорусского женского коллаборационизма.

The article examines the phenomenon of Belarusian women's collaboration in the context of the problem of German propaganda in the occupied Soviet territory during the Great Patriotic War. The study was conducted on the materials of the General District of Belarus, chronological

framework – 1941-1944. The paper analyzes the materials of propaganda for women and the activities of Belarusian women's collaborationist organizations in the territory of the General District of Belarus. The district occupied about a quarter of the pre-war territory of the BSSR and included mainly western and part of the central districts. The object of the study was German propaganda for women and the occupation policy towards women in the territory of the General District of Belarus. Research methods: analysis, synthesis, comparison. The purpose of the work is to analyze the content of German propaganda for women and the activities of Belarusian women's pro-German associations, to determine their goals and effectiveness. The author comes to the conclusion that the long period of German occupation of a number of Soviet territories, in this case the BSSR, caused the appearance of some specific features of the occupation policy. The head of the German civil administration of the district, Wilhelm Kube, made the main bet on propaganda and encouragement of various kinds of nationalist collaborationist organizations that were supposed to carry out systematic ideological influence on the population of the district. In addition, W. Kube initiated the creation of special "women's" organizations in the district. A special place among them was occupied by the Association of Belarusian Women and the All-Belarusian Women's Committee. In general, the phenomenon of Belarusian women's collaboration had two components – political and cultural education. The first of them was mainly related to the activities of the "Union of Belarusian Youth" (SBM), built on the principle of the German "Hitler Youth". The second component of the Belarusian women's collaboration was cultural and educational, which took place in the context of the policy of "Belarusization". Art exhibitions, contests, concerts were organized under the sign of the national Belarusian symbols. Well-known Belarusian cultural activists, poetesses Natalia Arsenyeva and Larisa Geniyush, have shown themselves in this area. However, the actualization of the "women's issue" in German propaganda, as well as the participation in propaganda actions and campaigns of well-known representatives of Belarusian culture, did not bring the expected results to the occupation authorities. Propaganda contrasted sharply with the realities of the occupation regime. Punitive expeditions against civilians, methods of fighting partisans, the actual genocide of the peoples of Belarus, the looting and destruction of its cultural and historical heritage – all this together devalued the content of German propaganda, made obvious the false imitation nature of the policy of "Belarusization" and the activities of the collaborators themselves.

Keywords: German propaganda, gender aspect, the Great Patriotic War, occupation policy, the General District of Belarus, V. Kube, the phenomenon of Belarusian women's collaboration.

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-31-2-115-121

Проблема белорусского коллаборационизма в годы второй мировой войны уже была достаточно детально исследована в работах отечественных и зарубежных авторов, например, Романько О. В. [9], Ковалени А. А. [12] и других. Однако до настоящего времени вне исследовательского внимания историков оставался вопрос женского коллаборационизма на территории оккупированной Советской Белоруссии. Феномен женского белорусского коллаборационизма представляет особый интерес как историческое и социальное явление. Его анализ позволит воссоздать целостную картину немецко-белорусского политического взаимодействия оккупационного формата, расширит представления о гендерных аспектах оккупационной политики немцев на Востоке.

Длительный период немецкой оккупации ряда советских территорий, в данном случае БССР, обусловил появление некоторых специфических черт оккупационной политики. Глава гражданской немецкой администрации округа Вильгельм Кубе основную ставку сделал на пропаганду и поощрение различного рода националистических коллаборационистских организаций, которые должны были осуществлять планомерное идеологическое воздействие на

население округа.

Акцентуация «женского вопроса» была характерна как для внутренней политики «Третьего рейха», так и для оккупированных им европейских стран, в том числе СССР. Немецкие пропагандисты учитывали гендер как фактор социального статуса, социальной психологии, особого менталитета и социального поведения. Отдельные стороны вышеназванной проблемы уже получили освещение в работах автора ранее. Автор проанализировала содержание материалов пропаганды для женщин на территории Генерального округа Беларусь. Ранее было отмечено, что в немецкой пропаганде «гендерный аспект проявлялся во всем: и в учреждении так называемых «женских» организаций, и в содержании агитационных материалов, и в официальных обращениях к местному населению» [8, с. 133].

Активная пропаганда и использование коллаборационистских объединений стали отличительной чертой оккупационной политики В. Кубе. Как уже отмечалось ранее, «в политике «белорусизации» Кубе опирался на т.н. «белорусский актив» - представителей религиозной, культурной, научной среды Беларуси, которые видели в проводимой им политике способ национального возрождения Беларуси, развития национального самосознания белорусов, а в перспективе и создания суверенного государства» [2, с. 82]. При этом особая ставка была сделана на развитие женского коллаборационизма.

Уже первые публичные обращения немецких оккупационных властей к населению округа были построены с учетом гендерных характеристик. В отличие от принятых в советский период обращений «товарищи» или «граждане», немецкие пропагандисты изначально дифференцировали аудиторию по поло-возрастному признаку. Например, типичными стали обращения «белорусы и белоруски» [18, с. 33], «работники и работницы» [6, л. 46], «юноши и девушки», «уважаемые подруги и друзья» [10, с. 1]. Подобное разделение адресатов резко контрастировало с прежней советской практикой, и должно было, по задумке авторов, служить дополнительным средством легитимации новой власти в глазах местного населения.

В оккупационных изданиях постоянно актуализировался вопрос социального статуса советской женщины, ее трудовых прав и обязанностей. Немецкая пропаганда говорила о превращении советской женщины в рабочий механизм, и что борьба за равенство с мужчинами обернулась в СССР непомерной и жестокой эксплуатацией женского труда. Утверждалось, что советская женщина лишена радости материнства, будучи обреченной трудиться на производстве или в колхозе; что она не может самостоятельно воспитывать своих детей, заботиться о доме. С другой стороны, пропаганда стремилась создать некий идеализированный образ немецкой женщины-матери, труд которой хотя и используется на благо воюющего «рейха», однако она не утратила при этом своих традиционных гендерных ролей. Типичными были радиопрограммы и газетные статьи под названием «Женщина в Германии и СССР», в которых проводилось сравнение социального и правового статуса советских и немецких женщин [3, л. 42].

Немецкая гражданская администрация округа использовала самые различные формы и средства идеологического воздействия на женскую аудиторию. Основным из них стала периодическая печать. Как отмечает белорусская исследовательница Николаева И. В., в оккупационной периодике присутствовали специальные рубрики для женщин, например, «Страница для женщин» или «Листок для женщин» [7, с. 324]. Издания, выходявшие под патронатом администрации Кубе, регулярно публиковали материалы по «женскому вопросу». Это были – и аналитические статьи о положении женщин в Советском Союзе и нацистской Германии, и материалы по домоводству, и знакомство с творчеством белорусских писательниц и поэтесс.

Кроме того, В. Кубе инициировал создание в округе специальных «женских» организаций. Особое место среди них занимали «Объединение белорусских женщин» и «Всебелорусский женский комитет» [5, л. 1-2]. Само их наличие должно было служить доказательством особого внимания немецкой администрации к нуждам и чаяниям белорусских женщин,

неким институциональным выразителем их интересов.

В целом феномен белорусского женского коллаборационизма имел две составляющих – политическую и культурно-просветительскую. Первый из них был, в основном, связан с деятельностью «Союза белорусской молодежи» (СБМ), построенного по принципу германского «гитлерьюгенда». В «союзе» существовало два отделения – для юношей и девушек, каждое из которых действовало с учетом возрастных, гендерных, образовательных, национальных и прочих характеристик своих членов. Характерно, что даже в уставе членов СБМ существовало разделение по гендерному признаку: устав начинался с обращения «Юнакі і юначкі!» [11, с. 1-2].

В уставе СБМ были заявлены следующие цели работы с женской аудиторией: «воспитание женщины-матери и женщины-националистки». Кроме того, предполагалась «подготовка специалистов в различных сферах деятельности в соответствии с физическими и моральными качествами женщины» [4, л. 5].

Главой «женского» отдела СБМ стала врач Надежда Абрамова [13, с. 11]. В целом эта женщина играла заметную роль в деятельности т.н. «белорусского актива», действовавшего под контролем оккупационных властей. Абрамова регулярно выступала с публикациями в оккупационных изданиях и лекциями перед молодежной аудиторией [15, с. 81]. Ее активная деятельность в публичном пространстве в области национальной, молодежной и «женской» политики служила, своего рода, доказательством возможностей для профессионального и творческого самовыражения белорусских женщин в «освобожденной» Беларуси, раскрывала перспективы их участия в общественной жизни, которые предоставляет им немецкая администрация. Участие Натальи Абрамовой в пропагандистских акциях было направлено на привлечение молодых белорусок в ряды СБМ.

Как отмечает польский историк Ю. Туронек «Абрамова занималась морально-политическим воспитанием девушек, а также давала им основы медицинских знаний» [17, с. 62-63]. За годы оккупации Советской Белоруссии Абрамова успела сделать успешную «карьеру» на поприще «взаимодействия» с немецкой администрацией. Она сочетала врачебную практику с активной общественно-политической деятельностью. С середины 1942 г. Абрамова возглавляла отдел опеки над детьми в «Белорусской народной самопомощи» (одна из первых коллаборационистских организаций, учрежденных по инициативе В. Кубе). 22 июня 1943 года она была назначена на пост главы женского отдела СБМ. Постоянно выступала с докладами об охране здоровья, по вопросам организации Союза, о моральных качествах его членов перед кандидатками на руководящие должности в СБМ. Абрамова была постоянным сотрудником издания СБМ под названием «Жыве Беларусь!». В июле 1943 г. Абрамова была назначена членом т.н. «Рады доверия», квазигосударственного управленческого органа белорусских коллаборационистов, действовавшего под контролем немецкой администрации. А в июне 1944 г. стала участницей Второго Всебелорусского конгресса – еще одного имитационного псевдогосударственного образования, деятельность которого проходила уже под звуки фронтовой канонады. Впоследствии она бежала за границу, где продолжила свою карьеру в качестве сотрудника эмигрировавших коллаборационистских институтов и организаций – СБМ и БЦР (Белорусской центральной рады). Таким образом, пребывание врача Абрамовой в должности главы женского отдела СБМ само по себе выполняло важнейшую идеологическую задачу – легитимации и верификации деятельности оккупационных властей в области «женского вопроса».

Помимо Абрамовой в руководящих структурах СБМ активную позицию занимали и другие белоруски. Большинство из них были молодыми образованными девушками, которых привлекала возможность участия на поприще возрождения национальной культуры и языка. Например, заместителем Абрамовой по общеорганизационным вопросам была Веро-

ника Каткович, референтом по культурно-просветительским вопросам при штабе СБМ была молодая поэтесса Галина Бузук. Сестры Алехнович проявили себя как организаторы курсов младших руководительниц СБМ в Дроздах под Минском и Флорианове под Барановичами. В качестве лекторов на этих курсах были задействованы такие участницы СБМ, как Михалина Татаринич, Ванда Чернецкая, Надежда Мицкевич [17, с. 55].

Деятельность СБМ была столь насыщенной и масштабной, что к июню 1944 г. в состав организации входило более 8500 человек, половину из которых составляли девушки [12, с. 158].

Второй составляющей белорусского женского коллаборационизма стал культурно-просветительский. Он был связан с многочисленными пропагандистскими мероприятиями немецкой гражданской администрации в области «возрождения» белорусской культуры и языка. Проходили художественные выставки, конкурсы, концерты под знаком национальной белорусской символики. В данной области себя проявили известные белорусские деятельницы культуры, например, поэтесса Наталья Арсеньева. Она выступала в образе национальной белорусской писательницы-поэтессы, автора известных поэтических произведений, публиковавшихся в «Беларускай газэце». Арсеньева, будучи по национальности русской, писала на белорусском языке, проявила себя как талантливая и самобытная поэтесса, которая оставила яркий след в развитии белорусской культуры военного периода. Ее произведения публиковались и в издании СБМ «Жыве Беларусь!» [14, с. 139]. Во многом, ее стихи были глубоко патриотичны, и можно только сожалеть, что годы наиболее яркого литературного творчества Арсеньевой пришлось на суровое время войны. А известное стихотворение Н. Арсеньевой «Молитва» стало в 90-ые годы прошлого столетия одним из символов национального возрождения Беларуси.

Еще одной значимой и знаковой фигурой белорусского женского коллаборационизма стала известная белорусская поэтесса Лариса Гениуш. В годы второй мировой войны Гениуш находилась за пределами Беларуси, в Праге, и вела активную работу в белорусских эмигрантских организациях на территории Чехии. Некоторые историки считают, что 27 июня 1941 года Лариса Гениуш подписала известное обращение «Белорусов протектората Чехии и Моравии» к Адольфу Гитлеру. Текст этого документа начинался словами: «Видя, что Великий Вождь Немецкого Народа Адольф Гитлер повел свою непобедимую немецкую армию на Восток Европы ради борьбы и полного уничтожения большевизма, большевиков-коммунистов и евреев, которые уже более 20 лет угнетают и уничтожают наш белорусский народ...» [1, с. 63]. Впоследствии поэтесса утверждала, что ее подпись была фальсифицирована. В марте 1943 г., согласно завещанию президента Белорусской Народной Республики Василя Захарко, Гениуш была назначена генеральным секретарем Правительства БНР в эмиграции. По окончании войны Лариса Гениуш была арестована и осуждена советским судом, отбывала наказание. Однако в годы войны, хотя и заочно, поэтесса сыграла весьма заметную роль в инициированной В.Кубе политике «белорусизации», которая, по сути, превратила белорусскую национальную идею в инструмент немецкой пропаганды. Стихи Ларисы Гениуш на белорусском языке регулярно публиковались в одном из главных оккупационных изданий – «Беларускай газэце». С одной стороны, ее творчество было глубоко лиричным, истинно национальным, наполненным любовью к родной земле и белорусскому языку, проникнутым болью за историческую судьбу Беларуси и трагедию белорусского народа. А с другой, среди ее стихов были произведения воспевающие Гитлера и нацистскую Германию и наполненные ненавистью к белорусским партизанам, которых она обвиняла в гибели соотечественников. Отрывок из ее стихотворения «Партизаны» весьма красноречив и не требует перевода на русский язык:

«Пішучь вершы, повясці, раманы,
Усё ж няма там ні слаўца нігдзе,
Каб грудзьмі стаялі партызаны
За расстрэляных, за паленых людзей!
То не подзвіг баявы і смелы,
Толькі брэх сабачы і пусты,
Наклікаць на сёлы смерць умелі,
А самыя шпарылі ў кусты!...» [16].

В стихотворении утверждается, что именно партизаны провоцировали карательные операции нацистов против мирного белорусского населения и что именно они несут ответственность за смерть ни в чем неповинных людей.

Все три фигуры – Надежды Абрамовой, Натальи Арсеньевой и Ларисы Гениуш – были весьма популярны в культурном и информационном пространстве Генерального округа Беларусь и играли существенную роль в пропаганде идеологии «белорусизации». Фактически, и Абрамова, и Арсеньева, и Гениуш входили в число высших деятелей в ареопаге т.н. «белорусского актива», независимо от своего местонахождения и занимаемой должности. Каждая из этих женщин, желая того или нет, сыграла весьма определенную роль в оккупационной политике нацистов. Сегодня существуют прямо противоположные оценки их сотрудничества с немецкой администрацией: от обвинений в предательстве Родины до объявления национальными героями. В любом случае, они взаимодействовали с немецкими властями, активно участвуя в морально-психологическом и идейно-политическом воздействии на белорусский народ, переживавший в этот период жестокую оккупацию, а поэтому являлись неотъемлемой частью системы белорусского коллаборационизма.

В заключении подчеркнем, что актуализация в немецкой пропаганде «женского вопроса», а также участие в пропагандистских акциях и кампаниях известных представительниц белорусской культуры, не принесли оккупационным властям ожидаемых результатов. Пропаганда резко контрастировала с реалиями оккупационного режима. Карательные экспедиции против мирного населения, методы борьбы с партизанами, фактически геноцид народов Беларуси, разграбление и уничтожение ее культурно-исторического достояния – все это в совокупности девальвировало содержание немецкой пропаганды, делало очевидным лживый имитационный характер политики «белорусизации» и деятельности самих коллаборационистов.

Список источников и литературы

1. Лицкевич, О. (2009). *Война против мифов* // Беларусьская думка. № 1. С. 63.
2. Мамаева, Т. П., Пушкаренко, Е. А. (2021). *Белорусская национальная идея как инструмент немецкой пропаганды на территории Генерального округа Беларусь* // Вестник Брянского государственного университета. № 4. С. 80-88. DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-80-88.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 411. Оп. 1. Д. 52.
4. НАРБ. Ф. 381. Оп. 2. Д. 3.
5. НАРБ. Ф. 384. Оп. 1. Д. 2.
6. НАРБ. Ф. 3500. Оп. 2. Д. 3.
7. Николаева, И. В. (2018). *Образ женщины в оккупационной периодической печати на территории Беларуси (1941-1944 гг.)* // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XXIII Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов: в 2-х томах. Витебск: Витебский государственный уни-

верситет им. П. М. Машерова. С. 323-325.

8. Пушкаренко, Е. А., Шамрина, Е. А. (2020). *Гендерный аспект немецкой пропаганды на оккупированной советской территории (на материалах Генерального округа Беларусь)* // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2020. № 3. С. 133-137. https://doi.org/10.47438/2309-7078_2020_3_133.

9. Романько, О. В. (2008). *Легион под знаком Погони. Белорусские коллаборационистские формирования в силовых структурах нацистской Германии (1941-1945)*. Симферополь: Антиква. 304 с.

10. Беларуская газета. 1944. 24 траўня.

11. Жыве Беларусь! (Менск). 1943. Ліпень. № 1.

12. Каваленя, А. А. (1999). Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. Мінск: БДПУ. 260 с.

13. Ліст Надзеі Абрамавай-Тэадаровіч да Аляксея Вініцкага ад 28 ліпеня 1965 г. // Юрэвіч Л. Вырваныя бачыны. Да гісторыі Саюзу Беларускай Моладзі. Мінск, 2001. 11.

14. Лыч, Л. М. (2011). *Нацыянальна-культурнае жыццё на Беларусі ў часы вайны (1941-1944 гг.)*. Вільня: Наша Будучыня. 332 с.

15. Мігунова, А. А. (1998). *Прапагандысцкая дзейнасць Саюза беларускай моладзі у 1943-1944 гг.* // Весці беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. Мінск: БДПУ. № 3. С. 80-85.

16. Наша Ніва. 1991. Травень. № 1.

17. Туронак, Ю. (2006). *Людзі СБМ*. Вільня: Gudas. 224 с.

18. Шлоотц, І. (1996). *Немецкая прапаганда на Беларусі 1941-1944. Канфрантацыя паміж прапагандай і рэчаіснасцю. Выстаўка у Берліне і Мінску*. Берлін: Свабодны ўніверсітэт Берлін. 80 с.

References

1. Lickevich, O. (2009). *Vojna protiv mifov* [The War against Myths] in *Belaruskaya dumka*. Minsk, 1, 63. (in Russian).

2. Mamaeva, T. P., Pushkarenko, E. A. (2021). *Belorusskaya nacional'naya ideya kak instrument nemeckoj propagandy na territorii General'nogo okruga Belarus'* [The Belarusian National Idea as a tool of German propaganda on the territory of the General District of Belarus] in *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4, 80-88. URL: <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2021-05-04-80-88>. (in Russian).

3. Nikolaeva, I. V. (2018). *Obraz zhenshhiny v okkupacionnoj periodicheskoj pechati na territorii Belarusi (1941-1944 gg.)* [The image of a woman in the occupation periodical press on the territory of Belarus (1941-1944)] in *Nauka - obrazovaniju, proizvodstvu, jekonomike: materialy XXIII Regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii prepodavatelej, nauchnyh sotrudnikov i aspirantov: v 2-h tomah*. Vitebsk, Vitebsk State University named after P. M. Masherov, 323-325. (in Russian).

4. Pushkarenko, E. A., Shamrina, E. A. (2020). *Gendernyj aspekt nemeckoj propagandy na okkupirovannoj sovetskoj territorii (na materialah General'nogo okruga Belarus')* [The gender aspect of German propaganda in the Occupied Soviet territory (based on the materials of the General District of Belarus)] in *Izvestija Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 3, 133-137. URL: https://doi.org/10.47438/2309-7078_2020_3_133. (in Russian).

5. Roman'ko, O. V. (2008). *Legion pod znakom Pogoni. Belorusskie kollaboracionistskie formirovaniya v silovyh strukturah nacistskoj Germanii (1941-1945)* [Legion under the sign of the Chase. Belarusian collaborationist formations in the power structures of Nazi Germany (1941-1945)]. Simferopol', Antikva. (in Russian).

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

Орлов А. С.
(Орел)

УДК 94(470)"19/..."

**«СТРАШНЫЙ СУД», ФРАГМЕНТЫ ДНЕВНИКОВ М. О. МЕНЬШИКОВА
1917-1918 ГГ.**

В последние десятилетия в отечественной исторической науке наметился устойчивый интерес к личности Михаила Осиповича Меньшикова. Появился целый ряд научных статей и монографий, посвященных его публицистической и политической деятельности. Однако в этих работах неоправданно, на наш взгляд, Меньшиков-политик затмил Меньшикова-мыслителя [4, с. 154-158]. Если набрать имя Михаила Осиповича в любой поисковой системе интернета, то в первую очередь мы натолкнемся на консервативные, монархические, националистические и даже праворадикальные сайты, размещающие его статьи и краткую биографию. Статьи, как правило, посвящены национальному вопросу в России, а в биографии Меньшиков почти неизменно подается православным патриотом. Таким образом, стараниями определенной части интернет-сообщества широкому кругу читателей Меньшиков в настоящее время представлен лубочно-однобоко. Из всего наследия этого весьма популярного и плодовитого в конце XIX – начале XX вв. публициста в настоящее время наиболее востребованы лишь его «Письма к ближним» [3], которые он публиковал в период первой русской революции и третьей системы в газете А. С. Суворина «Новое время» [1]¹. Меньшиков этого периода известен в первую очередь как один из учредителей Всероссийского национального союза – партии, располагавшейся в политическом спектре дореволюционной России между черносотенными организациями и октябристами. Именно это обстоятельство вкупе с антисемитскими выступлениями (особенно в ходе следствия и процесса по делу Бейлиса 1911-1913 гг.) сыграло решающую роль в трагической гибели Меньшикова после октябрьской революции 1917 г.

Уже вскоре после февральской революции публицист как наиболее одиозная личность был уволен из газеты «Новое время» по требованию нового правительства. На волне революционно-либерального подъема ни одно другое издание не желало брать на работу человека, имевшего в глазах либеральной общественности такую негативную репутацию (один из рассказов знаменитого сатирика Аркадия Аверченко, посвященный Меньшикову, носил весьма показательное название – «Великий мерзавец земли русской»). Лишившись возможности заработка, Меньшиков, имея на руках жену и шестерых детей, оставляет свой дом в Царском селе и переезжает на Валдай, где у него была летняя дача. Именно этот дом и стал последним пристанищем публициста. Здесь Меньшиков, оставшись без привычной писательской работы, возобновляет прерванное на период сотрудничества в «Новом времени» ведение записных книжек – некоего подобия дневника. Такие книжки Меньшиков вел с

¹ Следует отметить, что стараниями некоторых исследователей уже приоткрыта завеса над творчеством Меньшикова более раннего периода, когда он сотрудничал в народнической газете «Неделя». В частности А. С. Мелкова провела большую работу с дневниками, письмами и публицистикой по воссозданию образа Меньшикова как литературного критика, в первую очередь применительно к А. П. Чехову [Мелкова 2005], а Н. В. Зверев в диссертационном исследовании и ряде статей представил социальные взгляды публициста вышеуказанного периода [Зверев 2013].

13-летнего возраста, в них описание событий и знакомых перемежалось с философскими размышлениями и опытами рефлексии, здесь же появлялись первые стихотворные, литературные и публицистические опыты начинающего автора. Пометки на полях некоторых ранних записных книжек указывают на то, что в 1917-1918 гг. Меньшиков перечитывал их. Возможно, это отчасти пробудило в нем желание возобновить подобные записи. Стиль ведения записных книжек Меньшикова в конце жизни не изменился: им по-прежнему были присущи указанные выше эклектичность и синкретичность философских размышлений, бытовых зарисовок и литературных произведений. Эти своеобразные дневники вкупе с ранними записными книжками Меньшикова служат основным источником по воссозданию разностороннего и наиболее объективного образа публициста, так как большая их часть заметно диссонирует с его же статьями периода «Нового времени» – в частности, это касается отношения Меньшикова к христианству. Из ранних дневников Меньшикова мы узнаем, что родился он в семье, где мать глубоко верила в бога и стремилась воспитать в своих детях любовь к христианской вере. Однако, по воспоминаниям Меньшикова, ей было сложно это делать, так как христианские правила жизни не всегда вписывались в реальность. Отец публициста был мелким чиновником из семьи священника. Он также по-своему внушал детям религиозность, учил закону божьему, однако его личное поведение не соответствовало тем заповедям, которым он учил. Выросши в такой обстановке, Меньшиков усвоил основы вероучения христианской церкви, но на протяжении жизни постоянно сомневался в них. Были моменты, когда он «крепко верил» в бога, но были и достаточно длительные периоды, когда он полностью отрицал его. В сохранившихся записных книжках Меньшикова встречается много фраз о непризнании существования бога. Например: «Бога я не принимаю по следующей причине: я не признаю вовсе существование этого понятия, так как предмета, к которому оно относится, по-моему, не существует» [5, л. 19]. В другое время он пишет: «Человек без Бога – сирота. Подарите ему какую-нибудь роскошную обстановку, дайте Эдем или дворец из сказок Шахерезады, дайте ему сияющую природу и товарищей жизни – без Бога он сирота» [5, л. 39.].

Дневники публициста за 1918 г. уже изданы [7], однако в них не вошел фрагмент своеобразного литературно-философского произведения «Страшный суд». Можно предположить, что составители и издатели дневников, ограничив себя формально только одним годом, не стали публиковать фрагмент, не имеющий смысла без его начала. В записных книжках сохранилось два фрагмента этого произведения: один написан накануне октябрьской революции 1917 г., другой в январе 1918 г. Можно со всей уверенностью утверждать, что эти фрагменты представляют собой две последовательные части одного произведения, так как имеют одно и то же заглавие и пронумерованы римскими цифрами I и II. Главными героями произведения являются два пациента психиатрической лечебницы: один – Анатолий Филатьевич – настолько верующий, что возомнил себя воплощением бога, пришедшего, наконец, вершить Страшный суд, другой – Егор Великанов – атеист, полагавший, что бога нет, но его непременно нужно создать. Основная часть сюжета представляет собой спор этих двух лиц, который очень скоро из области теологии переходит в сферу этики и его предметом становятся понятия справедливости, добра и зла. Произведение оказалось незаконченным – возможно, потому, что Меньшиков планировал завершить работу над ним позже, но не успел, а возможно, потому, что в споре двух героев, по сути, отразились его личные мировоззренческие противоречия, которые он сам для себя так и не разрешил. С одной стороны, Меньшиковское неверие (а сомнения в существовании бога он высказывал на страницах записных книжек и в этот период) отразилось в позиции Егора Великанова. С другой – своеобразное понимание христианства, представленное позицией Анатолия Филатьевича, доказывающего относительность зла как явления и его необходимость, поскольку абсолютное добро опасно для человечества. Нам представляется, что в лице Анатолия

Филатьевича Меньшиков выводит позицию конформиста, каковым он сам в общем-то и являлся. Еще в дневниках 1883 г. 24-летний начинающий публицист признавался сам себе: «Интересы государства и общества близки мне, но почему-то – и я знаю почему – я предпочитаю им свои личные интересы. Вот почему: всякие государственные, религиозные, военные, революционные идеи могут быть во мне только тогда, когда я возвращаюсь в обществе этих людей» [6, л. 39 об – 40]. Анатолий Филатьевич выступает за компромисс, а начавшаяся гражданская война – это борьба без компромиссов. И такой мир Меньшиков не мог принять, поэтому и приходит к идее о конце света, которому и предшествует Страшный суд.

Рукопись обрывается на интересном месте: Анатолий Филатьевич в ходе своих рассуждений об относительности зла и его необходимости в мире довольно неожиданно переходит к позитивистскому пониманию морали. Но позитивизм отрицает христианство и сами истоки морали ищет не в боге, а в человеке. Незаконченность данного произведения Меньшикова не умаляет его ценности для понимания религиозно-этических исканий автора в конце жизни и является одним из ключей для раскрытия эволюции его мировоззрения в целом [8, л. 2 – 20].

Страшный суд

I

Бывают же такие совпадения: сошлись в большаковской больнице для душевнобольных два сумасшедших, помешанных на одной мысли: на Страшном Суде Господнем. Религиозная мания вообще не редкость. Чаще всего, в этом случае, человек воображает себя пророком, ниспосланным свыше вроде Исаяи или Илии, или самим Господом, таинственно воплотившемся в какого-нибудь отставного титулярного советника, скромно живущего у мещанки Погощаловой в слободке на маленькую пенсию. Таким именно и был Анатолий Филатьевич, один из гладко остриженных соседей по койке в палате № 11-й. То обстоятельство, что его на днях привезли сюда и заперли вместе с явным сумасшедшим, несколько его не смущало. Всякая действительность ему казалась иллюзией, совершенно ничтожной в сравнении с его божественной сущностью, которая, как он чувствовал, прибывала в свете непреступном. Когда его спрашивали в последнее время, где он живет, он отвечал пониженным голосом: «В Купине неопалимой». Начал он догадываться о том, что он Бог, еще ранней весной, когда служил в уездном казначействе в отделе сберегательной кассы. Сладкая мысль об этом как-то прокралась в его разум и охватила его жуткой, несказанной радостью. Но впоследствии она же причинила ему и много телесных и даже мучительных переживаний. Я говорю не о подозрительном поведении товарищей, не о придириках начальства, кончившихся явным насилием над личностью Анатолия Филатьевича, именно – заключением его в эту больницу. Это бы можно терпеть с божественным безразличием. Сущий в одном месте и положении таким же Сущим остается и в другом. Гораздо больше терзало Анатолия Филатьевича сознание того, что он, Сущий, объемлющий миры миров, не выполнил еще одного торжественно обещанного людям события – Страшного Суда. По мнению Анатолия Филатьевича, род людской давным-давно заслуживает этот Страшный Суд, который окончательно и бесповоротно развязал бы трагедию первородного греха. Разве не довольно непрерывной гибели человечества в самих грехах, проклятия и смерти? Обдумывая этот вопрос у себя на завалинке, выходящей в сад, полный цветущих яблонь и пчел, Анатолий Филатьевич ярко представлял себе глубокую испорченность своего века. Он вспоминал повествование Библии, что Бог раскаялся в том, что сотворил человека. Тогда решено было без суда истребить всю извратившуюся плоть на земле, кроме одной избранной семьи. Потом оказалось, что даже в этой единственной удостоенной для продолжения жизни семьи человеческой были очень дурные элементы. Не только нечестивое потомство Хама, создавшее египетскую цивилизацию, но и потомство Сима и Иафета, творцы высоких культур, в об-

щем, далеки, согласитесь, даже весьма далеки от добродетели. Если так, то необходим еще один великий корректив, еще одно истребление неудачного творчества или, по крайней мере, отделение удачного от неудачного. Пора не только воздать грешникам по делам их, пора освободить, наконец, праведников от мучительного для них сообщества с негодями. Приходя иногда в экстаз при мысли, что именно он, Анатолий Филатьевич, и есть душа мира, Вечная Сущность, он загорался священным гневом на падшее во грехе человечество, начиная хотя бы с некоторых милых товарищей по службе, сильно пьянствовавших, и во хмелю – скандаливших, а так же почтенных родственников покойной жены, обобравших его самым бессовестным образом. Да, необходим Страшный Суд! И он близок! Он приближается как молния, блеснувшая от востока к западу. Настанет момент, и Он – Вечно Сущий – вызовет небесное воинство из недр мира и вострубит, как гром архангельской трубы над долиной Иосафатовой...

Соседом Анатолия Филатьевича по больничной койке был земский статистик Великанов – не окончивший курса студент-ветеринар. Он был помешан на мысли, что Бога нет, но что его нужно создать, и что именно ему, Егору Великанову, выпала судьба объявить это человечеству. Между двумя приятелями в сумерках плохо освещенной и дурно пахнущей палаты загорелись ожесточенные споры. В них принимал иногда участие и обходивший палату врач. Это был лохматый, сильно заливавший старичок, не слишком религиозный, но твердо веривший во все, во что верил уездный городок, где он безвыездно просидел более тридцати лет. Доктор вышел из семинаристов, любил петь на клиросе и особенно чтил чудотворную икону Нила Столобенского.

– Ну-с, как дела? – Весело спрашивал он своих пациентов, здороваясь с ними. – Дайте-ка руку... Пульс нормальный. Голова не болит? Чудесно. Температура нормальная. Все, сударики мои, совершенно нормально в вас, – одна только какая-то клеточка в мозгу расхлябалась... да! Ну, да это мы наладим!

– Не трудитесь, доктор, – угрюмо огрызнулся Великанов. – Вы лучше свои-то мозговые клеточки почистите от плесени.

– Хе-хе! Добродушно соглашался врач. – Что же, и свои следует чистить, это вы верно. Ну, а все-таки, милейший, как же вы насчет Бога? Нет его или есть?

На такой вопрос со стороны старичка чаще всего следовала просьба убираться к черту. Врач закатывался от смеху. «Как, – лукаво замечал он, – стало быть черт существует. Ну, батенька, тем паче существует Бог, создавший и черта, и нас с вами, более или менее чертоподобных. Хе-хе... Шутник вы, я вам доложу. Микстурку то все-таки продолжайте!»

Соседи по койке считали друг друга сумасшедшими, но это не мешало им вести бесконечный спор. Анатолий Филатьевич, в качестве Вечно Сущего, бывал в споре величественен и снисходителен. Он едва достаивал подавать реплики, причем этакая ирония раздвигала его брови и губы в едва заметную улыбку. Гораздо больше, как человек нервный, горячился статистик, переходя иногда на площадную брань.

– Вы говорите, почтеннейший, что человечество заслужило казни, что должна последовать огненная гибель – если ни всех, то большей части людей, и даже хуже, чем истребление их – вечное истязание в аду. Знаете ли, я изумляюсь, как это вы – человек с образованием – можете психологически выносить то, что говорите. Разве вы были бы в состоянии поджаривать человека на костре – при том ежедневно и ежечасно в течении всей вечности? Допустим, что вы – праведник, платков из карманов не таскаете и за это попадаете на лоно Авраама. Но хорошо будет ваше блаженство, когда вы будете знать, что где-то целые народы и племена земные корчатся в муках от невыносимого, беспощадного огня. Не взвоните ли вы сами в первый же час вашего райского счастья от жгучего сострадания к несчастным? Не попросите ли вы сами у Создателя лучше смерти, нежели такого присутствия при вечной пытке? Что вы на это скажите?

- Скажу, что вы не понимаете природы Сущего. Он – высшая справедливость...
- Нет, что вы не понимаете природы Сущего. Какая же это справедливость – быть всемогущим и создать заведомо несовершенное существо, которое и хотело бы не ошибаться, да не может?
- Дело не в ошибках, а в грехах...
- Да ведь грехи и есть ошибки...
- Вольные! В этом все...
- Позвольте, да что такое воля? Кто мне дал волю? Тот же Бог? Зачем же он дал мне дурную волю?
- Он дал вам свободную волю, а не дурную.
- Так зачем же, господин софист, он дал мне свободную волю? Уж лучше бы он дал мне не свободную волю, да хорошую, безгрешную. Разве справедливо вложить в душу человека способность к греху и затем казнить за грех? Нет, почтеннейший? Я, конечно, не верю в вашего, вашим скудным воображением созданного Бога, как вера в Брахму, Аллаха и тому подобное. Большой чепухой считаю угрозу Страшного суда и вечного поджаривания злосчастных двуногих. Но если бы представить себе появление грозного судьи, каким вы его представляете себе, то я очень, очень хотел бы поговорить с ним. Да с! В последний, страшный час свободы я сказал бы судье: кто ты? И кого ты судишь? Ты – Создатель и судишь свое творение! Но ведь все мои грехи – это твои грехи, ибо я весь вышел из тебя, и ничего моего во мне нет. Если Ты – и ни кто иной – творец бесчисленных злодеев, душегубов, воров, развратников, лжецов, клеветников, так Ты и есть основной источник всего зла мира, основной виновник. Не нас нужно судить, а Тебя. Кто тебя просил создавать нас? Кто разрешил Тебе создавать души столь уродливые и злые, отравляющие и свою жизнь и чужую? Ты называешься отцом людей, но хорош ли был бы отец, подводящий детей к пропасти и бесстрастно наблюдающий, как один за другим дети падают туда и гибнут? Правда, ты предоставил им не падать, не делать последнего рокового шага. «Грех, – сказал Ты Каину, – лежит на пороге, но ты должен господствовать над ним». Но дал ли Ты хотя бы тому же Каину действительно господство над грехом? Нет, ты дал господство греху над Каином. Спрашивается, кто же явился действительным убийцей Авеля? Вот что я ответил бы вечному судье, если бы он имел совесть привлечь меня к ответственности за бесчисленные мои ошибки вольные и невольные. Я сказал бы ему: Не нежный отец ты мне и не Бог, а вечный истязатель! Ты создал чувствующие и страдающие твари только для того, что бы заставить страдать их, увеличивать свои несовершенства и, наконец, гибнуть от них. Мало того, ты дал им потребность размножаться, восстанавливать жизнь в потомстве, дабы и потомство, до скончания веков, грешило, страдало и гибло подобно лопающимся мыльным пузырям. Нечего сказать, прекрасен сотворенный Тобою мир! Но в эпоху Ноя Ты, Творец, имел совесть признать, что поступил дурно, создав человека, и раскаялся и возкорбел в сердце своем. Раскаялся и в том, что создал скотов, гадов и птиц небесных. Вся земля растлилась, наполнилась злодеяниями, превратилась в ад. Ты справедливо решил истребить всякую плоть на земле, в которой есть дух жизни. Пора было, в самом деле, остановить мировое страдание. Решение великое, ответственное для всякого творца, убедившегося в неудаче своего творчества. Но ты, Всеведущий, сделал, почему-то повторение ошибки. Ты истребил жизнь, но оставил ее источник: все люди, скоты, гады, птицы, заключенные в ковчег, по минованию потопа вновь вышли на землю, чтобы распространять скотство свое и гадость и хуже всякой гадости – человечность. Кто просил тебя миловать жизнь, если ты убедился в ее коренном и вечном несовершенстве? Если потоп всемирный не мог смыть первородного греха и преобразить природу жизни, то зачем это великое истребление было предпринято? Не было ли это колоссальным детоубийством, ибо ведь Ты – отец наш по плоти! Не есть ли вся жизнь нас, сотворенных, сплошное и вечное истязание детей отцом своим и постепенное замучи-

вание каждого из них до смерти? Ибо без воли твоей, как сказано, не падает ни один волос. Все, что совершается, имеет источником Твою волю. Стало быть, кого же Ты судишь Страшным Судом твоим? Самого себя. Если ты нам уготовал гиену, вечное мучение за временные грехи, то по высшей совести мы ли заслуживаем этой гиены? Как думаете софист?

– Кошунствуйте! – Слабо возразил Анатолий Филатьевич. – Еще до вас Иов пытался задавать подобные же вопросы Богу. И помните ли, что Бог ответил ему?

– Помню, что он решительно ничего не мог ответить благородному Иову. Ничего, сколько-нибудь удовлетворительного с точки зрения какой хотите морали. Библейский Бог только и мог сказать, что он всемогущ, а Иов слаб. Как, мол, ты смеешь равняться со мной. Но Иов и не равнялся с Богом, как физическая величина. Он равнялся как нравственная величина, и равнение это вышло, как хотите, не в пользу Всемогущего...

– Кошунствуйте, кошунствуйте!

– Да не кошунство это, а святая истина! Нас пугают Страшным Судом Господним, но если есть на свете совесть, то не для Него. Он источник нашей жизни и всего, что она содержит, доброго и злого. Ему мы обязаны и добродетелями своими, и преступлениями. «Невозможно не придти соблазнам, но горе тому, через кого приходит соблазн». Но через кого же приходят соблазны, как не через творца всего сущего?

– Соблазны от дьявола, – сказал слабо Анатолий Филатьевич.

– Да дьявола то кто создал? Не он сам, а тот же творец всего видимого и невидимого. Дьявол первое творение Божие, и это по легенде вашей же церкви.

– Ну да, это легенда...

– И легенда, и догмат, если вы помните 1-й член символа веры. Может быть вы помните так же молитву Господню, там сказано: «Не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого». Стало быть Христос, предложивший эту молитву, верил, что Отец Небесный может вводить детей своих во искушение и может отдать их во власть лукавого. Но как бы вы назвали такого отца, человека или зверя, который искушал бы детей своих и ставил их в зависимость от зла?

– Кошунствуйте!

– Заладил одно: Кошунствуйте! Да подумайте немножко, глупая вы башка, пошевелите мозгами! Зачем мне кошунствовать, т.е. оскорблять тот источник жизни, из которого я и сам вышел? Я хочу не [в тексте не разборчиво], а рассуждать, и если вы не умеете принимать учение в процессе мысли, то шабашь, помолчим лучше!

– Да уж лучше помолчим.

– То есть молча будем думать то, чего будто бы не смеем сказать? Эх вы, раб лукавый!

– Это вы раб, бунтующий против Господа. А не я. Мне нечего скрывать, ни молча, ни громко. Я верю, что Аз и Отец едино есмь, я верю, что во мне почил все величие Всемогущего и не вам, а мне ведомы Его пути...

– Да что вы? Ну, так поделитесь, батенька, вашими драгоценными сведениями! Не томи, родимый!

– Эти пути для всех открыты. Издревле Бог, глаголевший во пророках...

– Ах, вот что. Ну, это вы оставьте для внутреннего употребления, – усмеялся Егор. – Если ничего не можете сказать кроме книжных текстов, то лучше помолчать...

Егор Великанов резко отвернулся от своего собеседника и закрыл одеялом голову. Послышалось какое-то фырканье из-под одеяла, не то заглушенный смех, не то негодование. Желтый сумрак, не разгоняемый, а как будто распространяемый коптящими лампами, давил, как безвыходный туман. Часы отбивали монотонно и глухо неисчислимый бег вечности...

II

Анатолий Филатьевич, очередной «бог» в больнице сумасшедших, задумался глубоко после воспаленной речи своего противника. Да! Эти кощунственные обвинения были все-таки сильными, в них таилась какая-то частица правды, тем более острой и жалищей, чем труднее она была уловима. Да, ведь и в самом деле, если я – Творец мира, думал Анатолий Филатьевич, то зачем же я сотворил дьявола и ангелов его? Зачем мною допущено зло?

В результате маниакальных рассуждений на эту тему произошел ниже следующий спор между двумя сторонами. В такие же серые сумерки, как всегда, в той же атмосфере, в которой, казалось, была растворена болезнь и скорбь и слышались веянья крыльев смерти, точно пролетала беззвучно летучая мышь, в той же убогой обстановке, на дне жизни, слышался голос Вечного:

– Вы, Егор Васильевич, не ошибаетесь в том, что Бог сотворил зло, но не хотите понять, что зло есть только псевдоним добра, одна из бесчисленных его разновидностей.

– Как так? – изумился Великанов, – Вот те на! Ха-ха-ха! Да вы, батюшка, и в самом деле с ума слетели. Как же это так: зло – разновидность добра? Объяснитесь отец!

– Извольте. Будь вы немножко пообразованнее, я напомнил бы вам прекрасный монолог Патера из «Ромео и Джульетты». Тема та, что нет зла, в котором не заключалась бы частичка блага. Мысль очень старая и очень верная. Она известна каждой деревенской бабе, знающей пословицу: нет худа без добра. Слыхали вы о такой пословице?

– Слыхал много вздора на своем веку, между прочим и этот.

– Не вздор, а глубокая мудрость. Нет худа без какого-нибудь добра: в этом-то прибавочном добре, в прибавочной стоимости всякого поступка и заключается вечный смысл зла и необходимость его.

– Ну, что ж, послушаем. Вы, конечно, лжете, вашими устами сейчас говорит дьявол, отец лжи. Но все-таки послушаем. Ну-с, ораторствуйте дальше и докажите, в качестве [в тексте неразборчиво], для чего например сотворена ложь на свете? Для чего клевета? Для чего – зависть, воровство, убийство, прелюбодеяние и т.д. Если вы прольете, хоть некоторый свет на эти вопросы, я уступлю вам завтрашнюю булку к чаю.

– Извольте. Вы – невежда и просветить вас не лишне. Дьявол, действительно, отец лжи и, в сущности, одною ложью, как дрожжевою закваской, поднимает все преступления, какие есть на свете. Но подумайте немножко и вы увидите, что ложь необходима и без лжи невозможна была бы нравственная задача жизни.

– Великолепно! Запомним! Но этот дивный тезис остается доказать.

– Что не трудно. Признаете ли вы, во-первых, что ложь есть понятие исключительно человеческое, точнее – животное? Что растения никогда не лгут? Не лгут минералы и газы? Не лжет мир материй с ее физическими и химическими законами?

– Признаю, мир, действительно, не лжет и эта нечисть – по преимуществу человеческое изобретение.

– Хотя и животным оно свойственно. Послушайте же, для чего нужна ложь. Вы встречаете знакомого, к которому в душе глубоко равнодушны, вы не любите его, зная о нем много темных делишек, вы может быть даже презираете его. И вдруг, встретившись, вы приятно улыбаетесь, т.е. лжете, говорите ему «вы», т.е. лжете, называете его Иваном Васильевичем, т.е. лжете...

– Но если он действительно Иван Васильевич?

– Действительно человек – только человек, все имена – фикция, условные иероглифы. Вы делаете вид, что интересуетесь здоровьем соседа и его семьи, т.е. опять лжете. Прощаясь, дружественно жмете руку, т.е. опять лжете. Если вы, человек воспитанный, по-

трудитесь пересчитать, сколько раз вы лжете в течение минутного разговора, вы ужаснетесь. Между тем, разве эта ложь не необходима? Разве лучше было бы, если бы вы сказали соседу: «Ты, старая образина, кого сегодня надул в лавке и т.п.».

– Пожалуй, что это было бы лучше.

– Но весь мир, кроме циников, думает, что это было бы не только хуже, но совсем отвратительно, ибо такая правда разрушила бы человеческое общество. Такою правдой каждый оскорбил бы каждого и взаимное сожительство обратилось бы в вечную грызню. Люди жалили бы друг друга как пауки или скорпионы в банке. Что же, это было бы хорошо? Нет, это было бы абсолютно нехорошо, хотя и правдиво. Ложь, та условная ложь, *conventionellen Lügen*, о которой писал Макс Нордау, не понимая ее природы, оберегает какую-то высшую правду отношений, оберегает мир и спокойствие, возможность людям говорить друг [с] другом.

– Но ведь это же лицемерие! Ведь это же мерзкая ложь, когда люди любезничают в глаза друг другу, а за глазами черт знает что судачат.

– Лицемерие, ложь, обман являются в данном случае как необходимая вода, растворяющая яд правды. В ее сгущенном виде, правда, невыносима – если не всегда, то очень часто. Даже комплименты и похвала не приятны, если они не обузданы некоторой условной сдержанностью, но эта сдержанность то же ложь. Ложь притупляет остроту правды, обезвреживает ее, возвращает суждение о человеке к которому-то равновесию...

– Позвольте, какое же равновесие, если вы лжете?

– Да такое, что помогает людям беседовать мирно и даже помогать друг другу вместо того, чтобы беспрерывно драться. Христос запретил говорить ближнему оскорбительную правду: «Кто скажет брату своему рака (пустой человек), подлежит синедриону, а кто скажет “безумный” – подлежит гиене огненной». Христос запретил судить человека и осуждать его, хотя бы заведомо виновного. Этим запрещается целый мир правды и устанавливается целый мир необходимой лжи. Разве правдиво подставить правую щеку, если вас ударили в левую? Но предписано доводить лицемерие даже до этих крайних пределов.

– Так, что Христос, по-вашему, учил лгать.

– По-моему он учил скрывать правду, если она обидна для ближних. И даже не только обидна, а если она соблазнительна. Не возможно не придти соблазнам, но горе тому, через которого соблазн приходит. Лучше бы такому навесить жерновой камень и броситься в море, чем соблазнить единого из малых сих. Вот, что сказал Христос. Но ведь соблазнительна именно правда, а не ложь. Соблазнительна порнография, но она правда, а не ложь, скорее ложью следует назвать наши одежды и утаивания своей похотливости. Соблазнительны алкоголь, табак, гашиш, но это наркотики – правда. Скорее утаивать их будет ложь. Между тем вы же не покажете своим друзьям пахабных карточек, не станете прививать к ним вкус к вину или табаку. Есть и другие виды правды, считающиеся преступной, например правдивые убеждения доктора, могущее убить больного. Доктор делает благополучную мину и лжет больному относительно исхода болезни. Уголовный закон карает беспощадно диффамацию, т.е. раскрытие о ближнем хотя бы заведомой правды, если она опорочивает его. Великанов казался несколько оторопевшим, он не ожидал таких аргументов против правды.

– Стало быть, Христос, по-вашему, выше всего ставил ложь?

– Нет, он выше всего ставил любовь и веру. Но согласитесь, что требовать любви к ближнему можно только условной – искренняя любовь не во власти человека. Христос требовал, чтобы человек не оскорблял человека, т.е. оказывал ему наружную приязнь и уважение. Что касается веры, то высочайшая степень веры граничит с обманом чувств: если имеете зерно горчичное и скажите горе сей: свергнись в море, то это и случится. Согласи-

тес, что в действительности это не бывает, бывает лишь в гипнозе, который есть отрицание правды и утверждения иллюзии.

– Но как же Христос сказал: познайте истину и она освободит вас? И что значит: блаженны алчущие правды ибо они насытятся?

– И то, и другое верно. Истина освобождает от иллюзий, и правда насыщает любителей правды, – только вопрос – много ли таких любителей. Одновременно сказано: «блаженны нищие духом», т.е. блаженны обманывающиеся, – ибо нищенство духа и есть способность принимать ложь за правду. Наконец, припомните первородный грех. Не выше ли всего поставлена в библии невинность первых людей, как неразличение добра и зла? Первобытное неведение есть постоянный обман, т.е. постоянная ложь, выдаваемая за правду. Ради чего же нибудь наказано было человечество за попытку познания добра и зла, т.е. за попытку дознаться правды.

– Вы может быть станете отрицать девятую заповедь?

– Не стану, но просил бы вас напомнить ее себе. Как она читается?

– Не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна.

– Что же это значит? Мне кажется, это значит – не говори ложного свидетельства о своем ближнем. Но что бы этой заповедью запрещалась ложь, я этого не вижу. Правда требуется в одном специальном случае, именно при даче свидетельских показаний. Тут правда в ее чистом виде необходима, как иногда необходим чистый спирт или чистый мышьяк. Но подобно тому как в химии чистые элементы – ядовиты и непременно должны быть обезврежены один другим, так и разные виды правды: они непременно должны быть смешены между собою, дабы не быть разрушительными для ограниченной условной природы нашего духа. Все чистые звуки, чистые цвета, чистые запахи и вкусы невыносимы: звуки непременно должны преломляться в мелодию и смешиваться в гармонию, цвета – в оттенки и переливы, запахи в букеты и т.д. Все, чистое, т.е. абсолютно прямое и правдивое, убивает, и только в редких случаях – как на суде, в документах, в научных изысканиях нужна абсолютная правда, но как в музыке – на один момент.

– Стало быть, да здравствует обман, мошенничество, плутовство, клятвопреступление и так далее?

– Вовсе нет. Да здравствует высшая правда, называемая жизнью и требующая при- меси неправды. Задумывались ли вы, невежда, над словами Пушкина:

Тьмы низких истин нам дороже

Нас возвышающий обман...

– Задумывался, господин ученый, и нахожу, что эти слова такая же брехня, как многое, что изрекали расфранченные пророки а-ля Байрон или Пушкин. Истина не может быть низкой, обман – не может возвышать.

– Ну, вот то-то и есть, друг мой: задумывались, но ничего у вас не вышло. А между тем это не брехня, а высшая мудрость, до которой додумалось человечество. Действительно имеются низкие истины и даже тьмы их, и действительно бывает возвышающий душу обман. Вот перед вами реальный и истинный хлеб и рядом с ним нарисованная декорация Парфенона или готического собора. Как вы думаете, что из них возвышает душу и что при- низжает? Или возьмите грязную бабу во всей ее телесности или Милосскую Киприду. Или возьмите вообще все искусство в его гениальном творчестве. Оно основано на иллюзии, на мечте, на исключительном и небывалом – и тем не менее только оно и волнует душу...

– Волновать душу – не значит возвышать ее. Что касается искусства, оно только тогда волнует душу, когда близко к природе, когда не лжет, а передает правду вещей по возможности точно.

– Да, но какую правду? Не факта, а идеала. Искусство доказывает необходимость правды, но проведенной через мечту, правды смягченной и облагороженной. Помните поэта у Лермонтова:

И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и омыт.

Я вот и доказываю, что низкие истины – абсолютная правда мира – правда факта должна быть обработана какими-то отклонениями от нее, что бы очиститься от своей чистоты. Нельзя есть мясо без растительных приправ, отрицающих мясо. Нельзя брать чистые металлы, приходится их бронзировать. Даже к стали подмешивается уголь или другие металлы для улучшения ее качества. Даже к золоту примешивается серебро. Так и ложь в человеческом мышлении или быту: без примеси чего-то неистинного, условного, фактическое под час рушиться. Возьмите любую науку, даже такую воплощающую правдивость, как математика. Разве допущения нуля и бесконечности не пахнет каким-то обманом? Или величины иррациональные и мнимые? Все точные науки стремятся к точности, но крушение бесчисленных теорий даже в физике и химии не говорят ли за то, что ступенями для приближения к истине служит ложь? Сколько времени считалось святыми истинами неделимость атома, неуничтожаемость материи, отдельность электричества от света и т.п., и все эти связки истины оказались заблуждением, как тот первоначальный факт, будто земля стоит, а небо движется кругом земли.

– Другими словами: да здравствует обман?

– Другими словами: да здравствует мудрость Божия, создавшая и правду, и ложь и заставляющая их служить друг другу. Для чего? Для осуществления высших целей. А эти цели – вне лжи или правды. Ведь все идолопоклонство перед правдой вышло из суеверия, будто человеку выше всего нужно знание, и раз – знание, то само собою точное. Но ведь это предрассудок: человеку для его блага вовсе не нужно безграничное знание, а лишь ограниченное. И знаний нужно вовсе не так много, и нет вовсе нужды в полной точности их. Правда необходима, но не больше, чем в ней нуждается жизнь, а она нуждается в небольшой доле правды, едва ли в большей, чем наше тело в материальных частицах.

– Остальное – обман?

– Остальное – приближенная истина, т.е. полуобман. Вот для чего создан Дьявол, отец лжи: для постоянного обслуживания правды, для обезвреженья ее, для приведения ее в растворимое и переваримое состояние. И эта роль дьявола органически важна, как роль минуса при плюсе.

– Минус такая же правда, как плюс.

– И ложь такая же истина, как правда, только полярно противоположная ей. Метафизически ложь есть отрицание факта, т.е. противоположения объятию чего то возможного, более или менее вероятного, если ему верят, а стало быть такого, что могло бы быть правдой. Вы в качестве циника и нигилиста, решаете тончайшие явления жизни топором: либо плюс, либо минус, либо истина, либо ложь. Но природа, голубчик, бесконечно деликатнее вашего топора. Кроме плюса и минуса она знает целую уйму алгебраических, дифференциальных, логарифмических и т.д. отношений, самых причудливых и почти волшебных. Ведь додумалась же мысль человеческая до многомерных пространств, до геометрии Лобачевского, до аритмологии профессора Бугаева, до прерывных функций и т.п. Неужели все это покрывается минусом или плюсом?

– По моему, да, ибо я не виляю хвостом перед своей совестью, как некоторые моралисты и софисты.

– Если не виляете, то отлично, но хорошо, если бы вы не виляли так же и языком совершенно зря, без согласия со здравым смыслом. Я убеждаю вас в вечной истине, а вам хо-

чется отругнуться, сорвать сердце. Я убеждаю вас в том, что истина и ложь, подобно артериальной и венозной сети, необыкновенно тесно переплетены друг с другом и отпрепарировать их нельзя, не убивая человека на смерть. Я убеждаю вас, что только частичной правды (именно вероятности) держится ложь, и только частичной лжи держится правда. На вопрос Пилата – а в его лице спрашивало Христа все цивилизованное человечество, – даже Христос ответа «не даде». На вопрос, что такое истина, даже Бэкон, основатель научного знания, второй Аристотель, только и мог ответить, что «истина есть дочь времени, а не авторитета». Если нет ни физического, ни нравственного закона, которые не подвергались бы сомнению, то что же в самом деле такое истина? И что – ложь? Пока мы не дойдем до божественного самоопределения, абсолютная истина будет недоступна. Все, что мы считаем истиной – условно и относительно, т.е. все с какой-то другой точки зрения ложно. Это наводит мудрых людей на мысль, что истина и ложь – понятия человеческие, свойственные ограниченному человеческому уму, в самой же природе нет явлений логичных или истинных, все натуральны, все обоснованны и все сотрудничают друг другу.

– Так что воры сотрудничают с теми, кого обворовывают? Убийцы обслуживают своих жертв? Хе-хе... Господин софист, хе-хе-хе! Вот-с, сударь, до чего можно до рассуждаться...!

– Не спешите хихикать, друг мой. Что воры и убийцы сотрудничают с мирными людьми и в каком – то важном отношении служат своим жертвам, до этого додумался не я, а народная мудрость. Слыхали ли вы поговорку: «на то и щука в море, чтобы карась не дремал». На вид жестокая и вульгарная, эта формула есть выражение великого дарвиновского закона, закона усовершенствования живых тварей, закона органической эволюции. Воры и убийцы, как вообще преступники, суть крайнее острие и жала тех рогатин, которыми природа заставляет все живое вечно бодрствовать, напрягать внимание, держать свою мускулатуру и мозг в исправности и готовности замечать опасность и избегать ее. Исключения не в счет, но как правило, жертвами воровства и убийства являются чаще всего рохли, люди неосторожные, ленивые, глупые, потерявшие самую драгоценную способность – наблюдательность. Все живое должно стоять на страже своей жизни, *sur le qui-vive*, как говорят французы, или как говорил Фридрих Великий: «Die preussen müssen immer aux Forposten vein». И оплошавшие личности, и оплошавшие народы не нужны природе. Они идут в лом. Они истребляются какою-то силой, заложенной в самой живой среде. Силой для нас, рохлей, губительной, для целой природы – необходимой. На войны и преступления нужно смотреть как на уборку и сожжение человеческого хлама в организме общества, и как на чистку, освежающую этот организм, молодящую его.

– Да здравствует война! Да здравствует людоедство, ибо ведь и людоеды поедают зазевавшихся своих оплошавших врагов!

– И война, и даже людоедство здравствует до сих пор без ваших тостов.

– Но скажите же на милость, господин философ, зачем же тогда добро, если зло столь великолепно достигает целей? Зачем любовь, идеалы и тому подобная чепуха? Казалось бы, что-нибудь одно: либо добро, либо зло. Как же вы примиряете две противоположности?

– Не я, милый, а природа их примиряет. Страшный вы, батенька человек! Вам подавай либо плюс, либо минус, и вы никак не можете понять каприз природы, вмещающий в себя и плюс, и минус. Если бы вы создавали мир, то наверное захотели бы дать ему один полюс, а не два, и орбите планетной один фокус, а не два.

– А что же? Разве было бы худо?

– Да не худо, а совсем скверно, ибо противоположение лежит в основах природы. Она двойственна и многообразна. Отрицая минус, вы тем самым отрицаете и плюс, т.е. всякое строение величин.

- Ну-с, дальше?
- Дальше то, что уже я долблю вам целый час, а именно: зло не есть нечто отдельное от бытия, а неразрывное с ним, как основа и уток ткани. То, что нам кажется злом, при каких-то условиях может быть названо добром и обратно.
- Готтентотская мораль: я украду – это добро, у меня украдут – зло? Так, что же?
- Если вы готтентот, то пожалуй и так, если же вы культурный европеец, то иначе.
- А именно?
- Культурный европеец часто достигает или в состоянии достигать той высоты, когда твое и мое не различимы. Что дурно для меня, то дурно для всех. Что дурно для всех, дурно и для меня. Отсюда общая и стихийная борьба со злом, где бы оно не встречалось.

Список источников и литературы

1. Зверев, Н. В. (2013). *Общественно-политические взгляды М. О. Меньшикова: 1885-1900 гг.*: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Москва. 26 с.
2. Мелкова, А. С. (2005). *Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: переписка, дневники, воспоминания, статьи* [сост., статьи, подгот. текстов и примеч. А. С. Мелковой]; Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Москва: Рус. путь. 475 с.
3. Меньшиков, М. О. *Из писем к близким*: [Статьи / М. О. Меньшиков; Вступ. ст. М. Б. Поспелова]. Москва: Воениздат. 223 с. Он же. *Выше свободы: Статьи о России* / М. О. Меньшиков. Москва: Современ. писатель, 1998. 458 с. Он же. *Письма к русской нации* / М. О. Меньшиков. 2-е изд., переработ. и доп. Москва: Изд-во журнала «Москва», 2000. 555 с. Он же. *Кончина века* / М. О. Меньшиков. Москва: Грааль, 2000. 31 с. Он же. *Вечное воскресение*. (Сборник статей о Церкви и вере) / М. О. Меньшиков. Москва: Русский Вестник, 2003 (Моск. тип. j 9). 174 с. Он же. *Национальная империя: борьба миров: цивилизация в опасности: Россия прежде всего* / Михаил Меньшиков; [Православ. центр импер. полит. исслед.]. Москва: Импер. традиция, 2004 (Курган: ГИПП Зауралье). 505 с. Он же. *Как воскреснет Россия? Избранные статьи* / М. О. Меньшиков. СПб.: Русская симфония: Б-ка Акад. наук, 2007. 668 с.
4. Санькова, С. М., Орлов, А. С. (2013). *Религиозно-философские искания М. О. Меньшикова* // М-во образования и науки РФ, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Армавирская гос. пед. акад.». Армавир: АГПА. 297 с.
5. Отдел хранения документов личных собраний Москвы (ОХДЛСМ). Ф. 202. Оп. 1. Д. 50.
6. ОХДЛСМ Ф. 202. Оп. 1. Д. 13.
7. Шibaева, В. В. (1993). *М. О. Меньшиков. Материалы к биографии*. Москва: Студия «ТРИТЭ» - «Российский Архив». 271 с.
8. Отдел хранения документов личных собраний Москвы (ОХДЛСМ). Ф. 202. Оп. 1. Д. 74.

References

1. Zverev, N. V. (2013). *Obshchestvenno-politicheskie vzglyady M. O. Men'shikova: 1885-1900 gg.* [Socio-political views of M. O. Menshikov 1885-1900]. (doctoral dissertation abstract). Moscow. (in Russian).
2. Melkova, A. S. (2005). *Anton Chekhov i ego kritik Mikhail Men'shikov: perepiska, dnevniki, vospominaniya, stat'i.* [Anton Chekhov and his critic Mikhail Menshikov: correspondence, diaries, memories, articles] / [sost., stat'i, podgot. tekstov i primech. А.

S. Melkovoy]; Ros. akad. nauk, In-t mirovoy lit. im. A. M. Gor'kogo. Moscow, Rus. put'. (in Russian).

3. Men'shikov, M. O. (1998, 2000, 2003, 2004, 2007). *Iz pisem k blizhnim* [From letters to neighbors]: [Stat'i / M. O. Men'shikov; Vstup. st. M. B. Pospelova]. Moscow, Voenizdat. On zhe. *Vyshe svobody: Stat'i o Rossii*. [Above Freedom: Articles about Russia]. Moscow, Sovrem. pisatel'. On zhe. *Pis'ma k russkoy natsii*. [Letters to the Russian Nation]. 2-e izd., pererabot. i dop. Moscow, izd-vo zhurnala "Moskva". On zhe. *Konchina veka* [The end of the century]. Moscow, Graal'. On zhe. *Vechnoe voskresenie*. [Eternal Resurrection]. Sbornik statey o Tserkvi i vere. Moscow, Russkiy Vestnik. On zhe. *Natsional'naya imperiya: bor'ba mirov: tsivilizatsiya v opasnosti: Rossiya prezhde vsego* [National Empire]. Moscow, Imper. traditsiya, 2004. On zhe. *Kak voskresnet Rossiya? Izbrannye stat'i* [How will Russia be resurrected? Selected articles]. St. Petersburg, Russkaya simfoniya: B-ka Akad. nauk. (in Russian).

4. San'kova, S. M., Orlov, A. S. (2013). *Religiozno-filosofskie iskaniya M. O. Men'shikova* [Religious and philosophical searches of M. O. Menshikov] in M-vo obrazovaniya i nauki RF, Federal'noe gos. byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vyssh. prof. obrazovaniya "Armavirskaya gos. ped. akad.". Armavir, AGPA Publ. (in Russian).

5. Otdel khraneniya dokumentov lichnykh sobraniy Moskvy (OKhDLSM). [Department of storage of documents of personal collections of Moscow (OHDLSM)]. F. 202. Op. 1. D. 50. (in Russian).

6. OKhDLSM. [OHDLSM]. F. 202. Op. 1. D. 13. (in Russian).

7. Shibaeva, V. V. (1993). *M. O. Men'shikov. Materialy k biografii*. [M. O. Menshikov. Materials for the biography]. Moscow, Studiya «TRITE» - «Rossiyskiy Arkhiv» Publ. (in Russian).

8. Otdel khraneniya dokumentov lichnykh sobraniy Moskvy (OKhDLSM). [Department of storage of documents of personal collections of Moscow (OHDLSM)]. F. 202. Op. 1. D. 74. (in Russian).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

*Жиров Н. А.,
Ляпин Д. А.,
Мельникова А. Р.
(Елец)*

**К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА
ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.¹**

Демографические исследования локальных территориальных образований не теряют своей актуальности последнее время, хотя работ на эту тему выходит крайне немного. В этой связи нам бы хотелось обратить внимание научного сообщества на важность изучения истории региона в контексте демографии. Значение подобного рода исследований трудно переоценить поскольку они позволяют историку взглянуть на протекавшие социально-политические процессы в провинции.

Согласно структурно-демографической теории возрастающая демографическая нагрузка имеет прямое воздействие на социум. В прошлом одним из наиболее вероятных ответов на рост населения в традиционном, как правило, аграрном обществе, был всплеск социальной напряженности из-за отсутствия возможности обеспечить население продуктами первой необходимости, в первую очередь – продовольствия. Увеличение населения, или как его еще называют «демографический прилив», оборачивалось экономическим кризисом и социально-политической борьбой, обострение которой приводило к революциям, восстаниям, бунтам и прочим социальным потрясениям. Естественным выходом из ситуации демографической перегрузки в прошлом было расширение территории государства при сохранении существующей социально-экономической модели (экстенсивный подход) или развитие технического производства или хозяйственного уклада (интенсификация производства). Применительно к истории России ученые выделяют фазу демографического подъема сельского населения во второй половине XVI – начале XVII вв., сопровождавшуюся ростом территории и социально-экономическими потрясениями. В XVII-XVIII вв. этот процесс с развитием крепостничества) продолжился, границы государства расширялись и фактически к середине XIX в. достигли своего исторического предела. Со второй половины XIX вв. Российское государство пыталось решить экономические проблемы путем внутренней колонизации пространств, вовлечением сельских жителей в процесс урбанизации и развития промышленного сектора. Но традиционная модель воспроизводства населения, с сохранением ментальных представлений о большой многодетной семье в сочетании с успехами в области здравоохранения привели к всплеску естественного прироста населения в центральной России в начале XX в., закончившегося социально-экономическим, а в последствии и политическим кризисом государства и последующими революционными событиями, и изменением государственного устройства страны.

В такой исторической ретроспективе локальные исследования представляют особый интерес. Перспективным исследовательским полем, на наш взгляд, является история регио-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

на современного Центрального Черноземья, особенно в период интенсивного освоения, а именно во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Первое время рост численности и развитие этих земель в XVII в. были связаны с функционированием однодворческого поместья – общинного землепользования, основанного на принципах совместной экономической деятельности. До начала XVIII в. хозяйственное развитие этих территорий оставалось незначительным. Однако петровские преобразования России стали важным шагом на пути модернизации аграрного общества, одновременно с этим происходило закрепощение сельского населения, для подчинения основной массы интересам государства. Период XVIII-XIX вв. стал временем интенсивного освоения черноземных земель и резкого роста численности населения. Вся территория Черноземья была в достаточной степени освоена, что привело к изменению ландшафтной среды.

Черноземная территория уникальна по своей сути, поскольку формировалась как пограничная, фронтальная зона. Здесь еще в XVII в. слились воедино пришедшие из коренной Московской Руси военно-служилые люди, великорусские пахари, посадское население старорусских городов, представители казацкой вольницы, мирных охотников, рыболовов, представителей казачьего мира Украины. В этом плодородном крае сложились основы южного варианта великорусской культуры, заметные черты которой сохраняются и продолжают работать на укрепление русской национальной идентичности в наше время. В современных условиях межконфессиональных и межнациональных конфликтов с большой исторической глубиной во многих странах конкретный исторический опыт многовекового сожительства и сотрудничества разных этносоциальных групп российского общества в аграрной сфере требует особого изучения.

Таким образом, особенности истории российского аграрного общества, в контексте динамики демографической структуры, являются актуальным предметом исследования. Сегодня, когда накоплен большой теоретический опыт в историко-демографической проблематике, настало время Черноземного региона в периоды демографических «приливов» и «отливов». Если теоретические построения демографической истории на макроуровне (страна, крупная административная единица, например, область или губерния) в настоящее время не являются редкостью и предстают как предметное поле для дискуссий (С.А. Нефедов, Б.Н. Миронов), то конкретно-исторических работ в рамках изучения локальных территорий на микроуровне (отдельных населенных пунктов или исторически связанных сети поселений, например, православных приходов) в этом направлении не так много. Считаем, что очень важно заполнить образовавшуюся историографическую лауну и представить вековые демографические циклы на основе конкретно-исторического материала сельских поселений, типичных «аграрного» Черноземного региона.

Ляпин Д. А.
(Елец)

**ЦЕННЫЙ ОПЫТ НОВОЙ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
«ИЗ ИСТОРИИ ХВОРОСТАНСКОГО КРАЯ. СЕЛО ДАНКОВО В ДОКУМЕНТАХ
И МАТЕРИАЛАХ / СОСТ., ВСТУПИТ. СТАТЬЯ И ПРИМЕЧАНИЯ
Г. Н. МОКШИНА. ВОРОНЕЖ: ИСТОКИ, 2019. – 492 С.»**

В последнее время в исторической науке особую значимость приобретают локальные исследования, выполненные в направлении микроистории. Изучение малых территорий и популяций в крупном масштабе позволяет историку показать специфику повседневной жизни и ментальности «маленького человека», обычно теряющегося в традиционных исторических трудах. Микроисторический анализ помогает направить усилия на изучение частных явлений, происходивших в жизни отдельных людей, с целью понимания важных исторических процессов и тенденций в обществе в целом. В настоящее время микроисторический подход все чаще именуется «новой локальной историей», и нам представляется, что этот термин более точно выражает суть этого направления. В рамках такого подхода обычный человек в истории оказывается универсальным масштабом и смысловым центром при построении картины прошлого. Такие исследования, на наш взгляд, всегда стоит приветствовать, но, как правило, они мало известны широкому кругу читателей, так как тираж их невелик и их часто путают с традиционной краеведческой литературой.

Наглядным примером подобного рода работой может быть книга доктора исторических наук, профессора Воронежского государственного университета Г. Н. Мокшина, известного специалиста в области изучения народнического движения в России второй половины XIX в. Ученом удалось собрать в своем издании документальные сведения о селе Данково Хворостанского района Воронежской области в период с 1615 по 2018 гг. Конечно, большая часть документального материала связана с историей села в XX в., но, тем не менее, Г. Н. Мокшину вполне удалось показать историческую преемственность поколений жителей одного села в жизни которых нашли свое отражение важные исторические процессы. Источники, которые привлечены для этой работы, имеют разнородный характер. Это и документальные материалы (в том числе архивные), работы воронежских краеведов, газетные заметки, статистические данные и прочее.

Книга состоит из пяти частей, расположенных по хронологическому принципу. Первая часть посвящена событиям с XVII века до 1917 г., вторая истории села в 1917-1941 гг., третья 1941-1957 гг., четвертая – 1957-1991 гг. и, наконец, пятая часть содержит документы по истории села в 1992-2018 гг. Каждая часть состоит из семи глав, тексты которых размещены по проблемно-хронологическому принципу. В итоге, собранные документы позволяют увидеть историю жителей села в различные исторические эпохи: от первых помещиков-однодворцев, разделивших земли по реке Хворостань до современных нам фермерских хозяйств. Через историю села проходят события, связанные со становлением и падением «крепостного права», столыпинской аграрной реформы, коллективизации, Великой Отечественной войны, кризиса колхозного хозяйства и демографический упадок 1990-х годов. В документах, собранных Г. Н. Мокшиным, мы видим живых людей, делящих землю, строящих новый храм, увлекающихся странными религиозными сектами, воюющими с «белоказаками», вступающими в колхоз «40 лет октября», массово гибнущими на войне, возрождающие свое село из руин, повышающими культуру труда, сеющими кукурузу, выходящими из колхоза, участвующими в новой рыночной жизни. Все это мелькает перед нами в kaleйдоскопе разнородных документальных материалов. И вот последний документ - заметка из газеты «Каширские зори» от 16 февраля 2018 г. под названием «В Данково прошли пер-

вые Зимние сельские игры». Из ее текста узнаем, что игры были посвящены 250-летию села, спортивные соревнования сопровождались дискотеккой и чаепитием. Такой экскурс в повседневную жизнь наше времени – яркое свидетельство того, что колесо жизни продолжает крутиться и в воронежской глубинке.

Тираж представленной книги составляет 250 экземпляров. Благодаря обязательной рассылке она доступна в главных библиотеках нашей страны. Безусловно, автором проделан большой труд, собран громадный документальный материал, позволяющий понять простого человека, жизнь которого также составная часть прошлого. Работа Г. Н. Мокшина – ценный опыт новой локальной истории. Очень хочется надеяться, что подобных трудов со временем будет больше. В настоящий момент такая работа ведется на примере нескольких населенных пунктов Липецкой области. Полагаем, что в скором будущем локальные исследования длительного хронологического периода станут обязательной частью исторических исследований ученых нашей страны.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Артёмов Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета, Россия, Москва, asn66@List.ru

Глазьев Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Воронежского государственного университета, Россия, Воронеж, bob60_12@mail.ru

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета, Россия, Москва, gorlov812@mail.ru

Коробицына Луиза Владимировна – кандидат исторических наук, доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, LVKorobitsyna@fa.ru

Лапшина Зоя Степановна – кандидат исторических наук, доцент Хабаровской духовной семинарии, Хабаровск; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, Lapshinazo1@gmail.com

Ляпин Денис Александрович – доктор исторических наук, доцент Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия, lyarin-denis@yandex.ru

Мартынова Елена Петровна – доктор исторических наук, профессор Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия, ep_martynova@mail.ru

Мельникова Алёна Романовна – бакалавр Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, Елец, Россия, alna.melnikova.2000@list.ru

Мокшин Геннадий Николаевич – доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия, mok410@mail.ru

Нечаев Владимир Васильевич – независимый исследователь, Владивосток, Россия, netchaevvasilich@mail.ru

Орлов Андрей Сергеевич – кандидат исторических наук, сотрудник академии Федеральной службы охраны Российской Федерации, Орёл, Россия, Orlov-orl@mail.ru

Пушкаренко Елена Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент Белгородского научно-исследовательского университета, Белгород, Россия, pushkarenko-elena@mail.ru

Рыбалко Наталия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент Волгоградского государственного университета, Волгоград, Россия, natalia.rybalko@volsu.ru

Сидорчук Илья Викторович – кандидат исторических наук, доцент Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, sidorchuk_iv@spbstu.ru

Шевченко Иван Александрович – кандидат исторических наук, доцент Липецкого государственного педагогического университета им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Россия, i1ash@rambler.ru

Яни Жоэлле Роланд – аспирант Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия, jojoetestou@yahoo.fr

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey N. Artemov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow State Linguistic University, Russia, Moscow, asn66@List.ru

Vladimir N. Glazyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Voronezh State University, Russia, Voronezh, bob60_12@mail.ru

Vladimir N. Gorlov – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Moscow State Linguistic University, Russia, Moscow, gorlov812@mail.ru

Luiza V. Korobitsyna – PhD in History, Associate-Professor, Department of humanitarian studies, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, LVKorobitsyna@fa.ru

Zoya S. Lapshina – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Khabarovsk Theological Seminary, Khabarovsk; Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia, Lapshinazoy1@gmail.com

Denis A. Lyapin – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of Bunin Yelets State University, Yelets, Russia, lyapin-denis@yandex.ru

Elena P. Martynova – Doctor of Science (History), Professor of Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia, ep_martynova@mail.ru

Alena R. Melnikova – bachelor of BuninYelets State University, Yelets, Russia, al-na.melnikova.2000@list.ru

Gennady N. Mokshin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Voronezh State University, Voronezh, Russia, mok410@mail.ru

Vladimir V. Nechaev – independent researcher, Vladivostok, Russia, nechaevvasilich@mail.ru

Andrey S. Orlov – Candidate of Historical Sciences, employee of the Academy of the Federal Security Service of the Russian Federation, Orel, Russia, Orlov-ork@mail.ru

Elena A. Pushkarenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Belgorod Research University, Belgorod, Russia, pushkarenko-elena@mail.ru

Natalia V. Rybalko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Volgograd State University, Volgograd, Russia, natalia.rybalko@volsu.ru

Ilya V. Sidorchuk – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Graduate School of International Relations, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia, sidorchuk_iv@spbstu.ru

Ivan A. Shevchenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russia, liash@rambler.ru

Joelle Roland Yapi – post-graduate student of Tolstoy Tula State Pedagogical University, Tula, Russia, jojoetestou@yahoo.fr

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Объем статьи не должен быть меньше 15 страниц А4, с текстом, набранным 14 шрифтом. Библиографический список статьи должен содержать не менее 10 позиций (не считая ссылок на архивные фонды).

ТЕКСТ научной статьи следует строго оформлять согласно следующим требованиям:

Текстовый редактор – Microsoft Word.

Формат – А4.

Поля – 2 см со всех сторон.

Шрифт – Times New Roman (при необходимости – другой; если шрифт не входит в список общепринятых, его нужно прислать отдельным файлом).

Размер шрифта – 14.

Межстрочный интервал – 1,5.

Абзац (отступ) – 1,25.

Ориентация – книжная, без простановки страниц, без переносов.

Редактор формул – пакет Microsoft Office (MathType).

Графики, таблицы и рисунки – черно-белые, без цветной заливки, допускается штриховка.

УДК (см., например: <http://teacode.com/online/udc/> или <http://udkcodes.net>).

Краткая аннотация статьи на русском языке (курсивом). Объем аннотации **не менее 200 слов**. Аннотация должна содержать: актуальность работы, новизну, методы, источниковую базу, результаты (выводы).

Ключевые слова (курсивом, не менее 5-7).

Краткая аннотация статьи на английском языке (курсивом).

Ключевые слова на английском языке.

Фамилия, имя, отчество автора(ов) (жирным шрифтом, курсивом, имя и отчество сокращенно), ниже – город, который представляет автор (курсивом), – по левому краю, строчными буквами.

Название статьи – по центру, без отступа, прописными буквами.

Текст статьи – выравнивание по ширине.

ССЫЛКИ в тексте оформляются по следующему образцу: [1, с. 195], [4], [3, с. 20; 7, с. 68], [8, д. 143, л. 8]. Библиография оформляется в соответствии с образцом, который прилагается к данным требованиям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ приводится в алфавитном порядке в виде нумерованного списка. В списке источников и литературы указывается издательство и количество страниц. После списка источников и литературы обязательно следует References.

REFERENCES

Список литературы на английском языке (References) – комбинация транслитерированной и англоязычной частей русскоязычных ссылок.

Более подробно об оформлении статей можно узнать на сайте: <http://historic-journal.ru/about/for-authors/requirement/>

Дополнительно

Уважаемые авторы! Заявки на публикацию принимаются только по указанному выше адресу электронной почты. Рецензирование научной работы осуществляется редакционной коллегией журнала, которая принимает решение о публикации статьи, внешние рецензии не учитываются. Редакция оставляет за собой право не принимать к рассмотрению статьи авторов, материалы которых неоднократно отклонялись редакционной коллегией. Публикуются только одобренные редакционной коллегией статьи.

Рассылка печатных экземпляров редакцией не осуществляется. Оформить подписку можно в любом отделении «Почты России».

Научное издание

ИСТОРИЯ: ФАКТЫ И СИМВОЛЫ

№ 2 (31) / Елец, 2022

Литературный редактор, корректор – В. В. Ряполов
Технический редактор – Н. П. Безногих
Техническое исполнение – В. М. Гришин
Дизайн обложки – П. А. Фрольцова (ИАИ РГГУ)

Знак информационной продукции 12+

Подписано в печать 08.06.2022
Дата выхода в свет 09.06.2022
Бумага 71,0 п.л. формат А-4. Гарнитура Times. Печать трафаретная
Тираж 1000 экз. Заказ № 27
Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1
E-mail: nauka@elsu.ru
Сайт журнала: <http://historic-journal.ru>

Подписной индекс журнала № **64989** в каталоге периодических изданий
органов научно-технической информации агентства «Роспечать»

Подписной индекс журнала № **43281** в объединенном каталоге «Пресса России»

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1